

НАНАК СИНГХ

СУНДАРИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА». МОСКВА. 1970

НАНАК СИНГХ • СУНДАРИ

РОМАН

Перевод с панджабского
И. ТОЛСТОЙ

И(Инд)

СЗВ

ПОСЛЕСЛОВИЕ • В. ПАВЛОВА

ХУДОЖНИК • А. РЕМЕННИК

ВСТУПЛЕНИЕ

Было семь часов вечера. На амритсарском вокзале толпился народ. Проходя через ворота в город, все отдавали свои билеты контролеру.

— Задержи-ка этого прохвоста! — вдруг крикнул контролер полицейскому. Тот схватил безбилетного пассажира за руку и грубо толкнул к воротам. В это мгновение на землю упала пачка бумаги. Пассажир торопливо поднял ее и крепко сжал в руках. По всей видимости, это был сикх¹, молодой человек лет восем-

¹ С и к х — представитель сикхской общины, исповедующей одно из ответвлений индуизма — сикхизм. Во главе сикхской общины стоял учитель — гуру. (Здесь и далее примечания переводчика.)

надцати: на его верхней губе еще даже не пробился пушок. Никаких вещей у него не имелось. Пальто, надетое поверх разодранной у ворота рубахи, изобиловало многочисленными заплатами. Пуговицы отсутствовали, их заменяли толстые белые нитки, пропущенные сквозь петли. Один карман оторвался, другой держался, как говорится, на честном слове. Юноша был хорошо сложен, строен, светлокож. Но на всем его облике лежала печать бедности, а в чертах лица явственно читались отчаяние и стыд.

Почувствовав на себе руку полицейского, юноша вздрогнул. Его взгляд встретился с подозрительным и злобным взглядом контролера. Юноша сделал два шага вперед и встал спиной к воротам. Полицейский, решив, что он хочет сбежать, угрожающе крикнул:

— Ты куда? Стой на месте, не то шкуру спущу!

Пассажир безропотно вернулся назад.

Спустя четверть часа, когда все уже разошлись, контролер приказал:

— А ну выкладывай деньги за билет. С тебя рупия и десять ана¹.

Еще до того, как к нему обратились с этим требованием, юноша обшарил свой карман: увы, там по-прежнему лежала одна-единственная медная монета в четыре ана, и та фальшивая.

— Сжальтесь надо мной, господин, я очень беден, — робко вымолвил юноша. — Я потому и ехал без билета, что у меня нет денег.

— Ах, вот что! Ты ехал без билета! — презрительно рассмеялся контролер. — Уж не думаешь ли ты, что поезд принадлежит твоему отцу? Смотри, как бы тебе не угодить за решетку!

— Господин контролер! — вмешался полицейский. — Вы думаете, у него в самом деле нет денег? Давайте-ка его обыщем, посмотрим, беден он или только прикидывается.

— И то верно, — сказал контролер. — Я и забыл, чем промышляют эти бродяги. Ездят без билетов, толкуются в поездах, а чуть кто-нибудь зазеваётся, живо его обчистят!.. Ну так как? Будешь платить или вести тебя в полицию?

¹ Ана — монета, составлявшая 1/16 часть рупии.

Лицо юноши покрылось смертельной бледностью. Он пытался что-то сказать, но язык не слушался. Наконец он собрался с духом.

— Господин, поверьте мне, я не вор, а просто несчастный бедняк... Конечно, я виноват, что ехал без билета. Ведите меня, куда хотите, только богом заклинаю, не называйте вором — этого я не вынесу.

На глазах его выступили слезы.

Контролер и полицейский давно привыкли к всевозможным уверткам и отговоркам безбилетников, поэтому они почти не прислушивались к его словам. Но когда взгляд контролера упал на лицо юноши, оно его потрясло: покрасневшие, огромные глаза, дрожащие, перекошенные от презрения и гнева губы, яркие пятна румянца на бледных щеках.

Несколько мгновений контролер и юноша молча смотрели друг на друга, и в душе контролера неожиданно поднялось какое-то странное, самому ему непонятное чувство.

Юноша тем временем возился со своим пакетом: то заталкивал его в карман, то совал под мышку, но потом, испугавшись, как бы не потерять совсем, стиснул в руках.

— Иди за мной, — коротко приказал контролер и направился к выходу, оставив вместо себя другого контролера (а может, к тому времени просто уже кончилась его смена). Юноша поплелся за контролером. Он не знал, куда его поведут: к начальнику станции или в полицейский участок, и был очень удивлен, когда, выйдя на широкую привокзальную площадь, контролер сел на траву и жестом пригласил молодого человека расположиться рядом.

— Откуда ты приехал? — спросил контролер, внимательно разглядывая пассажира.

— Из Лахора, господин.

— А где живешь?

— Здесь, в Амритсаре.

— Удивительное дело! Живешь, где можно найти работу, в большом городе, а в кармане у тебя не наберется и десяти ана! Где работаешь?

Вопрос этот, казалось, смутил и обескуражил юношу. Помолчав, он ответил:

— Нигде.

— Вот как! А на что живешь? — И контролер еще

раз, теперь уже подозрительно, оглядел его. Но подозрительность эта тотчас же исчезла: что-то в глазах юноши убедило пожилого контролера в несправедливости его подозрений.

— Не знаю, что и сказать вам, господин! — вздохнул юноша. — Видно, умирать никому не хочется. Возьмите, к примеру, меня. Сколько бед я вытерпел, а все-таки хочу жить!.. Ах, будь проклят я и моя несчастная судьба!..

Слезы душили юношу, мешали ему говорить. Последние его слова еще больше взволновали контролера. Желая успокоить юношу, он сказал:

— Не надо падать духом, сардар!¹ Сдается мне, ты попал в какую-то дурную историю. Но так и быть, постараюсь помочь тебе, чем смогу.

Юноша был погружен в глубокое раздумье. Казалось, он не уловил сочувствия, звучавшего в словах контролера, потому что с тяжелым вздохом сказал:

— О господин! Не стоит вам из-за меня беспокоиться! Ведь вы обязаны передать меня в руки полиции. Хорошо бы было, если б я попал в тюрьму до захода солнца...

Контролер опешил. На мгновенье ему показалось, что перед ним безумец.

— Тебе хочется попасть туда до захода солнца? — переспросил он. — Почему?

Взглянув на пакет, юноша ответил:

— Потому что тогда я смогу окончить свой роман.

— Объясни, что значат твои слова. Что-то я тебя не понимаю...

— Господин, я живу здесь, в Амритсаре, в старой полуразвалившейся лачуге, плачу за нее всего восемь ана в месяц, но для меня это все равно что восемь рупий. Я писатель, но не профессионал, писать начал совсем недавно. Несколько моих книг уже изданы, да и журналы время от времени печатают мои рассказы. Читателям они нравятся, но одними похвалами сыт не будешь!..

Он остановился, о чем-то задумался, потом продолжал:

— Полгода назад я начал писать вот это. — Он указал на сверток. — Я был тогда так же беден, как и сей-

¹ Сардар — господин; обращение, преимущественно, к сикху.

час, и в кармане у меня было так же пусто. Денег в долг мне никто не давал. Позавчера у меня кончилась бумага, и это было для меня большим ударом: ведь я не успел дописать последнюю главу. Поверьте, я привык голодать, привык себе во всем отказывать, но не иметь возможности купить бумагу — для меня равносильно смерти. Целый день потратил я на то, чтобы раздобыть денег, но все напрасно, — никто ничего мне не дал. Я дошел до крайности и уже решил покончить счеты с жизнью, но меня остановил страх, как бы книга не осталась неоконченной. Я не имею права умереть! И вот я пошел на базар, надеясь, что сумею разыскать в какой-нибудь мусорной куче несколько грязных листов, и я нашел то, что искал. Это была тетрадка. Но когда я раскрыл ее, то увидел, что она совершенно мокрая. К счастью, исписана была только одна сторона, другая оставалась чистой. Я унес тетрадку домой и высушил у огня. Я был так счастлив, так увлекся работой, что писал семь часов подряд не отрываясь. На следующий день бумага опять кончилась. А мне осталось дописать несколько страниц. Я спешил завершить свою работу, это мой долг. Почему, спросите вы? Не могу вам сказать... Но мне кажется, этот роман — лучшее из всего, что я написал. Я собирался поехать в Лахор и продать роман какому-нибудь крупному книгоиздателю. Но хоть Лахор и недалеко от Амритсара, но когда нет денег, добраться до него так же трудно, как до Калькутты. Вчера я ухитрился выпросить рупию у одного шулера, причем расписку он взял с меня на две рупии. И вот сегодня утром, не проглотив и крошки хлеба, я взял роман и отправился в Лахор. Я рассчитывал получить в каком-нибудь издательстве хотя бы небольшой аванс. Но, побывав у нескольких издателей, я понял, что просчитался. Ни один из них не заинтересовался моим романом. Видно, всех отталкивал мой жалкий вид и растрепанная рукопись. Правда, в одном месте предложили пятнадцать рупий, но разве я мог согласиться? Короче говоря, я промучился целый день, и все попусту. Тогда я решил вернуться в Амритсар. Очень хотелось есть, но в кармане у меня осталась всего одна монета в четыре ана. Я зашел в лавочку — перекусить, но, когда стал расплачиваться, оказалось, что монета фальшивая. Хозяин ударил меня, а посети-

тели, вместо того чтобы посочувствовать, стали осыпать меня оскорблениями и насмешками. Стремясь избавиться от хозяина, который ругал меня площадными словами, я отдал ему шелковый платок, с которым никогда не расставался. Эта вещь была мне очень дорога. Как бы вам объяснить... — Глаза юноши наполнились слезами. — Это единственное, что у меня осталось... Да, я взял грех на душу, заложил платок хозяину лавки. И тогда передо мной появилась какая-то тень и голосом, полным обиды, прошептала: «Несчастный! Видно, кровь в твоих жилах побелела, если ты предал меня!»

Я опрометью бросился на вокзал и сел в поезд, который шел в Амритсар. В поезде я стал лихорадочно заканчивать мой роман. Я писал его на обрывках газет, но так и не успел кончить. Поезд прибыл в Амритсар, и тут вы меня задержали. Прошу вас, господин, отправьте меня в тюрьму: мне нужно дописать свой роман. Я назвал его «Сундари». В жилах всех его героев, за исключением одного-двух, течет не красная, а белая, дурная, кровь. Если и вы (а вы — последний герой моего романа) будете вести себя, как большинство моих героев, то роман превратится в трагедию. Но мне никак не дается самый конец, и это мучительно. Неужели мне придется бросить эту тему и обратиться к другому сюжету?..

«Если заключительная глава его романа так трагична, каковы же все остальные?» — подумал контролер. Он еще раз с состраданием взглянул на юношу, ласково коснулся его руки и сказал:

— Простите меня, господин! Я не знал, кто вы такой. Пойдемте со мной — я приглашаю вас к себе в дом. Там вы отдохнете, наберетесь сил. И не считите за дерзость мою нижайшую просьбу: прочтите мне ваш роман. Я люблю читать и читаю все свое свободное время. К тому же я знаком с некоторыми издателями и, может быть, смогу быть вам полезным.

Юноша ничего не ответил; он молча встал и пошел следом за контролером. Тот ни о чем его больше не расспрашивал. Вскоре они добрались до места. Войдя в дом, контролер приказал своему слуге тотчас же подать обед. Затем гость и хозяин направились в спальню. Усадив юношу на низкую тахту, контролер сказал:

— А теперь, мой дорогой гость, я весь внимание.

Было девять часов вечера. Юноша сел и раскрыл

рукопись. Несколько страниц упало на пол. Юноша нагнулся и поднял их. Титульный лист он положил на столик, стоявший рядом с тахтой. И когда контролер прочитал то, что было на нем написано, он вскочил так стремительно, будто перед ним вдруг появился его начальник. А на листе было написано всего-навсего два слова:

ГУПТЕШВАР
«СУНДАРИ»

Гуптешвар! Это-то имя и поразило контролера! Оно было ему знакомо, так как он прочитал несколько книг, подписанных этим именем. Какую радость и наслаждение доставили они ему! Все романы Гуптешвара он хранил в особом шелковом платке — так хранят обычно только религиозные книги.

«Вот каков он, этот Гуптешвар! И он — в моем доме! Поразительно!.. Но в каком же он бедственном положении!» Эти мысли вихрем пронеслись в голове контролера.

Он встал со стула и, сев на пол, коснулся обеими руками ног юноши.

— Просто не верится, что вы Гуптешвар, — проговорил он. — Я так люблю ваши книги!

Он подошел к шкафу и вынул из него сверток.

— Здесь у меня все ваши сочинения, — произнес он, разворачивая платок.

И действительно, там оказались книги Гуптешвара и журнальные вырезки с его рассказами.

Но на Гуптешвара все это, казалось, не произвело никакого впечатления. Он сидел, думая о чем-то своем.

Контролеру (его звали Шамдас) захотелось как можно искренней выразить Гуптешвару свое уважение и признательность, и он взволнованно сказал:

— Дорогой гость! Я поистине счастлив: осуществилось то, о чем я так долго мечтал. Мой благодетель! Вы не можете себе представить, чем я вам обязан! Несколько лет тому назад я был другим человеком. Во мне соединились все пороки, какие только есть на свете, и я даже гордился этим. Но жизнь моя переменилась с тех пор, как я начал читать ваши книги. Я купил все, что вы написали, и стал выписывать журналы, в кото-

рых вы печатали свои произведения. У меня не хватает слов, чтобы объяснить вам, как подействовали на меня ваши сочинения! Но как ни старался я познакомиться с вами, узнать ваш адрес мне не удалось. Куда бы я ни обращался, везде получал один ответ: никто никогда вас не видел — не видел вас, молодого писателя, так быстро снискавшего себе славу!.. Господин Гуптешвар! В этой самой комнате еще совсем недавно пили вино, играли в карты, развратничали. И я, Шамдас, был главным заводилой в этой компании. А если вспомнить преступления, которые я...

Шамдас внезапно умолк. Гуптешвар смотрел на него с сожалением и сочувствием. Затем он взял Шамдаса за руки и усадил его на стул:

— Я рад видеть перед собой благородного человека. Вы сбросили с себя бремя грехов, а это дано не каждому. Хвала всевышнему за его милосердие!

Шамдас засиял от радости, но затем, вспомнив, как недавно обошелся с Гуптешваром, покраснел от стыда.

— Простите меня! Отныне я никогда не совершу подобного поступка!

— Стоит ли вспоминать об этом, господин! — ответил Гуптешвар. — Как я могу на вас обижаться: вы же годитесь мне в отцы.

— Это так, но знаете, недаром говорят о некоторых: дожил до старости, а ума не нажил!

С этими словами Шамдас встал и попросил Гуптешвара приступить к чтению.

— Я охотно прочел бы вам свой роман, — смущенно вымолвил тот, — но это довольно длинное сочинение. Оно вам быстро наскучит.

— Что вы! Что вы! — запротестовал Шамдас. — Я только боюсь, как бы вы не устали. Уверю вас, пока не дослушаю до конца, не притронусь ни к еде, ни к питью.

— Что ж, тогда вам придется бодрствовать всю ночь. Я постараюсь прочесть роман как можно быстрее, но все-таки мне на это понадобится часов восемь — десять.

Шамдас придвинул к Гуптешвару настольную лампу и сказал:

— Прошу вас, читайте.

Гуптешвар открыл рукопись и начал:

Приходилось ли вам слышать, как в притихшем осеннем лесу шелестят падающие с деревьев сухие листья и как шелест этот постепенно растворяется в глубоком безмолвии? Вот так же замирает в воздухе прерывистое, с присвистом, дыхание больной девушки, которая сидит под навесом разрушенной тростниковой хижины.

Она совершенно одна в этой ночной мгле. Правда, неподалеку стоит дом мусульман из касты араи¹, и сейчас они, наверно, сидя в тепле, спокойно покуривают свои трубки.

Девушке, видимо, нет еще и восемнадцати лет, но красота ее уже успела потускнеть, как тускнеет от кухонного чада начищенная латунная посуда. Глаза девушки обведены черными кругами. Волосы у нее в беспорядке, одежда порвана. При первом же взгляде на нее становится ясно, что судьба обрушила на ее юные плечи тяжкое бремя страданий.

Когда девушка так ослабела, что сидеть ей стало уже невозможно, она упала лицом вниз на устланную мокрой мякиной землю и потеряла сознание.

Она не заметила, как пошел сильный дождь, как буря сорвала тростниковый навес над головой — ее последнее убежище — и, закружив, унесла куда-то.

Теперь над ней простирался только небесный свод. Ледяной ветер терзал ее полумертвое тело, ее длинные волосы намокли и стали жесткими. Они хлестали ее по спине, как кнут возницы.

Она была совсем одна посреди пустынного поля.

2

Девушка медленно приходила в себя, чувствуя, как в ее измученное тело постепенно вливаются тепло и сила. Ресницы ее дрогнули, она открыла глаза и огляделась по сторонам. Все окружающее плыло перед ней, словно в тумане, и взгляд не мог ни на чем задержаться.

¹ Араи — каста индийских мусульман, занимающихся огородничеством.

Бессознательно она провела рукой по затылку — там сосредоточивалась боль. Пальцы ее нащупали повязку с запекшейся кровью.

Теперь она могла осмыслить все случившееся. И когда в памяти всплыли события недавнего прошлого, из уст ее вырвался стон и ей опять стало дурно. Но на этот раз ненадолго. Почувствовав себя лучше, она сделала попытку приподняться на кровати. В эту минуту кто-то взял ее за руки.

— Лежи, дорогая! — раздался негромкий ласковый женский голос. — Тебе нельзя вставать.

Она повернулась в сторону говорившей, разглядывая ее лицо, но не могла понять, знакомо оно ей или нет.

— Слава аллаху, он возвратил тебе жизнь, — произнес тот же голос. — А я так боялась за тебя, так боялась!..

Больная ясно расслышала эту фразу, и слово «аллах» отдалось у нее в ушах тысячеголосым звоном. «Неужели я попала в дом к мусульманам?» Эта мысль так взволновала девушку, что она снова едва не потеряла сознание. Вдруг на ее лицо упало несколько слезинок — женщина, сидевшая возле нее, плакала. Прижав к своей груди голову больной и целуя ее лоб, она говорила:

— Не бойся, доченька, все будет хорошо... Сейчас тебе уже легче...

И больная вспомнила, как давным-давно, когда она была совсем ребенком и болела лихорадкой, уехавшая куда-то мать вдруг вернулась и, сев у изголовья, прижала дочь к груди. Целуя ее, мать говорила точно такие же слова. Тогда, помнится, приступ быстро прошел, и она выздоровела.

Мысли больной мешались: ей казалось, что она лежит у себя дома — те же стены, те же вещи, — а около нее и вправду сидит мать и ласково смотрит на нее. Воспоминание о матери, померкшее было с годами, снова ожило в ее душе, и, позабыв обо всех муках и страданиях, она погрузилась в мысли о детстве, озаренном сиянием материнской любви.

Откинувшись назад, она протянула руки к сидевшей рядом женщине:

— Мамочка! Куда же ты уходила, на кого покинула дочь свою! Помоги мне! Мама, ты умерла, — так ска-

зали люди... Я видела, как отец зажигал погребальный костер для моей матери!.. Ты и меня...

Она не могла продолжать. Из груди ее вырывались глухие рыдания. Чем можно было ее утешить?.. Женщина приподняла больную, крепко прижала к себе.

— Доченька моя, я теперь навсегда останусь с тобой! Никогда больше тебя не покину. Аллах... нет, нет, всевышний сжалится, и ты поправишься.

Больная окончательно пришла в себя. Она увидела сидевшую рядом старуху и поняла, что находится в доме мусульман. Со смущением и тревогой в голосе она спросила: «Как я сюда попала?» И, чувствуя, что у нее пересохло в горле, попросила воды.

Старуха осторожно опустила девушку на кровать и со словами: «Сейчас принесу», — поспешила прочь.

«Как быть? — забеспокоилась больная. — Я не должна брать воду из рук мусульманки. Ни в коем случае!»

Вскоре старуха вернулась в сопровождении мальчика-индуса. Мальчик держал в руках стакан с водой.

Больная напилась, поблагодарила.

— Как я очутилась здесь? — слабым голосом снова спросила она. — Я ведь...

— Я бедная женщина, раба божья, — ответила старуха, — но ты, доченька, не тревожься. Считай этот дом своим. Да, мы мусульмане, но ничем не осквернили твою веру. А в дом наш ты попала вот как: мы с сыном возвращались сегодня из Амбалы — там мой старший работает подрядчиком. Слезли с поезда раненько, часа этак в четыре, наняли тонгу¹ и покатали. Но не успели проехать и двух миль, как наш возница увидел тебя — ты лежала на земле в беспмятстве. Сперва мы посчитали тебя за мертвую, но мой сын (он немного смыслит в медицине) осмотрел тебя и говорит: «Мама, приложи руку к ее груди да послушай, бьется ли сердце». Я сделала, как он велел, и мне показалось, что я слышу редкие удары. «Надо скорей сообщить кому-нибудь из соседней деревни, — сказал сын, — пускай придут за ней, а то, не ровен час, умрет она здесь». Поглядели мы по сторонам — никого. Меж тем стал накрапывать дождь. Решили было сами отправиться в деревню, да передумали: кто сюда пойдет в такую непогоду? Да и

¹ Тонга — коляска, повозка.

с полицией связываться никому не охота. А тебе становилось все хуже: Тогда мы с сыном подняли тебя и донесли до тонги. Как приехали домой, я сразу же послала за доктором, передела тебя, отогрела. Тут и доктор подошел. Чудесный человек наш доктор — такой добрый да умный! Просидел около тебя целых два часа, все лекарство давал. Рану твою сперва промыл, очистил, а потом зашил. Ушел только после того, как наложил повязку и дал мне разные распоряжения. Весь день ты пролежала как неживая. Вот только сейчас, милостью аллаха, пришла в себя.

Немного помолчав, старуха вновь заговорила:

— Расскажи мне о себе, что с тобой приключилось, какой злодей довел тебя до такой беды?

Больная слушала рассказ старухи молча, лишь выражение ее лица все время менялось. То оно омрачалось гневом, ненавистью, отвращением, то светилось нежностью и признательностью.

— Успокойся, дочка, помни: в беду обычно попадают хорошие люди, — сказала старуха. — Против судьбы не пойдешь. Скажи мне лучше, как тебя звать-величать.

— Гурдеи, — ответила больная, утирая глаза краем сари.

— Ну вот что, госпожа моя Гурдеи, — попросила старуха, — расскажи-ка теперь о себе, где ты живешь. Сын мой, Гафур, скоро вернется. «Узнай, из каких она мест, — сказал он мне, — я провожу ее домой». Худые времена настали, дочка! Люди добра не помнят, только — зло!

Гурдеи тяжело вздохнула.

— Матушка, — сказала она. — Ты сжалилась надо мной, спасла меня. Но лучше б я умерла, тогда бы избавилась от страданий! Как видно, даже смерть обходит стороной несчастных людей! Кто знает, сколько еще мук на роду мне написано!

Гурдеи замолчала. Слезы мешали ей говорить.

Когда старуха услышала последние слова больной, ее сердце преисполнилось состраданием. Обняв Гурдеи, она, как могла, постаралась ее утешить. Немного успокоенная, Гурдеи начала свой рассказ:

— Родилась я в деревне Веровал и была единственным ребенком в семье. Мать у меня умерла, когда мне

исполнилось десять лет. Еще при жизни матери отец связался с дурной компанией. Начал пить, опустился. Укоры матери только приводили его в ярость, и он жестоко ее избивал. С утра до ночи в доме нашем раздавались стоны и рыдания. Бедная мама, горе так извело ее, что она умерла.

После ее смерти отец словно с цепи сорвался: стал непробудным пьяницей. Дружки его, такие же пропойцы, как и он, ходили за ним по пятам, а когда деньги у него растаяли, как дым, все друзья вдруг исчезли, будто их никогда и не было. Нам грозила нищета. Мне шел тогда пятнадцатый год.

— Неужели ты еще не была помолвлена? — прервала старуха.

— Была помолвлена, но отец отказал жениху.

— Почему?

— И сама толком не знаю. Болтают разное: сколько ртов, столько и слов. Будь мама жива, этого не случилось бы. Но не стало ее, и свадьба моя расстроилась. Одни говорят, что родители жениха отказались от меня, узнав, что я неграмотная, другие — что мой отец потребовал у жениха много денег...

— Почему же отец не отдал тебя учиться? Ведь у вас, индусов, всех с малолетства посылают в школу.

— Мне так хотелось учиться! Но отец не разрешал. «Учить девчонок — только их портить! — частенько говорил он. — Коли в семи поколениях нашего рода не было ни одного грамотного, чего ради я буду учить тебя, позорить предков?»

— Что же было потом?

— Потом? После того как свадьба расстроилась, в нашем доме появились отцовские дружки и снова принялись его спаивать.

— Зачем?

— А затем, что они хотели, чтобы отец выгодно выдал меня замуж. От судьбы не уйдешь! Они уломали отца, и вскоре он получил за меня от жениха два мешочка с деньгами — в каждом по тысяче рупий... А потом справляли мою свадьбу. Тут-то и началось самое тяжелое в моей жизни. Перебралась я в дом мужа. Он был старше моего отца — за год до нашей свадьбы у него родился внук, — к тому же он был болен, страдал удушьем. Вместе с ним жили его сыновья, сноха,

внуки. Денег там никто не считал, мой муж был ростовщиком.

— Но, госпожа, — опять прервала старуха, — если отцу не было до тебя дела, так неужто добрые люди из общины не вступились, позволили надеть на тебя такое ярмо? Неужто они не попытались тебя спасти?

— Ах, матушка! Нашей общиной заправляли те самые подлецы, с которыми отец пьянствовал. Но об этом долго рассказывать. Стоит лишь начать, вовек не кончишь. Скажу одно: это они повинны во всех моих горестях.

Старуха дотронулась рукой сначала до земли, потом до уха¹.

— Вот негодяи! — воскликнула она. — Ну ладно, доченька, рассказывай дальше!

— А дальше случилось то, чего надо было ожидать. Не прошло и года после нашей свадьбы, как на меня обрушилась беда. Мужа замучило удушье, приступы шли один за другим, пока наконец, промаявшись сутки, он не умер. Я стала вдовой. Если бы на этом кончились мои несчастья! Клянусь, я бы примирилась со своей судьбой — ведь не одной мне приходится тяжело. Но нет! Из двух моих пасынков один был еще совсем мальчик, он учился в школе и не причинял мне никаких неприятностей. Но старший и его жена возненавидели меня уже давно, еще при муже, — теперь они начали всячески меня изводить. Нрав у меня упрямый, дерзкий; бывало, не успокоюсь, пока на одно слово не отвечу десятью. Ах, если б меня получше воспитывали в детстве, научили бы сдерживаться, но, увы! Несчастливая моя доля! В доме с утра до ночи придирались ко мне, я только и слышала что брань да попреки. Прежде, обругав меня на чем свет стоит, они успокаивались, но теперь мой старший пасынок Карам Чанд, по наущению жены, стал пускать в ход кулаки. Я устраивала голодовку: не ела по несколько суток, и хоть бы кто-нибудь сказал мне: «Поешь!»

Однажды я узнала, что заболел мой отец, и уже собралась пойти к нему, как неожиданно ко мне подошел Карам Чанд и стал заботливо расспрашивать о болезни

¹ Жест, означающий стремление охранить себя от злых, враждебных сил.

отца — что с ним такое да отчего. Потом он сказал: «У нас дома каждый день скандалы, нехорошо это. Если ты согласна, я позову свидетелей, и мы произведем раздел имущества, чтоб никому не было обидно».

Я согласилась. Тогда он, не мешкая, позвал четырех человек. Один из них был староста нашей деревни. Они составили какую-то бумагу и дали ее мне. Так как грамоты я не знала, то должна была приложить к ней палец. В бумаге, как мне объяснили, значилось: «Все имущество дома и наличные деньги составляют шестьдесят тысяч рупий. Из них двадцать причитается Гурдеи, двадцать — Карам Чанду и остальные двадцать — младшему сыну, по достижении им совершеннолетия. За сим следует оценить драгоценности Гурдеи и невестки и разделить эту сумму на три равные части, две из которых отдать Гурдеи и жене Карам Чанда, а третью — будущей жене младшего сына».

Они заставили меня приложить к бумаге палец, а затем на ней расписались свидетели. Я, согласно их воле, отдала все свои драгоценности, оставила себе только вот эти бусы. «Ты пока ступай к отцу, — сказали они, — а тем временем мы все здесь подготовим, и по возвращении ты получишь свою часть сполна».

Под вечер того же дня я ушла. Отца я застала в полной нищете. В доме — хоть шаром покати, все забрали его друзья-приятели, крошки хлеба не оставили. А на следующий день он умер. После погребального обряда я сразу же вернулась в дом покойного мужа, чтобы получить свою долю.

Это случилось вчера вечером. Когда я подходила к дому, накрапывал дождь и дул сильный ветер. Я дрожала от холода. То, что я увидела, потрясло меня. Замок с дверей моей комнаты был сбит, все мои чемоданы исчезли. У меня перехватило дух. Я бросилась с расспросами к невестке. «Ничего не знаю! — резко сказала она. — Ступай, откуда пришла!»

Ее слова раскаленным железом обожгли мое сердце. Я забилась в рыданиях. Сбежались соседи, явился сам Карам Чанд, привел старосту и других влиятельных жителей деревни.

Я торопливо, запинаясь, рассказала им всю историю. Тогда невестка вытащила из сундука бумагу, к которой я приложила палец, и показала ее собравшимся. Один

из членов панчаята¹ прочел: «Я, Гурдеи, получила третью часть имущества моего покойного мужа и отправляюсь в паломничество к святым местам. Отныне ни одна вещь в этом доме мне не принадлежит».

Услышав это, я чуть не умерла. Я закричала, что все это ложь. Но никто не хотел меня слушать. Все осуждали меня, бранили и проклинали. Много ли прошло времени, не знаю, только соседи разошлись по домам, и я осталась с глазу на глаз с Карам Чандом и его женой. Я твердо сказала, что не отступлюсь от своего и уйду только после того, как получу свою долю. Мои собственники пришли в неистовство. Они набросились на меня с кулаками, а невестка с такой силой ударила меня скалкой по голове, что я, обливаясь кровью, рухнула на пол. Тогда они, видно, испугались. Напихали мне в рот тряпок, чтоб я не кричала, за ноги вытащили из дому и бросили в старый сарай неподалеку.

Очнувшись, я увидела, что вся моя одежда пропитана кровью и водой. Я с трудом встала и, то падая, то вновь поднимаясь, пустилась в путь. Раза два я пробовала постучать к соседям, но мне не открыли. «Может, утопиться в колодце?» — мелькнула у меня мысль, и я поплелась на окраину деревни, где был колодец. Вокруг стояла непроглядная тьма. Дождь лил как из ведра, а ветер дул такой, что пригибал к земле. Ноги у меня подкашивались, голова болела и кружилась. Я никак не могла отыскать в темноте колодец. Лишь время от времени сверкала молния, и тогда я старалась сообразить, в какую сторону идти.

Наконец я упала под каким-то навесом и лишилась чувств. Пришла в себя я у вас в доме.

Гурдеи умолкла. Старуха сидела не шевелясь, потрясенная этим горестным рассказом.

3

В деревне нашей каждый ребенок знает пандита² Радхекришнана. Особенным уважением пользуется он у наивной и доверчивой молодежи. Юношам он кажется

¹ П а н ч а я т — деревенский совет.

² П а н д и т — ученый, получивший традиционное индийское образование, обычно брахман по касте.

чуть ли не богом: одни видят в нем щедрого Хатима¹, другие — благородного Викрамадитью². Помогать людям — его страсть. В суд ли кого вызовут, ссора ли случится — всяк сразу бежит к пандиту. А если даже какой бедняк и постесняется к нему обратиться, так пандит, бросив все дела, сам к нему пожалует и постарается помочь, чем может.

За примером ходить недалеко. Как-то раз бык одного батрака забрел на поле Лалы Бхане Шаха. Пострадавший воззвал к мудрости пандита, и тот заставил батрака подписать вексель на двадцать рупий. Батрак, по своей глупости, стал болтать об этом где попало. Тогда пандит так его прижал, что ему тошно стало. С тех пор минуло шесть лет, а бедняга никак не может расплатиться: всю скотину свою продал, а еще остается должен Бхане Шаху.

Приписывая пандиту способность творить чудеса, его почитатели убедили всех прочих, что пандит — истинный святой. Но скажу я вам, самое удивительное из всех чудес то, что дом у пандита полная чаша, хотя сам он никогда в жизни палец о палец не ударил: не утруждал себя даже перелистыванием священных книг. Давным-давно, еще в молодости, он выгнал из дому жену за мотовство и сварливый нрав. Да и сами посудите, что это была за особа: раздавала беднякам добрую половину домашних припасов, а на жертвователей частенько сердилась и даже отказывалась от их приношений. И вообще вела себя как низкороденная: если кому приходилось трудно, спешила на помощь, не гнушаясь никакой черной работой. Ну, и кончилось это тем, что пандит услышал божественный глас, открывший ему, что жена его в прошлом рождении была шудрой³, и выгнал ее из дому. С тех пор он никогда больше ее не видел.

Пандит был человеком весьма сведущим в шастрах⁴.

¹ Х а т и м — легендарный вождь арабского племени таи, известный своей щедростью.

² В и к р а м а д и г я — царь государства Удджайн (I в.). Здесь автор намекает на то, что пандит был популярен как у индусов, так и у мусульманского населения деревни.

³ Ш у д р ы — низшая из четырех варн (сословий) в древней Индии.

⁴ Ш а с т р ы — древнеиндийские трактаты по различным областям знаний.

Глядишь, иной всю жизнь долбит какую-нибудь науку, превратится в книжного червя, а толку — никакого. Пандит же вообще ничего не читал, а все схватывал на слух, и тем не менее считался ученым человеком. Никто не мог лучше его истолковать какой-нибудь отрывок из шаштр. Блуждая во мраке невежества, люди позабыли многие священные заповеди и установления, и наш пандит успешно разъяснял их по-своему и делал это в очень ясной и доходчивой форме. Вот пример: упомянув вино в числе четырнадцати сокровищ, добытых богами из океана и назвав его напитком богов, он призывал людей к неустанным возлияниям. А то высказывал мнение, что раз герои древности — кауравы и пандавы¹ играли в азартные игры, стало быть, теперь и нам, грешным, это не возбраняется. Все-то он умел растолковать, наш пандит.

Когда в гостеприимном доме пандита собиралось общество молодых людей из богатых семейств и хозяин начинал наставительно рассуждать о всяких политических и даже культурных проблемах, собравшиеся приходили в восторг.

Сейчас мы расскажем нашим читателям об одном из таких сборищ.

Восемь часов вечера. Холодно. Но гости не чувствуют этого: пандит принимает их, как подобает радушному хозяину. Холод не может проникнуть под его кров. В доме разведен огонь, и слуги пандита готовят всякие вкусные блюда, рыбные и куриные. Не проникает холод и в сердце почитателей пандита, потому что дорогу туда преграждает вышеупомянутый напиток богов — вино.

Ровно в девять часов появляются слуги, а почтенный пандит торжественно усаживается на хозяйское место. Гости приветствуют его стоя. Затем слуга, взяв в руки штопор, просит у своего господина разрешения приступить к делу.

Пандит-джи² обводит гостей милостивым взором и с некоторым беспокойством замечает:

— Друзья мои! Прошу вас немного подождать! Еще не пожаловал к нам Хаджа-сахиб, украшение нашего

¹ Кауравы и пандавы — два враждующих рода, о которых рассказывается в древнеиндийском эпосе «Махабхарата».

² Д жи — частица, присоединяемая к имени. Выражает почтение.

собрания. Боюсь, что ему не передали моего приглашения.

— Нет, почтенный пандит, — возражает один из гостей, — я дважды заходил к нему, и он совсем уже было к вам собрался, но вдруг явились к нему двое каких-то нездешних крестьян, и Хадже-сахибу пришлось задержаться. Вы же знаете, заставлять себя ждать — не в его обычае.

В эту минуту послышались шаги. Пандит-джи поднялся с места и со словами: «Это он!» — подошел к порогу, чтобы встретить гостя.

Это в самом деле был тот, кого ждали, — господин Хаджа Шер Хан, три года тому назад получивший назначение в этот район на должность помощника инспектора. Войдя в комнату, он горячо приветствовал хозяина дома и уселся подле него.

— Прошу внимания, господи! — сказал пандит-джи. — С некоторым опозданием прибыл наш гость Хаджа-сахиб. А мы-то его ждали-ждали, все глаза проглядели! Задержись он еще немного, наша сегодняшняя встреча была бы омрачена его отсутствием. Вы ведь знаете: разве может войско обойтись без генерала?

— Да хранит вас аллах, почтенный пандит! — ответил польщенный Хаджа-сахиб, теребя вышитый конец своего тюрбана. — Раз хозяин на месте, этого достаточно, чтобы вечер прошел как нельзя лучше! Вообще-то я человек точный, но случилось тут одно дельце, оно меня и задержало.

Придвинувшись к Хадже-сахибу, пандит шепнул ему на ухо:

— Что-нибудь новенькое и выгодное?

Хаджа-сахиб снял с головы тюрбан и передал его слуге. Затем, поглаживая лысую голову, ответил:

— Бог послал мне клиента.

— И хорошо вы заработали?

— Да нет, пустяки.

— А я подумал было, уж не убийство ли где случилось.

— Увы! Такая удача выпадает не чаще, чем раз в год! Если б убийства случались ежедневно, мы бы уже давно в золоте купались!

— Ну все-таки четыре-пять сотен получили?

— Куда там! Только две.

— А что за дело?

— Да так, одно название, что дело! В соседней деревне, в Султанпуре, произошел грабеж.

— На этом, вероятно, можно неплохо подработать! — сказал пандит-джи, покручивая усы.

— Думаю, что да. Поладили мы на том, что я получу четвертую часть.

— Превосходно! Бог в помощь! Поистине, Хаджа-сахиб, могущество господя нашего безгранично! Его милостью даже ничтожные черви находят себе пропитание среди голых камней. — Пандит-джи взглянул на Карам Чанда, затем снова обратился к Хадже-сахибу. — Сейчас я открою вам одну тайну: дело в том, что сегодня нас угощает любезный Карам Чанд. Это благороднейший человек. Я близко знал его покойного отца — тоже прекраснейшей души человек был! — Пандит рыгнул и в заключение воскликнул: — Хари-ом!¹

Хаджа-сахиб с улыбкой взглянул на Карам Чанда и тот поднялся, почтительно сложив ладони. Знаком предложив ему сесть, Хаджа-сахиб произнес:

— Прекрасно! Да, да, я припоминаю случай с той женщиной. Это хорошо, что ее выгнали отсюда. Однако куда она подевалась — вот в чем вопрос.

— Точно мы этого не знаем, — сказал пандит-джи, придвигая стакан Хадже-сахибу, — но сегодня днем один мусульманин рассказывал, что он видел рано утром, как закутанную в накидку женщину усаживали в тонгу. С нею был юноша-мусульманин.

Сделав глоток и отставив стакан в сторону, Хаджа-сахиб спросил:

— Что вы сказали? Она уехала с мусульманином?

— Вот именно.

В эту минуту в разговор вмешался помощник деревенского старосты — Джуала Сингх.

— Хаджа-сахиб, тонга проезжала мимо моего поля, — сказал он. — Я видел ее своими глазами.

Опорожнив второй стакан, Хаджа-сахиб почувствовал легкое опьянение. Привычно поглаживая себя по лысине, он произнес:

¹ Хари-ом — в переводе «Свято имя Хари!». Хари — одно из имен индуистского божества Вишну, ом — звук, считавшийся с глубокой древности священным.

— Все хорошо, что хорошо кончается. Забудем об этой истории и предадимся веселью.

Гости радостно зашумели и принялись за угощение.

— Хаджа-сахиб! Ваш повар — великий искусник, так стряпает рыбные блюда, что пальчики оближешь, — сказал пандит-джи, выбирая косточки из рыбы.

— Ваша правда, почтенный пандит. Он служит у меня уже пять лет. Но ему далеко до его отца. Вот тот, аллах свидетель, был действительно кудесник, прямо-таки чудеса творил. Отлично готовил мясо, да и не мудрено, — ведь он четыре года прослужил у англичанина, майора Бертонна.

К тому времени вино уже оказало на собравшихся свое действие. Языки у всех развязались. Гости говорили, перебивая друг друга.

— Друзья мои! — воскликнул пандит-джи. — Я счастлив! Как хорошо проводить вечер в этом кругу, где царят согласие и любовь. Когда я вижу, как индусы и мусульмане сидят вместе, за одним столом, душа моя преисполняется радостью. Да вселит господь наш такую же любовь в сердца всех сынов Индии!

— Почтенный пандит, — сказал Хаджа-сахиб, — клянусь аллахом, это все благодаря вину! Пусть тот, кто хулит вино, посмотрит на нас. Он поймет тогда, что вино — это особый дар всевышнего. Оно всеяет любовь... Но что смыслят в этом низкие души!

— Вы совершенно правы, Хаджа-сахиб: низкие души и представления не имеют о том, что такое дружба! — сказал пандит-джи. — Вы, Хаджа-сахиб, несколько раз высказывали мне одно желание. Сегодня я вас кое-чем порадую!

— Чем же?

— Домашним вином! — Взглянув на Пиара Сингха, пандит-джи добавил: — Послушай-ка, ты ведь каждый день говоришь: «Хорошо бы угостить Хаджу-сахиба». Так за чем же дело стало?

— Сию минуту! — Пиара Сингх тронул за плечо своего племянника Дханна Сингха, сидевшего с ним рядом. — Ступай, дорогой Дханна, скажи своей тетушке, пусть отперет дверь в чулан, отодвинет кровать, что стоит в левом углу, и вынет глиняный кувшин, — горлышко у него закрыто тарелкой и плотно обмазано

тестом. Неси его сюда, да, гляди, будь осторожен, не разбей! Поторапливайся, голубчик!

Юноша вскоре воротился с кувшином и поставил его перед Хаджой-сахибом. Тот, подавшись вперед, хорошенько его рассмотрел и пришел в восторг от такого подарка. Затем сунул палец внутрь, попробовал — вкусно! Налив полный стакан, он залпом осушил его и, откинувшись назад, похвалил:

— Винцо отменное!

— Разве я вас когда-нибудь обманывал?

— Что вы! Но я еще ни разу не пробовал у вас ничего подобного.

— Видите ли... Я раньше как-то боялся... робел...

— Это меня вы боялись? Да вы мне все равно что брат родной! Прошу вас, впредь всегда угощайте меня этим превосходнейшим напитком! (Он налил вина в свой стакан и протянул его пандиту-джи.) — Клянусь аллахом, я не пробовал ничего вкуснее!

Компания пиროвала до двенадцати часов ночи. Наконец гости стали расходиться. Как и в каком виде каждый из них добрался до своего дома, — нам неизвестно.

4

Сгустились сумерки. У окраины деревни остановилась тонга. Из нее вылез молодой мусульманин и обратился с вопросом к проходившему мимо человеку:

— Скажите, пожалуйста, где здесь дом пандита Радхекришнана?

— Да вот его дом, перед вами, — ответил прохожий. — А зачем вам понадобился пандит-джи?

— Он нужен нам по очень важному делу, — сказал молодой человек, посмотрев на сидящую в тонге женщину. Приблизившись к ней, он добавил: — Выходите, сестра, я провожу вас к нему.

Женщина молча сошла с тонги и последовала за юношей. Вскоре оба очутились у дверей дома пандита-джи. Молодой человек постучал. На стук выглянул худенький подросток:

— Что угодно?

— Дома ли почтенный пандит? У нас к нему дело.

— Дома, но никого не принимает. Он сейчас молится.

— О, ничего, ничего! Мы подождем. Когда он освободится?

— Через час.

— Пожалуйста, доложи ему о нас.

— Хорошо. — И мальчик скрылся за дверью.

Примерно через четверть часа на пороге появился пандит-джи собственной персоной. Мусульманин поздоровался с ним.

— Отойдите подальше от дверей, — сказал пандит-джи, — разве вы не видите, что это дом брахмана?

Молодой человек смутился.

— Простите меня, пожалуйста, — сказал он, — я, действительно, очень виноват перед вами.

— Ну ладно... Откуда вы? И что вам нужно?

Указывая на женщину, молодой человек сказал:

— Вчера поздно ночью я нашел эту госпожу в поле за деревней, она была без сознания. Мы с матушкой взяли ее к себе в дом: уж очень ей было плохо, а рядом — ни души. Сегодня госпоже, милостью аллаха, лучше. Она сказала мне, что она вдова Лалы Митха Мала. Что касается прочего, то расспросите ее сами, помогите ей добраться до дому и получить свою часть мужнина наследства. Окажите такую милость! — И, обращаясь к своей спутнице, он добавил: — Сестра, расскажите обо всем почтенному пандиту...

В то время как молодой человек говорил, лицо пандита-джи заливала краска гнева.

— Послушай, юноша! — сердито проворчал он. — По виду ты образованный человек, а говоришь как невежда!

Юноша удивленно посмотрел на него.

— О покровитель бедных! — сказал он. — Конечно, в сравнении с таким благородным и возвышенным человеком, как вы, я жалкий неуч, хотя и проучился два года в колледже. Ради бога, простите, если у меня с языка сорвалась какая-нибудь грубость...

— Ну будет, будет! Я понял... — усмехнулся пандит-джи. — Этот английский язык окончательно погубит Индию. Если б ты его не учил, небось никогда бы не назвал индуску «сестрой». Никогда бы не усадил ее рядом с собой в тонгу, ни за что на свете не привел бы ее к себе в дом — ведь всем этим ты осквернил несчастную женщину!

Молодой человек был сбит с толку этими словами и не знал, что ответить. Наконец, собравшись с мыслями, он сказал:

— Я признаю свою ошибку и смиренно прошу вас простить меня; только, пожалуйста, проводите госпожу в ее дом. Судя по ее рассказу, с ней обошлись жестоко и несправедливо.

— Нет, нет, — поспешно возразил пандит-джи, — теперь она отпала от своей веры. Ей надо... — Он прикусил палец, что-то обдумывая. — Вообще-то, мне ее, конечно, жаль. Признаться, с тех пор как я вчера услышал, что пасынки выгнали ее из дому, я так расстроен, что не могу ни пить, ни есть... Вот что, дочь моя. Побудь у меня дома, а я пойду позову этих негодяев и сам займусь твоим делом. Иди, дочь моя, не бойся. Хари-ом!

Мусульманин был поражен столь внезапным переходом от гнева к милосердию. Взволнованный до глубины души, со слезами благодарности на глазах, он склонился к ногам пандита-джи:

— О, вы — само благородство! — воскликнул он. — Чистая, святая душа! И я...

Не дав ему закончить, пандит-джи сделал два шага назад и сказал:

— Перестань! Не смей прикасаться ко мне, а то еще придется в такой холод совершать омовение!

Юноша устыдился своего порыва, отошел в сторону и, почтительно сложив ладони, простился. Потом взглянул на приехавшую с ним женщину, хотел что-то сказать; с его губ чуть было не соскользнуло слово «сестра», но он удержался и молча сел в тонгу. Кучер стегнул лошадей, и тонга покатила. Полным благодарности взглядом Гурдеи смотрела вслед юноше, пока тонга не скрылась из виду. Потом вошла в дом. Пандит-джи последовал за ней.

Пандит-джи обычно молился в левом углу комнаты. Остановившись в этом углу, он сказал:

— Посиди здесь, на пороге. Я вознесу молитву всевышнему и сразу же займусь твоим делом. Хари-ом!

Гурдеи молча уселась в уголке, а пандит-джи приступил к чтению молитвы. Прочитал вечернюю молитву, потом, опустив руку в мешочек с четками, стал перебирать их. Через несколько минут он поднялся и, подойдя к Гурдеи, сел на кровать.

— Так что ты хотела мне сказать? Говори, я слушаю.

Ковыряя соломинкой земляной пол, не поднимая головы, Гурдеи тихо ответила:

— Вы же сами все знаете.

Пандит-джи рыгнул и произнес свое неизменное «Хари-ом!».

— Да, Раджа Рам, мой слуга, вчера рассказал мне, что Карам Чанд избил тебя и выгнал из дому, — произнес он, поглаживая себя по животу. — Я молился и не мог пойти поговорить с ним. Хари-ом!

— Вы, почтеннейший, наверно, забыли, что в то время вы сами находились около нашего дома и шептали что-то на ухо Карам Чанду, — робко заметила Гурдеи.

Потирая виски, будто сясь что-то вспомнить, пандит-джи воскликнул:

— Ох, как же это я запамятовал! О Шива! Что случилось с моей бедной головой! Верно-верно, я там был. Я как раз проходил мимо твоего дома, когда услышал шум и крики. Я сказал на ухо Карам Чанду: «Не смей мучить эту несчастную женщину, отдай ей ту часть наследства, которая принадлежит ей по праву». Но разве этот подлый человек кого-нибудь послушает? Ну, так расскажи, что было дальше.

Гурдеи подробно, ничего не утаив, описала все случившееся. Услышав о доброте мусульманина Абдул Гафура и его матери, пандит-джи пришел в ярость.

— Ах, дочка, — сказал он, покусывая губы, — где тебе понять истинный смысл их поступков! Они осквернили твою веру, и не известно, каких еще подлостей можно от них ожидать! У меня прямо в глазах потемнело, когда я узнал, что тебя увел мусульманин. Ведь это настоящее надругательство над нашей верой! Я сразу же велел своему слуге взять лошадь и привезти тебя в мой дом. Так что волей-неволей мусульманину пришлось убраться восвояси. Хари-ом!..

Эти слова привели Гурдеи в сильное волнение, она хотела что-то возразить, но сдержалась и сказала только следующее:

— Так это вы приказали ему отвезти меня не домой, а к вам? Я-то думала, что вы можете уговорить Карам Чанда.

— Я полагаю, что это мне удастся. Кто старое помянет, тому глаз вон... Скажи, чего ты добиваешься?

— Пусть он отдаст мне мою долю наследства.

— А почему бы тебе не остаться у Карам Чанда? Будешь жить, как жила...

— Да они меня и часа не станут держать.

Пандит-джи помолчал. Потом сказал:

— Подымись-ка в гостиную и посиди там, а я схожу к Карам Чанду.

Гурдеи, понуриив голову, пошла наверх. А пандит-джи, перекинув через плечо полотенце с вытканым на нем именем бога Рамы, важно прошествовал к выходу.

5

Вскоре у дверей дома Лалы Карам Чанда собрался деревенский панчаят. Созвал его пандит Радхекришнан.

Староста Дитта Мал сделал глубокую затяжку из хукки¹ и, откашлявшись, начал:

— Ну так как же, брат Карам Чанд? Чем в конце концов кончилась та история?

— Вы сами прекрасно знаете, уважаемый староста,— сказал Карам Чанд, почесывая голову. — Все это случилось у вас на глазах. Сейчас почтенный пандит сообщит нам что-то новое. Давайте его послушаем.

— Не знаю, что и сказать! — проговорил пандит-джи. — Страшные времена настали! Я денно и ночью молю всевышнего, чтобы мир и покой снизошли на мою душу. А еще лучше, если б он взял меня к себе, чтоб глаза мои не видели всей этой мерзости. Но предначертания судьбы никому не ведомы! Хари-ом!

Он замолчал. Собравшиеся, сгорая от любопытства, стали наперебой просить:

— Ну говорите же, почтенный пандит, не томите нас!

— Братья мои, — возвысил голос пандит-джи, — что мне вам сказать? Не является ли случившееся свидетельством падения нравов? С каждым днем вы слабеете

¹ Хукка — курительный прибор, подобие кальяна. Состоит из сосуда с водой и трубки с мунштуком. Табачный дым очищается, проходя через воду, и только после этого попадает в рот курильщику.

в своей вере, отвращаетесь от молитв и предаетесь гнусным порокам! Вкушайте же плоды своего падения!.. Увы! На этой благословенной земле творятся жестокие насилия! О Шива! — Он ткнул пальцем в Карам Чанда. — Люди добрые! Я ему тысячу раз твердил: не распускай ты эту низкую тварь, не балуй ее! Случилось то, чего надо было ожидать: эта распутница сбежала к мусульманину! Когда я услышал об этом, кровь бросилась мне в голову! Какой позор для нашей деревни! Хари-ом!

Благородное негодование пандита-джи нашло отклик в сердцах его слушателей. Люди были возмущены поведением Гурдеи. Со всех сторон звучали возгласы осуждения.

Взглянув на Карам Чанда и Мохана Лала, пандит-джи продолжал:

— А нынешние молодые люди! Погрязли в грехах, делают, что им вздумается, — нет, чтобы посоветоваться с умными людьми! Отчего вы не обратились ко мне раньше? Разве я, брахман, враг ваш? Ваши родители кормили меня, и я не научу вас худому! Ну ладно! К чему эти упреки? Валяйтесь в грязи, делайте, что хотите, не знаю даже, зачем я тут перед вами распинаюсь...

Пандит-джи поднялся, намереваясь уйти.

Слушатели повскакивали с мест и с криками: «Нет, нет, почтенный пандит, садитесь!», «Продолжайте!», «На что вы разгневались?» — окружили пандита Радхекришнана. Один склонился к его ногам, другой взял у него из рук палку, третий загородил ему дорогу.

Пандит-джи был вынужден остаться. В эту минуту Карам Чанд упал перед ним на колени и взмолился:

— О милосердный господин наш! Моя честь — в ваших руках! Прошу вас, решите мое дело, а то ведь община жизни мне не даст!

— Помогите ему, господин, ведь бедняга будет вконец опозорен, — раздался еще чей-то голос.

Среди присутствующих находился сын писца Деви даяла — Мохан Лал. Он совсем недавно окончил городской колледж и вернулся в родную деревню.

— Пандит-джи, — сказал он, — разрешение этого вопроса требует такта и доброжелательности. Распутать столь сложную проблему может только такой выдающийся человек, как вы. Если вы постараетесь, эта женщина сможет вернуться назад, в свой дом.

— Что он сказал? Сможет вернуться назад? — переспросил пандит-джи и оглядел членов панчаята. — Да он, видно, не в себе! — И, обращаясь к Мохану Лалу, добавил: — Так вот чему тебя научили там, в колледже! О, господи! Болтаешь все, что придет в голову! Как смеешь ты вмешиваться в дела старших? Тебе какое дело? Вот уж поистине: учить — что мертвого лечить!

После этих слов все стали неодобрительно поглядывать на Мохана Лала и вслух осуждать его за глупость. Но Мохан Лал не унялся.

— Простите меня, почтенный пандит, — сказал он, — я ведь ничего дурного не имел в виду. Кому будет вред от того, что вдова вернется к родным? А если уважаемый Карам Чанд не захочет ее принять, так, может, на ней женится какой-нибудь...

Тут пандит-джи не выдержал: на Мохана Лала обрушился поток негодующих слов:

— Замолчи! Не кощунствуй! Правду говорят: каким мылом ни мой осла, не стать ему коровой! Не совестно тебе! Оскорбляешь наши святые законы, хочешь выдать замуж вдову! Знаешь ли, что тем самым ты оскверняешь весь наш народ! — Тут он ударил себя ладонью по лбу. — Темнота, темнота повсюду! Эти, как они себя называют, передовые люди, члены всяких там обществ, и погубили Индию!.. Хари-ом!..

— Выслушайте меня, почтенный пандит! — снова заговорил Мохан Лал. — Если, как вы изволили заметить, осел не может стать коровой, то ведь и корове не обернуться ослом.

На этот раз возмутились все присутствующие. Они потребовали, чтобы молодой человек немедленно замолчал.

— Хватит! — прикрикнул на него Лала Гханайя Лал. — И не стыдно тебе вести такие речи о вдове благородного человека! Ведь ты же образованный, а не знаешь велений нашей святой веры. — Он повернулся к пандиту-джи: — Продолжайте, уважаемый, не обращайтесь внимания на этого младенца, не стоит он того, чтобы на него сердиться. Скажите лучше, что нам теперь делать с этой женщиной?

— Уважаемые члены панчаята! — вмешался Карам Чанд. — У меня к вам единственная просьба. Если б эта

вдова хотела вести скромную, достойную жизнь, я бы с радостью открыл перед ней двери своего дома. Все знают, что мы живем в достатке. Но я уже давно наблюдаю за ней, за ее поведением. Она явилась сюда, чтобы опозорить нас всех, от мала до велика! Э, да что там! Стыдно признаваться, но терпел я, терпел, да уж не могу больше.

Со всех сторон послышались голоса:

— Правильно! Верно! Мы знаем, как он к ней относился! Словно к родной дочери! Она сама себя погубила! Никто в этом не виноват!

— Что же теперь с ней будет? — спросил пандит-джи.

— Что будет? — повторил баба¹ Радха Сингх, сдвигая тюрбан на затылок. — А будет то, что ждет всякого, кто нарушит заветы своей веры, уйдет из дому, бросит родных. Пусть она живет с теми, к кому сбежала. Пусть сама на себя пеняет!

— Справедливо! Верно! — раздалось отовсюду. — Золотые слова сказал баба Радха Сингх!

— И я так считаю, — произнес пандит-джи. — Пусть эта бесчестная, падшая женщина живет там, куда она убежала, и пожинает плоды содеянного! Ну, что ты скажешь, брат Карам Чанд?

— Милосердный господин мой! — воскликнул Карам Чанд, почтительно сложив ладони. — Ваше мнение — мое мнение. Вы мудрый человек и понимаете, что я не могу ей позволить переступить порог моего дома. Разбитое сердце не соберешь по кусочкам, а сломанный цветок не выпрямишь!

Присутствующие стали наперебой высказывать свое одобрение, хвалить пандита-джи за благородство, а Карам Чанда — за трезвый ум. Потом все начали расходиться по домам. Последним встал со своего места пандит-джи. Со словами: «Почтеннейший, не оставляйте нас и впредь своей милостью!» — Карам Чанд украдкой сунул ему в руку несколько серебряных монет.

Сжимая в одной руке деньги, а другую положив Карам Чанду на плечо, пандит-джи сказал:

— А как насчет того, о чем я говорил раньше?..

¹ Баба — отец, достопочтенный; обычно так называют пожилого человека.

— Я сразу же пошел к Хадже—сахибу, он сначала не соглашался, но потом, услышав ваше имя, дал свое согласие.

— Превосходно. Сколько?..

— Пятьдесят наличными, а остальные пятьдесят, когда все устроится.

— Значит, дело выгорело?

— Да, господин мой, и все благодаря вашей милости, иначе ведь...

Пандит-джи благословил Карам Чанда и медленно направился восвояси. Но одному богу известно, в чьи дома он заходил по дороге и какие давал советы!

Гурдеи была погружена в глубокую задумчивость, когда на пороге появился пандит-джи. Начав с пустяков, он наконец перешел к делу:

— Послушай, дочь моя! Ради тебя мне пришлось обойти всю деревню, созвать панчат, низко поклониться тем, на кого иной раз и смотреть-то не хочется. Но увы! Прямо не знаю, что приключилось со всеми этими людьми! Видно, бог лишил их рассудка. Пока что ничего не выходит... Хари-ом!

— Только на вас и уповаю, почтеннейший, — с низким поклоном сказала Гурдеи. — Кроме вас, за бедную вдову и заступиться-то некому!

— Дочь моя, к сожалению, все мои старания не принесли желаемого результата.

— Но почему?

— Карам Чанд не согласен. Уперся, стоит на своем: она дала расписку, говорит, мы с ней квиты!

Гурдеи тяжело вздохнула.

— А что думает община?

— Разве у общины есть какая-нибудь власть? Она не может никого принудить. Хорошо еще, что есть суды, а то каждый делал бы все, что ему вздумается.

— Как же мне теперь быть?

— Не знаю, что и посоветовать. — Пандит-джи помолчал. — Уж очень сложное и запутанное у тебя дело. Вот если бы затеять судебную тяжбу... Да нет, на это надо много денег.

— Сколько же?

— Две-три сотни самое меньшее.

Гурдеи посмотрела на золотой браслет на своем запястье.

— Сколько за него дадут?

Пандит-джи устремил на драгоценность жадный взгляд.

— Двести, двести пятьдесят, — быстро ответил он.

Гурдеи была в отчаянии. Стараясь ободрить ее, пандит-джи сказал:

— Перестань сокрушаться! Я помогу тебе, заплачу недостающую сумму.

Гурдеи сняла браслет и положила его к ногам пандита-джи. Низко поклонившись ему, сказала:

— Только на вашу доброту я и надеюсь! Прошу вас, помогите!

— Я верю, что всевышний услышит твою мольбу, — ответил пандит-джи, глядя Гурдеи по голове. — Тотчас же обращусь в суд... Не беспокойся, все хлопоты я беру на себя. Уверен, что, божьей милостью, все в скором времени устроится. Хари-ом!.. Только вот еще что: если ты здесь останешься, боюсь, как бы тебе не пришлось худо.

— Куда же мне идти? — воскликнула Гурдеи. — Если бы хоть был жив отец!.. Но ведь его уже нет на свете, только дом остался...

— Это дело поправимое! В Сиалкоте живет один мой друг. Если не возражаешь, я отправлю тебя к нему.

— О почтеннейший! Я сделаю все, что вы велите.

Пандит-джи торопливо сунул браслет в карман и ободряющим тоном произнес:

— Дочь моя, я начну готовиться к процессу, а пока пришлю тебе слугу с едой; поешь и отдохни.

— Вы мой спаситель! Не знаю, как вас и благодарить.

Пандит-джи вышел из комнаты. Вскоре явился слуга. Гурдеи подкрепилась и прилегла на кровать в той же комнате. Долго не могла она уснуть, и когда наконец ей удалось задремать, она вдруг услышала голоса. Гурдеи вскочила с кровати. В комнату вошел пандит-джи в сопровождении высокого юноши.

— Дочь моя, — обратился он к Гурдеи, — советую тебе, не мешкая, ехать в Сиалкот. Там тебя встретят

и устроят, как полагается. А в провожатые я даю тебе своего друга. Вот он.

Гурдеи посмотрела на пандита-джи с благодарностью.

— Век не забуду доброты вашей, — сказала она и стала собираться в дорогу.

Вскоре Гурдеи вместе со своим спутником сидела в вагоне поезда, направлявшегося в Сиалкот.

7

Едва Гурдеи приехала в Сиалкот, как началось следующее действие этой отвратительной пьесы. Гурдеи открылось истинное положение дел: пандит-джи, которого она считала воплощением божества, оказался сущей змеей. Он не только отобрал у Гурдеи ее единственную драгоценность — золотой браслет, но и продал молодую женщину своему сиалкотскому приятелю — Тара Чанду. Проводить же ее в Сиалкот пандит-джи поручил своему пособнику. Бедная Гурдеи не знала, что делать. Тара Чанд сулил ей золотые горы, и эти обещания ослепили неискушенную в жизни женщину, она все больше запутывалась в расставленных для нее сетях, пока наконец Тара Чанду не удалось сломить ее упорство.

После окончания средней школы Тара Чанд работал в каком-то офисе, ежемесячно получая тридцать рупий. Гурдеи он говорил, что в Гуджранвале у него есть дом и много всякого добра и что не живет он там потому, что рассорился с отцом. Однако правда всегда выплывает наружу. Не прошло и нескольких месяцев, как Гурдеи узнала, что ее обманывают. Тара Чанду пришло письмо от матери. Самого его не было дома, и Гурдеи попросила соседей прочесть это письмо. «Сынок, я целый день надрываюсь, чтобы заработать себе на жизнь, а ты, как уехал, совсем перестал мне помогать, — жаловалась мать Тара Чанда. — Слыхала я, что ты взял к себе в дом чужую жену. Нехорошо это, сынок...»

Куда было деваться Гурдеи? Женщина неопытная и не очень рассудительная, она была в полной растерянности. Вот и случилось, что, не сумев сберечь свою честь и достоинство, она сошла с верного пути и погрязла в грехах. Теперь Гурдеи была довольна даже своим ны-

нешним положением: ведь не приюти ее Тара Чанд, она бы и горсти риса не смогла себе раздобыть! Но не знала Гурдеи, что над ее головой нависло новое несчастье. В правительственных учреждениях провели сокращение штатов, и Тара Чанда выбросили на улицу, а Гурдеи, как назло, заболела. Еще недавно Тара Чанд с ума сходил от любви к ней, а тут совсем переменялся, можно было подумать, что Гурдеи ему никогда и не нравилась. Он ничуть о ней не заботился, даже лекарство и то подать не хотел. Словом, он предстал перед ней в своем истинном облике — человеком упрямым, подлым и порочным. Редкий день обходился без того, чтобы Тара Чанд не бил Гурдеи, не таскал ее за волосы.

Стыд перед людьми, жизнь с негодяем, нищета — все это терзало душу молодой женщины, надрывало ее силы. Но была еще одна причина, главная, заставлявшая ее просыпаться по ночам и обливаться холодным потом при мысли о новой беде, которая вот-вот обрушится на ее голову. Она должна стать матерью, родить ребенка! «Боже, что со мною станет! — думала Гурдеи, лежа ночью с открытыми глазами. — Мне так плохо сейчас! А дальше еще хуже будет! — Она ясно понимала, что надеяться ей не на что. — Может, уйти от него? А вдруг я попаду из огня да в полымя. Жить негде, да и не на что».

И вот наконец настал день, которого страшилась Гурдеи. Приступ лихорадки был так силен, что она не в состоянии была даже открыть глаза и долго лежала в забытьи, сотрясаемая жестоким ознобом.

Проснулась она ночью — ей захотелось пить. Стояла глубокая тишина. Вокруг — ни души. Тара Чанда вот уже два дня не было дома. Уходя, он сказал: «На меня не рассчитывай! Здесь не больница, черт побери! Сам с голоду подыхаю, где уж тебя прокормить! Поеду в другой город, авось удастся что-нибудь заработать. Может, выбьюсь из нужды!» Воспользовавшись тем, что Гурдеи лежала без сознания, Тара Чанд улизнул из дому, прихватив с собой все, что можно было унести.

К несчастью, поблизости не жила ни одна индусская семья, и обратиться за помощью было не к кому.

Изнемогая от жажды, Гурдеи кое-как сползла с кровати и добралась до кувшина с водой, но, на беду, он оказался почти пустым. С трудом набрала она полчашки мутной воды. Но руки у нее дрожали, и только несколь-

ко капель попали в рот, остальное пролилось на пол. Вдруг она почувствовала такую острую боль, что уже не могла подняться. Она распростерлась на полу, рядом с кувшином, и потеряла сознание.

8

Пробродив весь день со своей обезьяной по сентябрьской жаре и получив за свои труды лишь два куска хлеба, немного муки и патоки, Роду возвратился в свое жилище, где лежали три глиняные чашки, котомка, несколько лоскутьев и рваное одеяло, составлявшие все его достояние.

Семья у Роду невелика: сам он да обезьянка Лачхо. Больше у Роду нет никого в целом свете. Родители умерли от чумы, когда он был еще грудным ребенком; так и не успели вырастить сына.

Роду — за шестьдесят. После всего, что он перенес в жизни, обычные человеческие чувства его не волнуют — любовь для него пустой вздор. Когда он слышит, что кто-то кого-то любит, то смеется над человеческой глупостью. Он твердо знает лишь одно: мы рождаемся, живем, а потом умираем, вот и все. Человек он благочестивый, и хотя принадлежит к касте неприкасаемых, почитает себя приверженцем индуистской веры.

Роду снял мешок и повесил его на колышек возле хижины. Лачхо он никогда не привязывал — она была ему верным товарищем и беспрекословно слушалась своего хозяина. Прыгнув на прохладные корни баньяна¹, она расположилась там на отдых. Роду отер ладонью пот со лба, снял влажную залатанную куртку и повесил ее на солнце. Затем расстелил одеяло и уселся на нем, приклонившись спиной к стволу баньяна.

Обсохнув под свежим ветром, Роду налил черпаком воды в чашку, вынул из мешка кусок патоки, размельчил ее и приготовил шербет. Отпив половину, он перелил остаток в другую чашку и позвал Лачхо, которая уже давно ждала приглашения полакомиться. Одним прыжком обезьянка очутилась возле Роду и мгновенно опорожнила чашку; потом снова вскочила на дерево.

¹ Баньян — дерево, воздушные корни которого вырастают в землю.

Вскоре откуда-то с громким лаем примчалась стая собак. Роду снова открыл свой мешок, вытащил хлеб и роздал его собакам. Когда в мешке ничего, кроме муки, не осталось, Роду повесил его на прежнее место и прилег отдохнуть. До него донеслись какие-то похожие на плач звуки. Роду встал и побрел к темневшему поодаль густому кустарнику.

Обезьянка последовала за хозяином. Пройдя несколько шагов, Роду остановился; плач слышался совсем рядом. Роду нагнулся, заглянул за куст и увидел грудного младенца, запеленатого в красные тряпицы.

Не долго думая, Роду поднял ребенка и отнес его к себе домой. Хотя в это время года дни стояли жаркие, но по вечерам было холодно, и ребенок весь дрожал, даже губы у него посинели.

Роду не представлял себе, что ему делать с ребенком, как уберечь его от гибели. Зная, что обезьяны очень любят маленьких детей, он взглядом велел Лачхо сесть подалее, но она не послушалась и все время порывалась забрать у него младенца. Роду развернул тряпки; оказалось, это девочка. Закутав её в одеяло, он подумал, что она, верно, голодна и надо ее покормить. Но где взять молока? Он осторожно положил девочку под дерево, а сам, прихватив чашку, заторопился в деревню. Его мучило беспокойство за ребенка, а кроме того, он не знал, что отвечать, если спросят, зачем ему понадобилось молоко. «Скажу, что меня послал сосед», — решил Роду. По пути он непрестанно возносил молитвы великому Шиве и его супруге Парвати. Хотя Роду очень спешил, дорога заняла около часу. Сердце у него сильно колотилось, когда, сжимая в руках чашку с молоком, он подходил к своей хижине. «Только бы с ней ничего не случилось за это время», — думал он с тревогой.

Роду остолбенел от удивления, увидев, что Лачхо прижимает к себе голенькую девочку, а та смотрит на нее во все глаза и больше не плачет: наверно, пригласилась на груди обезьянки. Завидев хозяина, Лачхо быстро завернула девочку в одеяло и, робко поглядывая на Роду, отошла в сторону.

Роду выдернул из одеяла клочок ваты, окунул его в молоко и принялся поить ребенка. Вскоре девочка уснула. Роду вздохнул с облегчением.

Вечером он, по обыкновению, испек лепешки на са- модельной плите — сдвинул два камня, и плита готова. Две лепешки съел сам, одну — отдал обезьянке. Спать Роду пришлось на этот раз прямо на голой земле. Оде- яло он свернул пополам, на нижнюю половину положил девочку, а верхней прикрыл ее. Затем прижал ребенка к груди и заснул.

Ночью, поворачиваясь на другой бок, Роду проснул- ся, встал, откинул одеяло — и увидел, что ребенок исчез. Не унес ли девочку какой-нибудь зверь, — испугался Роду, — местность-то вокруг пустынная; но, оглянувшись по сторонам, понял, что произошло. Девочку действи- тельно унес зверь, но зверь этот оказался... Лачхо. При- жав к себе девочку, она кормила ее молоком через тря- почку — точь-в-точь, как накануне вечером делал Роду.

Это зрелище рассмешило Роду: «Господь воистину всемогущ! Обезьяна заменила ей родную мать!»

Робкий свет любви впервые озарил угрюмую и глухую ко всем человеческим чувствам душу старого фо- кусника.

* * *

Дни шли за днями. Роду всегда любил всласть по- спать, но теперь он по несколько раз вскакивал по но- чам, брал девочку на руки и, убаюкивая ее, напевал вполголоса:

Спи, малютка, засыпай,
Рыбка спит, спит попугай...¹

Это были те самые незамысловатые песенки, которые так смешили его когда-то в устах других людей. Теперь же он сам с удовольствием их напевал.

Поистине справедлива пословица: «Коль бог засту- пится, так никто не обидит». Девочка была на волоске от гибели, но, видно, не суждено ей было погибнуть. Всевышний зажег светильник нежности и ласки в сердце Роду. Не оставил он своею милостью и ребенка. Глаза у малютки были прекрасные — огромные, зеленые. Эти глаза, светлая кожа, золотистые, мягкие, как шелк, во- лосы являлись свидетельством неподражаемого искус- ства природы. Может быть, это и побудило Роду назвать малютку Сундари².

¹ Стихи в романе переведены С. Ботвинником.

² В переводе «прекрасная», «красавица».

Прежде старый Роду частенько с усмешкой спрашивал: «Ну не глупость ли обременять себя заботами о детях? К чему возиться с дочерьми да сыновьями! Какой смысл в родительской любви?» Теперь его недоумения разрешились сами собой. Роду стал уходить на утренней заре и возвращаться только к закату. Ему нужны были деньги. Хлеб, который Роду раньше отдавал собакам, теперь шел пастухам; взамен они давали ему молоко.

Прошло немного времени, и на заработанные деньги Роду смог купить Сундари маленькую кроватку, кое-что из одежды, несколько игрушек. Если раньше он довольствовался тем, что давали зрители, то теперь заговаривал с каждым прохожим, выпрашивая у него старую одежду или немного денег, чтобы купить еды ребенку.

Роду любил Сундари, но Лачхо любила ее еще больше. Обезьянка ни на минуту не оставляла Сундари одну, следила за каждым ее шагом. Девочка теперь участвовала в представлениях старого Роду. Вид Сундари трогал зрителей, они щедро платили Роду, а он со скорбным выражением лица говорил: «Люди добрые! Мать у нее умерла, спасибо, что ждали над сироткой!»

Сундари исполнилось два года. Она, словно солнечный луч, освещала темную хижину бродячего фокусника. Все время находясь подле Лачхо, Сундари усвоила обезьяньи повадки: кувыркалась, бегала на четвереньках, а иногда пыталась вскарабкаться на дерево. Словом, старалась во всем брать пример со своей подружки.

Когда Роду видел, что соседские ребятишки играют с Сундари и никто ее не обижает, радости его не было границ. Природа, кроме красоты, наделила Сундари еще и умом. Девочка росламышленная и понятливая.

Обычно, возвращаясь домой, Роду приносил гостинцы для Сундари. Это вошло у него в привычку. Теперь он летел домой как на крыльях. Еще издали завидев Роду, девочка бежала ему навстречу, прижималась к его ногам, и лепеча: «Папа, дай Сундари вкусенького!» — обшаривала его карманы. Схватив кулек со сладостями, девочка убегала, чтоб показать гостинцы своим подружкам, а Роду все глядел на нее и не мог наглядеться.

Иногда Сундари замечала, что дети, подравшись, зовут на помощь своих матерей: «Мама, мамочка! Иди скорее, он дерется, камнями кидается!»

Сундари не понимала, что значит слово «мама», для нее весь мир был в «папе Роду» и обезьянке Лачхо. Но когда она видела, как другие дети льнут к своим матерям, а те расчесывают им волосы или угощают сладями, ей очень хотелось, чтобы у нее тоже была своя мама, — ведь ребенку часто хочется иметь красивую игрушку, которая есть у его приятеля.

Однажды вечером, когда ярко светила луна, старый Роду сидел возле хижины и подбрасывал Сундари на коленях. «Поехали... поехали...» — повторял он. «Папа, еще! Еще!» — кричала Сундари, но Роду утомился за день. «Ага, попалась!» — и он пощекотал ее. Сундари громко смеялась. В эту минуту издали донесся детский голос: «Мама!» Сундари сразу перестала смеяться, схватила старика за подбородок и спросила:

— Папа, а где моя мамочка?

Что мог ответить на это бедный фокусник? Его точно ножом полоснули по сердцу. Он поцеловал Сундари и сказал:

— Твоя мама ушла.

— Где же она? — упрямо повторила девочка.

— Доченька, твоя мама ушла, ушла далеко.

— Да-ле-ко?

— Да, маленькая, очень далеко.

Девочка задумалась. Ее взгляд блуждал по озаренному луной небу. Потом она медленно сказала:

— Мама далеко, да, папа?

— Да, доченька, далеко.

— Она на луну ушла?

— Да, на луну.

— А может быть, это бука унесла с собой маму?

— Да, моя девочка, бука унесла твою маму далеко-далеко.

Вскоре Сундари уснула, а за ней задремал и Роду.

(Десять лет спустя)

Любая сильная страсть: благородная или низменная, начисто меняет человека. Ее можно сравнить с каплей закваски, которая превращает молоко в простоквашу. Хотя стоит положить этой закваски побольше, и она испортит все молоко.

Вот такая сильная страсть овладела Бачаном Сингхом — сыном Джива Сингха из Диванпура — при знакомстве с одним замечательным человеком; страсть эта перевернула всю жизнь девятнадцатилетнего юноши. В ту пору он как раз кончил десятый класс и поступил в Кхальса-колледж¹ в Амритсаре.

Хотя Бачан Сингх несколько лет дышал затхлым, полным ядовитых испарений городским воздухом, в жилах его струилась свежая кровь его предков, проживших всю жизнь в деревне. Он был сильным, крепким юношей. Прямой, открытый взгляд и приветливая речь сделали его любимцем всей школы. Бачан Сингх пользовался общей любовью еще и потому, что писал стихи и декламировал их со сцены. Кроме того, он возглавлял школьный совет и был первым на всех собраниях и митингах. Стихи Бачана Сингха встречались с неизменным одобрением. И не потому, что они были проникнуты какими-то особыми, высокими чувствами. Нет, это были довольно заурядные стихи, но читал их Бачан Сингх так мастерски и с таким подъемом, что все слушали как зачарованные. Казалось, в такие минуты он мог даже медь превратить в золото.

В те дни, когда он сдавал приемные экзамены, в городах и деревнях проводились демонстрации и митинги, целью которых было искоренить устаревшие обычаи, изжившие себя традиции.

Один из таких митингов проходил на амритсарской площади Джалианвала Баг. Собралась огромная, почти десятитысячная толпа. Когда председательствующий назвал имя Бачана Сингха, толпа радостно загудела, и под одобрительные возгласы собравшихся Бачан Сингх поднялся на трибуну. Он прочел стихотворение собственного сочинения. Слушали его молча, но, когда он кончил, заставили повторить все сначала.

Бачан Сингх был упоен своим успехом. Он спускался с трибуны, а ему казалось, будто он возносится в небеса. Его окружила толпа почитателей. Среди них Бачан Сингх заметил редкостной красоты старика лет шестидесяти. В своих простых белых одеждах, с шелковистой седой бородой, он казался существом необыкновенным, словно сошедшим с небес.

¹ Кхальса-колледж — известное учебное заведение.

Подойдя к Бачану Сингху, человек этот взял его за руку и отвел в сторону.

— Сын мой, — обратился он к юноше, усаживаясь на траву, — я слышал твои стихи, и мне захотелось познакомиться с тобой.

— Благодарю, отец, — отвечал Бачан Сингх, садясь рядом, — и я рад познакомиться с вами.

Поглаживая щеку, старик сказал:

— Видишь ли, я человек не такой уж начитанный, поэтому хочу спросить тебя: в чем смысл этих слов? — И старик прочитал несколько строк, записанных на клочке бумаги:

Индия, мать! Клянусь я твоими стопами:
Голову рад я за благо отчизны сложить.
Мрак и порок изгоняя из всех закоулков,
Буду тебе я смиренно и верно служить!

Это были строки из стихотворения Бачана Сингха. Почему-то старик записал именно их.

— Отец, — ответил Бачан Сингх, — по-моему, смысл этих строк совершенно ясен!

— Нет, сын мой! — произнес старик, добрыми глазами глядя на юношу. — Понять их очень трудно. Ну-ка, подумай как следует.

Бачан Сингх задумался.

— Разве ты отдаешь себе полный отчет в клятве, которую приносишь в своих стихах?

Только теперь значение своих собственных слов дошло до сознания Бачана Сингха. Он еще раз взглянул на старика, но, не в силах выдержать его сверкающий взгляд, опустил глаза. Старик дотронулся до плеча юноши.

— Не приноси пустых клятв, — сказал он. — Это великий грех!

Бачан Сингх пристально глядел в землю.

— Запомни, сын мой: человек приносит свою жизнь на алтарь отечества не для того, чтобы снискать себе похвалу!

Бачан Сингх склонился к самым ногам старика.

— Если ты чувствуешь в душе своей истинное призвание, то лучше действуй, а не хвастайся попусту, — сказал старик, похлопав Бачана Сингха по спине.

С глаз юноши словно спала пелена. До сих пор он считал, что служение народу заключается в том, чтобы вызвать в толпе подъем, зажечь ее своими взволнованными стихами, а самому вкусить радость успеха, но теперь Бачан Сингх понял, что все, что он делал до сих пор, было лишь пустым кривляньем, ничего общего не имеющим с подлинным служением родине. Другая жизнь, неизмеримо выше и насыщеннее той, какую он вел, о существовании которой и не подозревал, предстала перед ним во всей своей реальности.

Старик вскоре ушел, но он успел заронить в душу Бачана Сингха искру нового чувства. По просьбе Бачана Сингха гьяни¹ Дидар Сингх дал ему свой адрес (он был в Амритсаре проездом).

Пока его новый знакомый находился в Амритсаре, юноша ежедневно посещал его, и общение с Дидаром Сингхом так изменило весь его облик и характер, что нынешний Бачан Сингх отличался от прежнего, как день от ночи. Он и теперь писал стихи, но предназначались они не для слушателей, а для него самого. Он никогда не забывал строки, повторенной Дидаром Сингхом в тот достопамятный день: «Клянусь я твоими стопами!..»

10

В этом году Бачан Сингх не хотел возвращаться домой на летние каникулы. Его обуревало желание поехать по деревням, поговорить с людьми, набраться впечатлений. Но неожиданно пришло известие, что отец заболел, и Бачан Сингх в первые же дни каникул отправился в деревню.

Увидев сына, Джива Сингх был удивлен и даже раздосадован: куда девались кожаные ботинки, европейского покроя пиджак, белый воротничок и галстук? Сын носил простые домотканые брюки, а на ногах у него были дешевые сандалии.

Джива Сингх сердился, негодовал, но что он мог поделать? Сын-то у него единственный, и Джива Сингх боялся высказывать вслух свое недовольство — а вдруг сын уйдет из дому?

¹ Гьяни — титул богослова-сикха.

В конце концов он решил, что Бачану Сингху следует бросить учебу и заняться хозяйством, а то как бы он и вовсе не отбился от рук!

У Бачана Сингха были совсем другие планы, но он не мог вынести огорчения родителей. Скрепя сердце он повиновался их воле.

Однажды он отправился в поле — поглядеть, хороши ли всходы. Проходя мимо сикхского храма, он увидел замок на дверях. «Отчего же храм закрыт? — подумал он. — Ведь в деревне живет много сикхов!» И, заметив стоящего возле храма мальчика, спросил:

— Скажи-ка, разве у вас здесь нет грантхи?¹

Мальчик поднял палец и показал куда-то вверх.

— Глядите, вон он сидит, у верхнего окошка.

Бачан Сингх в недоумении поднял глаза.

— Он и «Адигрантх» тоже сверху читает? — спросил он.

Мальчик то ли не расслышал его, то ли не понял:

— Угощает? Чем угощает? Разве сегодня праздник?

Бачан Сингх не стал больше ни о чем спрашивать и позвал грантхи. Ему пришлось крикнуть несколько раз, прежде чем тот выглянул наконец из окна. Увидев, что внизу стоит сын господина Джива Сингха, грантхи поспешил спуститься. Подойдя к Бачану Сингху, он низко поклонился.

— Входите, входите, господин! — почтительно пригласил он. — Да хранит вас всевышний! Это для меня такая честь! Вы осчастливите меня своим посещением, мое убогое жилище будет освящено. Входите же, прошу вас!

Бачан Сингх сам искал встречи с грантхи, но когда услышал эти лживые заискивающие слова, ему сразу же захотелось уйти. Но отступить было поздно, и он принял приглашение.

Грантхи был человек высокий, футов шести, а то и более росту, но чрезвычайно худой; по-видимому, пища, которую он поглощал, оседала не в мышцах его, а в костях. Щеки у него запали так глубоко, что, казалось, сунь в них по шарик, они не выпадут, а так там и застрянут. В нижней челюсти не было ни одного зуба. В верхней

¹ Грантхи — священнослужитель в сикхском храме, читающий верующим священную книгу «Адигрантх».

осталось всего четыре, и те выдавались наружу. Худоба его ног поневоле внушала мысль: говорят, земля наша стоит на рогах могучего белого быка, но неужели это огромное костистое тело держится на такой слабой опоре? На впалом животе грантхи резко выделялся пупок, а сам живот был похож на блюдо, обтянутое тонкой, землисто-серой тканью. Мочки ушей были оттянуты книзу, и в дырки для серег можно было продеть целую морковь. А ступни были так велики, словно господь бог, как рассеянный продавец, отвесил грантхи двойную порцию этого товара.

Словом, человек этот был создан природой наспех и кое-как.

Войдя в комнату, грантхи поспешно бросил под кровать подушку — грязную и засаленную, как коврик у торговца сладостями, потом сложил одеяло дырками внутрь и, выпятив нижнюю губу, чтобы скрыть торчащие наружу верхние зубы, сказал, обращаясь к Бачану Сингху:

— Садитесь, господин мой. Мой дом — ваш дом. Сегодня вы впервые сообразовали посетить меня. Я так счастлив, будто сам всевышний пожаловал в это обиталище жалкого червя.

— Благодарю вас, — сдержанно ответил Бачан Сингх и, быстро оглядев комнату, спросил: — Где же происходит богослужение?

— Ах, господин мой! Уж не знаю, что и ответить! Никто здесь не ходит в храм божий. — Грантхи помолчал. — Я должен был служить внизу, но сегодня я чувствую во всем теле какую-то слабость, оттого и службы нет.

Бачан Сингх тотчас же понял, что грантхи юлит и лжет.

— Знаете что, почтенный грантхи, — сказал он, — давайте откроем дверь, и вы совершите богослужение. Ведь с тех пор как я приехал домой, мне ни разу не довелось помолиться в храме.

Ничего не поделаешь, — пришлось грантхи покориться. После долгих поисков он все-таки нашел ключ, но когда вставил его в скважину, оказалось, что замок не поддается.

— Ключ не поворачивается, — сердито заметил Бачан Сингх.

Грантхи, дошатываясь, пошел наверх.

— Подождите меня внизу, — крикнул он с лестницы, — верно, я перепутал ключи.

Он скоро вернулся, смазав тот же самый ключ маслом, и замок наконец открылся.

— Как это вышло, право слово, не знаю, — бормотал грантхи, — ключ лежал в другом шкафу, а я по ошибке прихватил ключ от чердака...

То, что предстало их взгляду, когда они очутились внутри храма, заставило обоих содрогнуться: Бачана Сингха — от гнева, почтенного грантхи — от стыда.

Как следует отчитав и припугнув грантхи, Бачан Сингх отправился осматривать поле.

11

— Привет, почтенный грантхи! Я вижу, у вас сегодня превосходное настроение!

Этими словами Пала Сингх громко приветствовал грантхи, подметавшего храмовый дворик. Грантхи поставил метлу в угол и, вытирая грязные руки о полу одежды, поспешил навстречу гостю:

— Здравствуйте, здравствуйте! Входите, пожалуйста! Уф! Беда, право слово, беда! Замучил меня сынок Джива Сингха! С тех пор как он сюда приехал, мне просто житья не стало. Боюсь его страсть как, немею, право слово, немею. Что поделат! Сильных мира сего приходится бояться!

Пала Сингх, отъявленный мошенник и негодяй, был главарем разболтанной и беспутной деревенской молодежи. Землю, доставшуюся ему после смерти родителей, он продал и продолжал жить таким же шалопаем, каким был и раньше. Вся деревня боялась его. Когда кто-нибудь хотел затеять ссору или учинить драку, он звал Пала Сингха — человека незаменимого в такого рода делах.

Пала Сингху нельзя было отказать в щедрости. Каждый месяц, ровно на две недели, он отправлялся со своими дружками в «рейд» (что на их языке значило «разбой», «грабеж»), и всякий раз этому больше всех радовался грантхи, особенно, если «рейд» проходил успешно. Грантхи обожал Пала Сингха. И не мудрено.

После каждого такого «рейда» Пала Сингх делал щедрые подношения храму. Готовились отменные угощения, покупались наркотики, грантхи собственноручно толлок мийдаль, мак и листья конопли и, смешав их с водой, готовил крепкий опьяняющий напиток — сардаи. За все это платил Пала Сингх. Как раз сегодня он возвратился в деревню после долгого и весьма успешного «рейда». Он давно точил зубы на Джива Сингха и ждал только удобного случая насолить ему. Джива Сингх не считался с ним и уже несколько раз доносил о его проделках начальству. Пала Сингх боялся и ненавидел Джива Сингха, а теперь эта ненависть перешла и на его сына.

В ответ на жалобы грантхи Пала Сингх сказал:

— Какое право имеет этот мальчишка вас поучать? А ну, выкладывайте, чем он вас обидел?

— Лучше не спрашивайте! Обращается со мной так, будто он мой наставник. Велел вставать ни свет ни заря, читать утреннюю молитву, два раза на дню мести двор, а по вечерам — читать вечернюю молитву!

— Вот оно что! — Пала Сингх нахмурился. — Да он, верно, совсем спятил! Мы пока еще живем на земле, а не в раю! Кто это потащится в храм, когда столько работы в поле! А вы, почтенный грантхи, впредь не робейте: осадите этого выскочку. Вы же ему ничем не обязаны — его отец вам денег не платит!

Эти слова придали грантхи смелости.

— Да будет благословенно ваше потомство! — воскликнул он. — Золотые слова... Но боюсь я. Уж лучше буду сидеть да помалкивать, авось сам отстанет. К чему с ним связываться?.. Люди вокруг скупердяи! Я живу благодаря таким щедрым и благородным господам, как вы, вот только иной раз отслужу благодарственную службу для какого-нибудь просителя в суде. А больше в храм никто и не заглядывает. Так чего ради я буду перебивать себе сон — вставать ни свет ни заря?

— Запомните, почтенный, никто не осмелится вас обидеть. Если он придет еще раз и снова начнет разглагольствовать, вы на все отвечайте ему «нет»! Пусть только попробует вам навредить! Пока я жив, вряд ли найдется такой наглец, который осмелится косо на вас взглянуть.

Слова Пала Сингха приободрили грантхи.

— Ах, господин мой! Плевать мне на него! — воскликнул он. — Я-то боялся, что вы его поддержите, а меня осудите. Если б не это, я давно бы вышвырнул его за дверь! Клянусь богом! Вы же знаете, господин мой, что я люблю потешить себя бхангом¹ или опиумом: после них так сладко спится, особенно под утро... Да, совсем забыл: сегодня еще одна беда свалилась на мою голову.

— В чем дело?

— Он сказал мне: «Послушайте, почтенный грантхи, вместо того чтобы целыми днями валяться на кровати, взялись бы учить деревенских детишек грамоте!»

Пала Сингх даже губу прикусил от злости.

— Этого еще не хватало! — сказал он. — Сам-то он двенадцать лет учился, а что толку? Был когда-то тихий, послушный и совсем не глупый паренек. Но стоило ему научиться читать по складам, как весь свой ум растерял! А теперь и вовсе рехнулся! На кого он похож! Сын помещика, а одет, будто нищий. А еще говорят, что у них в Кхальса-колледже хорошо учат!.. Ну ладно, так что же вы ему ответили?

— Что я мог ответить? Ведь он не собирается меня кормить-поить, вот я и сказал, что не могу тратить все свое время на мальчишек и девчонок. Сами посудите, я ведь занят с утра до вечера, то бханг готовлю, то сардаи.

— Надеюсь, вы не откажетесь мне помочь? — сказал Пала Сингх, услышав слово «бханг». — Чуть свет ко мне нагрянули Дхиан Сингх с Нараяном Сингхом. Пойдем, говорят, к почтенному грантхи, засвидетельствуем ему свое уважение.

— Этот Бачан Сингх так напугал меня, что я еще не приступал к делу, до сих пор все вожусь с уборкой!

— Не обращайтесь на него внимания! Поторопитесь с бхангом, а этого парня я сам приструню.

— Спасибо. Уймите его, ради бога! Так я буду вас ждать!

— Хорошо.

— Только приходите пораньше, пока не стемнело. И друзей приводите.

¹ Б х а н г — наркотик, приготовляемый из листьев конопли.

— За ними дело не станет! До вечера! — И Пала Сингх удалился.

Грантхи водворил метлу на прежнее место и занялся необходимыми приготовлениями. Но перед этим он пожевал немного бханга, приготовленного еще утром, потом машинально — ведь тот, кто много и жадно ест, уже не замечает, что он ест — отправил в рот несколько щепоток порошка, способствующего пищеварению, и только тогда почувствовал сильное опьянение.

Потом грантхи сел, опершись одной рукой о колено, а другую подложив под щеку. Мысли его витали далеко-далеко. На лице играл румянец.

12

Было около трех часов дня. У грантхи в верхней комнате собрались гости. Хозяин, сидя в стороне, прилежно чистил каменную ступку и деревянный пест. До сих пор, из страха перед Бачаном Сингхом, он никак не мог заняться этим делом.

— Поторапливайтесь, почтенный, — сказал Пала Сингх, вынимая из-за пазухи завернутый в тряпицу ком неочищенного сахара и кладя его на стол.

— Я и так тороплюсь... — отвечал грантхи, продолжая свое занятие. — Если бы кто-нибудь растворил в котелке сахар, я бы тем временем сходил на базар за пряностями.

Какой-то юноша из компании Пала Сингха принялся растворять сахар, другой стал мыть листья конопли. Грантхи закончил свою работу и стоял в ожидании, вытирая мокрые руки краем одежды. Пала Сингх дал ему четыре ана — два на миндаль и два на все остальное.

— Миндаля покупать не надо, — сказал грантхи Гопал Сингх и, развязав грязный узелок, высыпал на стол пригоршню миндаля.

— Отлично! — воскликнул Пала Сингх. — Тогда купите на все четыре ана разных пряностей.

— Хорошо, — промолвил грантхи и поспешно отправился на базар. По дороге он размышлял о глупости Гопала Сингха. На базаре он истратил только два ана,

два положил себе в карман и вернулся домой. Там его ждали. Приготовления были в полном разгаре.

— Что вы так долго? — нетерпеливо воскликнул Дева Сингх. — Выкладывайте, что принесли.

Вынув из кармана пакетик, грантхи протянул его Дева Сингху:

— Вот, пожалуйста. Я бежал со всех ног...

Гости засмеялись. Все стали подтрунивать над священнослужителем. Оказалось, произошло следующее: на грантхи, видимо, еще действовала утренняя порция бханга: по неосторожности он порвал пакетик с пряностями, его содержимое осталось у грантхи в кармане, а гостям он протянул пустую обертку.

Грантхи смутился и, усевшись в уголке, принялся вытряхивать из кармана просыпавшуюся смесь.

— Ох, беда! Никогда эти дрянные мальчишки, — бормотал он, имея в виду сыновей торговцев, — не закроют как следует пакет. Бездельники!

Все общество уселось в кружок. Начали толочь коноплю. Через четверть часа она превратилась в мелкий порошок, и Лакха Сингх, отдуваясь, сказал:

— Ну хватит! Надо спешить — скоро вечер!

Грантхи стал перетирать стаканы.

— Еще не готово, прошу вас, повремените, ведь недаром древние мудрецы говорили:

Чем коноплю старательней толчешь,
Тем бханга больше извлечешь.
Об этом справедливо сказал владыка Шива.

С этими словами он начал снимать пальцем жирную кромку со стакана.

Случилось так, что как раз в этот день в храмовый дворик забрел странствующий нищий-садху. Он уселся в уголке, неподалеку от собравшихся гостей, и погрузился в чтение «Бхаварасамриты»¹. Услышав, что грантхи декламирует стихи, он оторвался от чтения и подошел к нему:

— Да вы, оказывается, еще и поэт! Вот только с рифмой у вас что-то не совсем ладно...

¹ «Б х а в а р а с а м р и т а» — сочинение по индийской поэтике.

— Ты что, не узнал — ведь это настоящий сиркханди!¹ — важно ответил грантхи. — Этим размером слагали стихи величайшие поэты! Вот, к примеру, один писал:

Рот бога Шивы Ганга украшает,
Тот счастлив, кто его смиренно умоляет.

Никто ничего не понял, а садху не мог удержаться от смеха.

— Да это же соратха!² И, кроме того, мне кажется, что эти стихи сочинили вы сами... «Рот бога Шивы Ганга украшает». Образ, конечно, прекрасный. Но почему Ганга течет изо рта Шивы? А может быть, она стекает с его макушки?³

Грантхи был захвачен врасплох: оказывается, среди этой толпы глупцов есть один умный человек! Ковыряя мозоль на ноге, он обдумывал, что бы такое ответить садху.

— Видите ли, соратха и сиркханди, в сущности говоря, одно и то же, просто поэты называют их по-разному, — наконец пробормотал он.

Садху рассмеялся еще громче.

— Вы правы, почтеннейший, это одно и то же! Оба слова даже начинаются на одну и ту же букву! Ха-ха-ха! Вы поистине тонкий знаток!

Все захлопали в ладоши, выражая свое одобрение грантхи.

— Я полагаю, друзья мои, что пора уже приступать к делу, — сказал Пиара Сингх.

— Все готово! — С этими словами грантхи снял с гвоздя полотенце, перекинул его через плечо и с важностью занял место во главе честной компании.

Разминая в котелке комя неочищенного сахара, Пала Сингх сказал:

— Да, чуть не забыл, почтенный грантхи! Сегодняшнее угощение надо разделить на две части. Одна

¹ Сиркханди — вымышленный грантхи поэтический размер.

² Соратха — одна из метрических форм в индийской поэзии.

³ По индийской мифологии, река Ганга однажды нарушила благочестивые размышления мудреца Бхагиратха. За это мудрец низвел ее с неба, где она протекала. Чтобы Ганга не раздавила землю, Шива подхватил ее на свое чело. В память об этом событии волосы Шивы увенчаны изображением Ганги. Таким образом, пандит проявляет элементарное незнание индийской религиозной мифологии.

пойдет для бывалых воинов, другая — для новобранцев. Вот смотрите, — он указал направо, — зять Ганда Сингха впервые присутствует на нашем собрании. Я вижу еще двоих новобранцев — Васава Сингха и Ман Сингха.

— Ваша правда! — Грантхи принялся разливать бханг по стаканам.

Пратап Сингх, зять Ганда Сингха, хотя и жил в городе, был человеком малообразованным. Кроме европейского костюма, воротничка и галстука, ничто не указывало на то, что он учился в колледже. Бедняга никогда в жизни не пробовал бханга. Очутившись в компании наркоманов, он думал лишь о том, как бы ему выпутаться из всей этой истории.

Когда грантхи подошел к нему с бхангом, Пратап Сингх коснулся его руки и тихо попросил:

— Пожалуйста, поменьше!

Грантхи же слышалось: «Побольше!»

Пьяницы, как правило, терпеть не могут, если кто-нибудь в их присутствии похвалится, что может-де много выпить. Они подливают хвостуну до тех пор, пока у того не пропадет охота хвастаться.

Пратап Сингх пытался остановить грантхи, но было уже поздно: священнослужитель протянул ему полный стакан. Пратап Сингх начал пить, но так и не допил до дна.

Когда всем было налито, оставшийся бханг — около двух кружек — грантхи забрал себе.

Постепенно гости захмелели. Проводя рукой по лицу, Уджагар Сингх сказал:

— Ах, братцы! Я сейчас словно в раю! Вокруг цветут какие-то диковинные цветы. До чего же они ароматные!

— Что ты болтаешь? — прищурившись, накинудся на него Индар Сингх. — Какие цветы? Дурак! Это же апельсины пахнут!

— Что с тобой, Пала Сингх? Никак, ты одурел, старина? — заметил из другого угла Бхан Сингх, делая отчаянные попытки открыть глаза.

— Ну что ты! — Пала Сингх проглотил слюну. — Я никогда не дурею. Клянусь всевышним, я могу опустошить все, что здесь есть, и — ни в одном глазу. Такой уж у меня организм! Не берет меня бханг, хоть ведро его выпей!

Помолчав несколько секунд, Пала Сингх продолжал:

— Эй, Бхан Сингх! Ты вот говоришь, что я одурел, а у самого глаза закрываются.

— Не мели чепухи! — вскинулся Бхан Сингх. — Я совершенно трезв...

— По твоим глазам этого не скажешь...

— Да брось ты!.. Хочешь, проверь меня: задавай вопросы, и уж если я не отвечу, тогда все будет ясно.

— Идет! Ну-ка скажи, что присудили Калу Сингху из Камоки?

Бхан Сингх молчал, и Пала Сингх уже обрадовался своей победе, как вдруг сам позабыл, о чем шла речь. Он изо всех сил напрягал память, но напрасно: он забыл даже, с кем разговаривал. Наконец, с большим трудом, ему удалось вспомнить.

— Скажи-ка еще раз, Бхан Сингх, сколько ему дали?

Бхан Сингх не понял.

— Что ты сказал? — переспросил он.

— Что? Я ничего не говорил! — выдавил из себя Пала Сингх. — Ах, да! Видишь ли, Лакха не привязал своего бычка, и бычок всю ночь блуждал возле колодца.

— Постой!.. Ты же говорил... — Бхан Сингх облизнул губы. — Ты говорил... Ах, вспомнил. Она взяла у меня в долг две рупии и ушла. — Он захохотал.

Пала Сингх провел рукой по лицу.

— Брат мой, Бхан Сингх, прошу тебя, довольно! Я никогда не был...

Он вдруг почувствовал, что страшно голоден, и, протянув грантхи рупию, сказал:

— Купите чего-нибудь поесть. Лучше сладкого.

Грантхи надел сандалии и отправился на базар. Но не успел он повернуть за угол, как забыл, за чем шел. Потом с трудом вспомнил и опасливо, неуверенной походкой приблизился к лавке. Купив там дешевых сладостей, он поспешил обратно. Дома глазам его предстала такая картина: все новички лежали вповалку, а среди тех, кто уже привык к дурману, многие сидели, устремив остекленевший взгляд в потолок, остальные, казалось, замерли в приступе хохота.

Спящие продолжали спать, а бодрствующие немного подкрепились и начали приходить в себя. Пала Сингх дал грантхи еще одну рупию. Тот сперва отнекивался,

но потом, смекнув, что часть денег он сумеет прикарманить да еще потешить себя сладеньким, согласился.

«Куда подевалось это проклятое полотенце!» — подумал грантхи, забыв, что завертывал в него сласти. И, нагнувшись, он стал искать пропажу под кроватью.

* * *

Прошло некоторое время, прежде чем Пала Сингх вспомнил, за чем посылал грантхи. Он пошел на базар искать грантхи, но так и не возвратился. Вслед за ним исчез и Бхан Сингх.

Садху тоже был одурманен. Через час, когда голова у него немного прояснилась, он вспомнил, что трое из их компании ушли на базар за сладостями и не вернулись! В надежде найти пропавших, а заодно и полакомиться, садху тоже поспешил на базар.

Уже наступил вечер, и на базаре было пусто. На обратном пути садху наткнулся на Пала Сингха, лежавшего ничком в грязной луже. Кто-то его расталкивал, но Пала Сингх не двигался и только бормотал:

— Люди добрые! Меня как огнем жжет! В живот уже налили воды, потушили пожар! А спина еще горит! Лейте на меня воду, да поскорее! Умираю!..

Обойдя его, садху пустился в храм, чтобы сообщить грантхи о том, что видел, но того нигде не было. Садху сел на кровать и уже собрался было расположиться на ночлег, как вдруг ноги его прикоснулись к чему-то теплomu. Он заглянул под кровать и увидел там грантхи, спавшего мирным сном. В руке у него была зажата рупия.

Садху попытался вытащить грантхи наружу, но тот сопротивлялся и бормотал:

— Держи, держи Бачана, Пала Сингх! Ты же обещал, что мы его проучим!.. Помоги мне! Скорей, скорей! Разве не видишь, он душит меня! Бьет! Ой, ой! У меня глотка набита песком! Дышать нечем! Спасите!

Но кругом валялись лишь одурманенные люди. Никто не слышал воплей грантхи.

«На дворе ночь. Что делать?» — в тревоге думал садху. Он принялся тормошить лежавших. Постепенно все очнулись и начали медленно расходиться по домам. Один только Пратап Сингх никак не приходил в себя.

Испугавшись, что он умер, садху собрал свои нехитрые пожитки и хотел было уйти. Но потом передумал, улегся тут же на полу и заснул.

Когда садху проснулся, солнце стояло уже высоко. Он огляделся по сторонам — грантхи нигде не было видно. Исчез и юноша, лежавший вчера на полу.

Садху тихо выскользнул со двора. Он уже прошел около полумили, когда навстречу ему попался Бачан Сингх с грантхи на плечах. Садху сделал вид, что ничего не заметил.

18

В деревне поднялась суматоха — все только и говорили о происшествии с Пратапом, которого накануне доставили в таком состоянии, что испуганные домашние всю ночь не сомкнули глаз, хлопоча около безжизненного тела. Бачан Сингх, принесший Пратапа на своих плечах, рассказал им, что, когда он пришел в храм, грантхи там не было; на кровати его спал какой-то незнакомец, а Пратап валялся на полу.

Чего только не делали домашние: и масло в уши закапывали, и голову массировали, вливали в рот манговый маринад и горячее молоко с маслом — ничто не помогало. Юноше становилось все хуже и хуже. Глаза его остекленели, губы посинели, начались судороги. Потерявшие всякую надежду родные прибегли к последнему средству — едва рассвело, они бросились в соседнюю деревню, где находилась больница, и привели оттуда врача. Тот осмотрел больного и констатировал сильное отравление. Пратап был немедленно отправлен в больницу.

Все это время Пала Сингх и его дружки сидели по домам и тряслись от страха, — ведь человек с нечистой совестью все равно что заяц: и тени своей боится. Больше всех дрожал Пала Сингх: если полиция дознается, кто истинный виновник случившегося, — беда, головы ему не сносить! Его и так уже взяли на подозрение с тех пор, как года три назад он побывал в участке. И если несколько услуг, в свое время предусмотрительно оказанных им полицией, слегка ослабили петлю, накинутую на его шею, то теперь она могла затянуться еще туже.

Тогда он сделал хитрый ход: сам явился в полицию и обвинил Бачана Сингха в отравлении Пратапа. Вот так, одним выстрелом он убил двух зайцев.

Уже в полдень начальник участка приказал поставить полицейского у дверей дома Джива Сингха, отца Бачана, а сам отправился к Ганда Сингху.

Пока сержант производил обыск у Джива Сингха, начальник участка самолично осмотрел Пратапа, а затем проследовал в храм. Там он увидел такую картину: в храмовом дворике, на земле, сидел, покачиваясь, грантхи, а Бачан Сингх растирал ему маслом голову.

Полицейские забрали обоих. Потом обыскали храм. Улики нашлись быстро — в углу валялось мокрое, пропитанное остатками бханга полотенце — его по забывчивости бросил туда грантхи. Вызванный полицией врач отжал полотенце и отправил жидкость на анализ. Когда полотенце выжимали, из него выпали две пайсы — такие стертые, что весили вдвое меньше положенного. И врач и полиция сразу же поняли, что Пратапа напоили бхангом, в котором были растворены эти монеты. На Бачана Сингха и грантхи надели наручники; в доме Джива Сингха поднялись вопли и стенания.

При аресте присутствовал Пала Сингх вместе со всей своей компанией. Хотя всех их еще продолжало мутить, они все-таки не смогли усидеть дома. Откуда взялись эти стершиеся монетки, они не знали, да и, по правде говоря, не очень интересовались. Для них важно было одно: появилось доказательство виновности Бачана Сингха, а это снимало подозрение с них самих. Родные Пратапа подтвердили — да, это он, Бачан, принес их зятя домой, часов в девять вечера; принес и сказал, что тот потерял сознание, напившись бханга.

Вечером Пала Сингх навестил начальника полиции. Расстались они по-дружески: начальника всегда можно было задобрить каким-нибудь лакомым куском.

* * *

Вскоре начался судебный процесс. Хотя Джива Сингх лежал больной — у него был сильный жар и кашель, — он все-таки сумел нанять сыну адвоката. Суд приступил к опросу свидетелей. Пала Сингх дал следующие показания:

— В тот день я сидел у себя дома. Когда, часов в пять, я зашел в храм, то увидел во дворе Бачана и Пратапа. Они готовили бханг. Грантхи в это время был погружен в молитвенное созерцание. Я постоял там несколько минут и пошел домой. А вечером, часов этак в девять, прогуливаясь по улице, я снова увидел Бачана: он тащил Пратапа к нему домой. Я окликнул Бачана, но он мне не ответил.

Такие же показания дали и приятели Пала Сингха.

Потом суд приступил к допросу обвиняемых. Грантхи как попугай повторял одно и то же:

— Это все Бачан, право слово, Бачан! Это он велел мне готовить бханг! И дал четыре ана на сардаи. Два ана я, право слово... — тут грантхи запнулся, и англоиндиец-судья недоуменно спросил адвоката:

— Well! ¹ Почему этот обвиняемый все время твердит о каком-то праве?

Адвокат ответил ему что-то по-английски, и судья рассмеялся.

Стараясь не потерять нить повествования, грантхи продолжал:

— Я купил сардаи на два ана, господин судья! Право слово, я не виноват! Клянусь вам!

Адвокат Бачана Сингха был человек, умудренный опытом, знаток своего дела.

— У кого вы покупали сардаи? — спросил он грантхи.

— У сына лавочника Деви Даяла.

— Сколько вы ему заплатили?

— Четыре ана.

— Дал он вам сдачу?

— Да, два ана.

— Какими монетами?

Пала Сингх делал грантхи отчаянные знаки, но тот, тупой как баран, ничего не понял и выпалил:

— Восемь пайс!

— И что же вы сделали с этими пайсами?

— Положил в карман.

— А пакетик с сардаи?

— Тоже в карман.

— Куда же вы дели деньги, когда пришли домой?

¹ Ну! Однако! (англ.)

Грантхи, казалось, что-то припоминал. Он поерзал на месте, потом растерянно произнес:

— Шесть пайс я вынул из кармана, это я точно помню... может быть, две другие упали в ступку... а может быть, на землю... да, да... на землю!

— Очевидно, это и есть те самые две пайсы, которые были найдены при обыске? Да и откуда им еще было взяться? — строгим тоном закончил адвокат.

Колени грантхи глухо стукнулись друг о друга. Взгляд его забегал по сторонам. Увидев, что грантхи струсил, адвокат Бачана нахмурил брови:

— Говорите правду, только это может вас спасти, иначе — пожизненное заключение. Будете потом локти кусать.

Вконец перепуганный грантхи решил сознаться. Умоляюще сложив руки, он забормотал:

— Господин мой! Я, право слово, все-все начистоту выложу! Эти деньги и в самом деле упали из кармана в ступку. Я только сейчас вспомнил!

Пала Сингх побледнел. Лодка его судьбы попала в руки неопытного гребца и, того и гляди, пойдет ко дну.

Адвокат, улыбаясь, похлопал грантхи по плечу.

— Достаточно! Я вами доволен. Ведь ни сам гуру, ни его ученики-сикхи, ни грантхи никогда не лгут.

Грантхи тотчас же попался на эту приманку. Он откровенно во всем признался и добавил, что сын Джива Сингха в этом деле вообще не замешан.

После него допросили другого обвиняемого — Бачана Сингха.

— В тот день, — показал он, — в семь часов утра отец послал меня с поручением в налоговое управление. (Это было подтверждено начальником управления.) Вечером, часов в восемь, в начале девятого, я возвращался домой и решил заглянуть к грантхи, чтобы поговорить с ним о школе для деревенских детей. Поднялся я наверх, вижу, грантхи там нет. На кровати его спит садху (которого, кстати, с тех пор я не видел), а Пратап Сингх валяется на полу. Стал их будить, а они не просыпаются. Тут я увидел пест и каменную ступку для бханга — и все понял. Пратап был в таком состоянии, что я решил отнести его домой. Ввалил на плечи и дотащил до дома его тестя.

Поутру я отправился на поле — приглядеть за работой. Кто-то сказал мне, что видел на берегу реки бесчувственное тело. Действительно, там лежал человек, это был не кто иной, как наш грантхи. Я его поднял и притащил в храм. Привести его в чувство оказалось нелегко. Когда наконец он опамятовался, то сказал: «Спяну я не помню, как свалился с кровати. Вечером понадобилось мне выйти по нужде. Я зачем-то побрел к манговой роще и заблудился. Как я попал на реку — и сказать не могу: память отшибло начисто».

После этого зачитали показания Пратапа, который все еще был в больнице и не мог присутствовать на суде. Как ни пытался Пратап скрыть правду, как ни вилял, адвокат Бачана разоблачил его.

Одним словом, дело повернулось совсем не так, как хотелось того Пала Сингху и его друзьям. И сам Пала Сингх, и грантхи, и еще пятеро были арестованы.

Вскоре огласили приговор.

Бачан Сингх за отсутствием состава преступления был оправдан.

Грантхи Дасонда Сингха за действия, представляющие опасность для жизни пострадавшего Пратапа Сингха, приговорили к году тюремного заключения.

Пала Сингха за ложный донос, по статье 177, к двум годам.

Остальные пятеро за ложные свидетельские показания по статье 193 были лишены свободы сроком на шесть месяцев.

14

Приговор суда не утихомирил оставшихся на воле приятелей Пала Сингха; напротив, они пришли в еще большую ярость; некоторые из них не могли дождаться того дня, когда он выйдет на свободу и сполна рассчитается с Бачаном. Они-то и распространяли по деревне слухи, что это Бачан подбросил монеты в бханг, а вину свалил на Пала Сингха, и что Бачан сбил с толку суд, переиначив в свою пользу все показания грантхи Дасонда Сингха.

Самого же Бачана тревожило совсем другое; ему не давала покоя мысль о страданиях, которые прихо-

дилось переносить его соотечественникам. Корень всех бед он видел в невежестве. «Индийцы, — размышлял он, — пьянствуют, курят опиум даже в храмах; своей распущенностью они губят не только себя, но и свое потомство». Бачан Сингх стал строить планы, как помочь своим соотечественникам.

Перед тем как возвратиться из Амритсара в родные края, он заручился согласием Дидара Сингха приехать к ним в деревню. Теперь он послал гьяни приглашение, и Дидар Сингх незамедлительно прибыл в Диванпур.

Дидар Сингх жил в городе Сиалкоте, — там работали двое его сыновей. Последнее время старик все чаще подумывал о том, чтобы посвятить остаток своих дней служению народу. Поэтому он сразу же откликнулся на приглашение Бачана. Сыновья обещали посылать гьяни ежемесячно десять рупий, а кроме того, у Дидара Сингха были и свои небольшие сбережения.

Бачан был необычайно рад встрече с гьяни. Он до слез растрогал старика рассказом о бедственном положении их деревни и всех окрестных деревень. Когда же Дидар Сингх узнал подробности недавнего судебного процесса, то и совсем разволновался, это заставило его еще раз убедиться в том, какого честного и смелого человека встретил он в лице Бачана Сингха и какая огромная перемена произошла за это время в характере юноши. Запустение, в котором находился храм, окончательно убедило гьяни остаться на некоторое время в Диванпуре. Дидар Сингх решил занять место грантхи и попытаться как-то помочь крестьянам.

Гьяни-джи был человеком очень кроткого нрава. Он превосходно знал сикхское вероучение. Речь его была мудра и спокойна. Вставал он на рассвете и, совершив омовение, начинал службу.

Поначалу крестьяне не видели в этом для себя ничего, кроме пользы.

Скрип колодезного ворота, раздававшийся в четыре часа утра, будил их, они запрягали волов и отправлялись в поле. Женщины, которые шли полоть или несли мужьям обед в поле, заглядывали по дороге в храм и, низко поклонившись, оставляли гьяни в знак уважения то кукурузный початок, то пригоршню зерна.

Прошло немного времени, и крестьяне привыкли

ежедневно заходить в храмовый дворик и слушать молитвы.

По просьбе Бачана гьяни-джи стал учить деревенских детишек грамоте. Он купил тетрадки, заказал местному столяру пятнадцать деревянных досок для письма, сам нарезал камыша — для перьев, добыл у гончара несколько глиняных светильников и мелкого песка, по которому ученики могли выводить буквы.

Потом он собрал ребят и роздал им доски, тетради, камышовые перья и песок. Сидеть целый день, поджав ноги, и учиться — дело нелегкое для привыкших к вольной жизни деревенских ребят, но ласковое обращение и доброта старика заставили их переносить непривычные для них тяготы.

Наконец-то гьяни нашел себе занятие по сердцу. Все свободное время он посвящал своей маленькой школе. Ребята не давали ему ни минуты покоя, со всех сторон только и слышалось: «Гьяни-джи, а Мангу разорвал мою тетрадку!», «Гьяни-джи, а Банта меня дразнит!» Стоило старику отвернуться, как сидящие на мешковине девчонки принимались дергать друг дружку за косы, и гьяни приходилось их разнимать. Мальчишки давились со смеха, глядя на его белую бороду, а девчонки, заметив, что гьяни отвернулся, стаскивали с голов накидки и, скатав их в клубок, подбрасывали, как мячик, на своих досках, а то, связавшись косами, пускались в пляс. Но гьяни оставался невозмутимым, уверенный, что рано или поздно добьется своего. И действительно, терпение его принесло свои плоды: уже спустя два месяца эта пестрая, шумная, непоседливая ребячья толпа научилась вести себя спокойно и смирно.

Однажды гьяни и Бачан Сингх сидели в храмовом дворике и, глядя на детей, склонившихся над книжками, рассуждали о том, что следует понимать под словом «служение».

— Не так-то просто понять, что такое служение, — говорил гьяни, — люди часто ошибаются, принимая за него то, что не имеет с ним ничего общего.

Каждое слово, произнесенное Дидаром Сингхом, находило глубокий отклик в сердце Бачана. Молодой человек собирался задать какой-то вопрос, как вдруг увидел девочку-подростка лет четырнадцати — пятнадцати. Девочка подошла к воротам храмового дворика, сняла

с усталых плеч корзинку с мусором и потянулась. Даже жалкие отрепья не могли скрыть ее красивое, словно молодая луна, личико.

При виде мусорщицы сидевшие с другой стороны от ворот девочки начали подталкивать друг дружку локтями и хихикать. Одна даже бросила в нее огрызком сахарного тростника, другая — бумажным шариком, а третья поднялась с места и, приблизившись к воротам, плюнула в ее сторону.

Но девочка как будто ничего не замечала. Она долго рассматривала ученические доски и то, что на них было написано. Когда наконец девочка подняла корзину на голову, подушечка, которую она подкладывала под свою ногу, выскользнула и упала. Девчонки прыснули. Гьяни бросил на них строгий взгляд. После того как мусорщица скрылась за воротами, Дидар Сингх пристыдил учениц, и те уткнулись в свои тетрадки. Бачан рассказал гьяни, как эти маленькие злючки глумились над несчастной мусорщицей.

— Постыдились бы, негодницы! — воскликнул гьяни. — Смотрите, если это еще раз повторится, худо будет!.. Вот горе! — продолжал он, обращаясь к Бачану. — Стараешься, стараешься, — и никакого толку! Правду говорят: «У девушки ум короткий, что у козы, а у короткого ума — длинный язык!» Надо бы их...

— Послушайте, почтенный гьяни, — прервал его Бачан, — если вам удастся вбить им в головы хотя бы начатки грамоты, и то будет великое дело. Ведь ум их совсем не развит! К тому же они упрямы, как ослицы!

Потолковав еще некоторое время с Дидаром Сингхом, Бачан Сингх в задумчивости отправился домой.

15

Был вечер, и старый Роду вместе со своей верной спутницей-обезьянкой возвращался к себе в хижину. Он устал и шел медленно, вспоминая о том, что повидал за этот день. И вдруг спохватился, что уже давно не приносил гостинцев своей Сундари. Порывшись в складках тюрбана, старик нашел несколько медных монеток. Он уселся на землю, вытащил из мешка маленький узелок, развязал его — там оказалось еще пять медяков.

Всего набралось что-то около трех ана. Долго раздумывал старик, что лучше купить на эти деньги. «А ведь Сундари просила меня купить дудочку!» — неожиданно вспомнил он и тотчас же направился в лавку, где торговали стеклянными украшениями, а заодно и игрушками. За два с половиной ана он купил дудочку, на оставшуюся мелочь — мороженого и сладостей, и поспешил домой.

Оставив обезьянку у порога, Роду вошел в хижину и окликнул Сундари. Но что это? Сундари не выбежала, как обычно, ему навстречу. Хижина была пуста.

Роду бросился во двор, огляделся по сторонам, позвал девочку несколько раз — она не откликнулась. Старик был не на шутку раздосадован.

Наконец Роду догадался заглянуть за хижину. Там, прислонившись спиной к старой кровати, сидела Сундари и чертила на земле пальцем какие-то узоры.

Роду облегченно вздохнул. Заметив старика, девочка вскочила, стремительно кинулась ему навстречу и, ласково улыбаясь, потянула за собой.

— Идем, идем, папа! — твердила она. — Посмотри, что я тебе покажу!

Она усадила Роду на землю, погладила его по щекам, еще раз сказала: «Посмотри!» — и запрыгала вокруг выведенных ею на земле узоров с такой радостью, словно получила дорогой подарок.

Роду залюбовался ее оживленным личиком. Притянув к себе девочку и поцеловав ее в голову, он спросил:

— Что это за каракули, дочка?

Сундари вырвалась из его рук.

— Какие же это каракули! Вот буква «у», а это — «с», а это... забыла, как она называется... Да! «па»!

Для старика все это было в диковинку.

— Ах ты моя умница! — засмеялся он. — Скажи-ка, доченька, где ты научилась писать все эти буквы?

— Они их пишут...

— Кто они?

— Девочки, кто же еще?

— Какие девочки?

— Да те, что учатся в школе.

— И как же ты запомнила эти буквы?

— Я каждый день хожу смотреть, как эти девочки учатся. Вот и сегодня: несла мусор и остановилась поглядеть.

— Учатся они, ну и пусть их... А тебе-то зачем эти премудрости?

Губы у Сундари дрогнули.

— Я тоже буду учиться! — упрямо воскликнула она.

Роду было и смешно и грустно.

— Послушай-ка, моя разумница, — взяв Сундари за подбородок, сказал он, — читать да писать — это не про нас.

Сердце Сундари болезненно сжалось. Она вопросительно поглядела на Роду.

— А про кого же?

— Доченька, учиться могут только дети богатых людей, а мы с тобой нищие. Какой нам прок от учения?

«Значит, нищим нельзя учиться, — подумала Сундари, и лицо ее сделалось еще печальнее. — Напрасно я взялась за это дело».

Но детское упрямство не позволяло ей сразу же согласиться со словами старика.

— Ну, объясни, папа, почему нам нельзя учиться?

— Так уж повелось, доченька, не нами это установлено, не нам это отменять. Еще в древние времена говорили: «Если низшие касты начнут учиться, кто же будет работать?»

Но девочку эти слова нисколько не убедили, — она продолжала стоять на своем.

— Нет, папа! Я обязательно выучусь писать. Сяду тихонько в уголке и буду учиться. Никто и не заметит. Днем, когда понесу мусор, буду смотреть, что девочки пишут, а вечером...

— Брось ты эти глупости! — прервал Роду. — Будет тебе! — И он протянул Сундари дудочку и кулек со сладостями.

Роду думал, что она запрыгает от радости, но не тут-то было. Сундари равнодушно взяла подарки и, не сказав ни слова, ушла. Когда Роду вошел в хижину, то увидел, что оба свертка, нетронутые, лежат в уголке.

Бачан Сингх виделся с гьяни каждый день. Он приходил к старику, усаживался рядом, и они вели бесконечные разговоры. Беседы эти доставляли Бачану Сингху большое наслаждение, — потому что, хотя он и был

весьма начитан, но жизнь знал мало. Дидар Сингх оказывал на него все возрастающее влияние.

Каждый раз, бывая у Дидара Сингха, Бачан наблюдал одну и ту же картину: у ворот храмового дворика останавливалась маленькая мусорщица и, держа в руках или на голове старую, дырявую тростниковую корзину, подолгу смотрела на школьников.

Однажды Бачан Сингх пришел в храмовый дворик в полдень. Дидар Сингх уже распустил детей по домам и собирался уходить.

— Вот хорошо, что вы зашли! — воскликнул он при виде юноши. — А я как раз вас дожидался, хочу пойти к колодцу, кое-что постирать. Буду рад, если составите мне компанию, вдвоем веселее.

Бачан охотно согласился, и они направились к воротам. И тут они снова увидели ту самую девочку. Прижавшись к стене лбом, она пальцем выводила на земле буквы, время от времени заглядывая в бумажку с изображением алфавита. Буквы получались очень красивые, крупные, ровные, как жемчужинки, словно напечатанные. Бачан и гьяни молча наблюдали за девочкой. При ближайшем рассмотрении бумажка оказалась страницей из школьного учебника. Края ее были сильно обтрепаны, но девочка, видно, подклеила их тестом и разгладила. Держала она эту бумажку так осторожно и бережно, словно в руках у нее был царский указ.

Когда девочка дошла до последнего ряда букв, она вдруг заметила, что на нее смотрят. В испуге, покраснев от стыда, она бросилась бежать, позабыв о своей корзине. Изумленный смысленностью маленькой мусорщицы, гьяни окликнул девочку. Она в нерешительности остановилась.

— Не бойся, — подбодрил ее гьяни, — я не причиню тебе зла. Подойди сюда, я тебе что-то скажу.

Наклонив голову, будто чувствуя за собой какую-то вину, девочка стала приближаться медленными шагами.

— Дитя мое! — сказал гьяни, когда она подошла совсем близко. — Где ты научилась так красиво писать?

Девочка вздрогнула. Она решила, что старик хочет ее наказать, и ничего не ответила.

Но тот погладил ее по голове и притянул к себе.

— Да не бойся же! Говори. Я тебе ничего дурного

не сделаю. Мне очень нравится, как ты пишешь. Кто тебя выучил?

— Никто, я сама выучилась, — тихо ответила девочка.

— Сама? И никто тебе не помогал? — удивленно воскликнул Бачан.

Услышав в ответ «нет», гьяни спросил:

— А ты и названия букв знаешь?

— Да.

— Ну-ка скажи.

Девочка без запинки прочла названия букв и добавила, что знает, как они читаются.

Гьяни посмотрел на Бачана.

— Удивительно, не правда ли? Выучить буквы по бумажке, — это я еще понимаю, но читать...

— Ваши ученики каждый день повторяют азбуку, — сказала девочка, — а я слушаю.

— Прекрасно, дитя мое, — похвалил ее гьяни, — я вижу, ты очень умная девочка. Хочешь, я дам тебе букварь и тетрадку? Будешь учиться? Как тебя зовут?

— Сундари, господин учитель.

— Дорогой гьяни, — вмешался Бачан, — кажется, эта девочка из касты ачхутов¹, а вы к ней прикасаетесь. самого меня это не смущает. Но вот местным жителям может не понравиться. Люди они с предрассудками.

— Какая это несправедливость — запрещать учить грамоте низкорожденных, в особенности, когда те сами стремятся к знаниям! — воскликнул гьяни. — Стану я обращать внимание на пустую болтовню!

Бачан не посмел ничего возразить, а гьяни принес букварь, тетрадку, калам и чернила и, отдав все это девочке, сказал:

— Бери, дитя мое! Старайся учиться каждый день, пиши, читай. Если хочешь, заходи ко мне, занимайся здесь.

Сундари взяла все, что подарил ей гьяни, и взглянула на него сияющим благодарностью взглядом: учитель дал ей не просто тетрадки, он даровал ей счастье, даровал жизнь — такое чувство, должно быть, испытывает прозревший слепой. Домой она возвращалась, не чуя под собой ног.

¹ Ачхуты — одна из низших индийских каст.

С криком: «Папа, папа, гляди, что я принесла!» — Сундари подбежала к старому Роду и стала показывать ему подарки гьяни.

— А ты еще говорил, что учитель побьет меня за то, что я подслушивала, как читают другие дети! Знаешь, что он сказал? «Занимайся здесь, в школе! Я сам тебя буду учить». Посмотри, какой красивый букварь. А вот тетрадка и два калама. Сейчас я положу букварь сюда, обмакну в чернила калам и начну писать в тетрадке.

«Откуда она взяла все эти вещи? — забеспокоился Роду. — Уж не украла ли?»

— Чье это? — спросил он. — Отнеси все туда, откуда взяла. А не то достанется бедной моей голове!

— Ну что ты, папа! Клянусь богиней Дургой¹, учитель сам мне все это дал, можешь у него спросить! — И Сундари потянула Роду за руку. Вглядевшись в ее лицо, Роду наконец поверил дочери. А когда она подробно рассказала, как было дело, все его опасения рассеялись.

С этого дня Сундари, как только у нее выдавалась свободная минутка, принималась за учение. Даже во сне повторяла буквы и прочитанные днем слова. Каждый день она ходила к гьяни, и тот объяснял ей все, что она не смогла понять. Всей душой желая помочь Сундари, гьяни был бы рад усадить ее рядом с другими детьми, но не без основания боялся протеста со стороны родителей; поэтому он ограничился тем, что постелил в сторонке кусок мешковины для Сундари, чтобы она могла сидеть там и слушать, что говорит учитель.

Бедняжка и этому была бесконечно рада, тем более что, сиди она со всеми вместе, девочки все равно не дали бы ей заниматься: даже сейчас, проходя мимо, они толкали ее, щипали, дразнили. Один мальчишка потихоньку опрокинул ее чернильницу, другой согнул ее калам на манер лука и швырнул ей в лицо. Приставаниям этим не было видно конца, потому что Сундари никогда никому не жаловалась. Она сидела, стараясь по возможности не отвлекаться. Но прошло немного времени, и начались неприятности: против Сундари опол-

¹ Дурга — супруга бога Шивы.

чилились все влиятельные в деревне люди, за спинами которых стоял, конечно, Пала Сингх со своими приспешниками. Всеми силами старались они запугать Дидара Сингха, но он не поддавался и продолжал учить Сундари. Однако тучи над его головой постепенно сгущались.

У Чанда Сингха умерла мать, и когда, после похорон, во дворе у него собрались все односельчане, между ними завязался оживленный разговор.

Джуала Сингх сказал, что доктор бросил в деревенский колодец какое-то снадобье, а Сундар Сингх заметил:

— Это для нашей пользы. Сын Джива Сингха — Бачан — говорит, что такие снадобья убивают маленьких букашек, которые живут в воде и разносят заразу!

— А ты и поверил, — уронил Натха Сингх, сдвинув тюрбан на затылок. — От этих самых лекарств все болезни и бывают. Вот, к примеру, тиф. Откуда он берется? Англичане разбрасывают шарики. Стоит крысе съесть такой шарик, она сразу подыхает. Тогда от дурного запаха и начинается тиф. Сколько людей гибнет от этой болезни! Не перечесать!

— Да разве мы, люди темные, что-нибудь в этом смыслим? — вздохнул Сундар Сингх. — Кто что ни скажет — всему верим. Вот были бы грамотные — тогда дело другое!

Тут заговорил старый Бхан Сингх:

— Видали мы этих грамотеев! Хотите соглашайтесь, хотите нет, но я считаю, что Джива Сингх выучил своего сына не к добру: только загубил парня. Разве эти англичане чему-нибудь путному научат? Все касты перемешали! Слыханное ли дело, чтобы гьяни учил нищенку, дочку неприкасаемого! Это его Бачан подговорил.

— Истинную правду сказал дядюшка Бхан, — поддержал старика кто-то из присутствующих. — Золотые слова! Я своими глазами видел, как девчонка сидела около ворот храма. Хотелось мне пойти к Джива Сингху, рассказать ему о том, что вытворяет его сынок, да и с гьяни потолковать начистоту. Но потом решил: зачем затевать свару? Бедняга Джива Сингх болен, скажешь ему что-нибудь не так, а он еще богу душу отдаст. Но дольше это продолжаться не может. Сегодня девочка сидит у храма, а завтра, не ровен час, из нашего колодца воду пить начнет!

— Ох-хо-хо! — вздохнул другой. — Эти неприкасаемые — люди подлые, подлеи не сыщешь. Слыхали, какой скандал они подняли по соседству с нами, в Равани? Нашей общине придется совершать обряд очищения!

— Больше терпеть невозможно, братья! — поддержал их третий. — Коли не запретим гьяни учить девчонку, то как бы не случилось у нас того же, что в Равани. Один ум — пол-ума, два ума — целый ум! Гьяни стакнулся с Бачаном — один мигает, а другой смекает! Как тут не вспомнить добром нашего грантхи — золото, а не человек: тихий, спокойный, никогда никому не перечил, и такой услужливый!

— Вот, вот, — вскричал второй, — а как приехал сюда этот смутьян Бачан, прямо-таки извел беднягу, велел ему и ребят учить, и «Адигрантх» читать: делай то, делай это... Замучил совсем. А тот...

— Твоя правда, — сказал третий, — а уж что было потом — всем известно: Бачан со злости засадил нашего доброго грантхи за решетку. А нам... Что нам оставалось делать, если Бачан каждый божий день приходил и уговаривал отдать детей в школу?

— То ли дело было раньше, — сказал четвертый, — детишки помогают по хозяйству — то одно, глядишь, сделают, то другое. А теперь с утра бегут учиться. Правда, дочку я не пускаю. Боюсь, выучится на свою же голову. Кому нужна грамотная жена? Кто станет носить золотые серьги, если они уши оттягивают?..

— Ты вот не послал свою дочь, а мне пришлось! Так бы и швырнул в колодец все эти книги да тетрадки... Сам досуди: дочка была у меня работающая, всю работу по дому исполняла. А как пошла в школу, будио ее подменили! Схватит книжку, словно это просяная лепешка, да и сидит в углу целый день.

— Был бы здесь Пала Сингх, разве дошло бы до этого?

— Верно, братья! Хоть мы и помалкиваем, да разве от людей что-нибудь скроешь?

— Погоди! Скоро Пала Сингх выйдет из тюрьмы, уж он нас выручит. На него одного надежда.

На этом разговор окончился. Никто не мог придумать ничего дельного. Только и оставалось ждать освобождения Пала Сингха.

Проболев почти полтора года, Джива Сингх распростился с этим миром. Бремя домашних забот легло на плечи Бачана. Он стал единственной опорой для матери, которая теперь им одним и жила (других детей у нее не было).

Как раз к этому времени, отбыв срок заключения, возвратились в деревню Пала Сингх и его приятели. Освобожден был и бывший грантхи Дасонда Сингх. Еще находясь в тюрьме, вся эта компания узнала, что место Дасонда Сингха занял другой грантхи. Едва возвратившись, Пала Сингх почел для себя делом чести заставить нового грантхи убраться восвояси. И это несмотря на то, что и его самого, и его дружков упекли в тюрьму благодаря показаниям Дасонда Сингха. Все они прекрасно понимали, что грантхи сделал это по глупости, а не по злему умыслу, и потому простили его, к тому же он мог им еще пригодиться.

Почти вся деревня встретила освобожденных узников с большой радостью. Особенное уважение вызывал у всех Дасонда Сингх. Все только и говорили о том, что он пострадал безвинно: «Упрятали нашего дорогого грантхи в тюрьму! И чего же они добились? У Бачана отец умер. Бог правду видит».

О гьяни Дидаре Сингхе словно позабыли; от него отошли даже те, кто держал его сторону. Многие забрали из школы своих детей. Гьяни был очень огорчен и решил покинуть деревню. Не помогли и уговоры Бачана. Старик был уверен, что, если он останется в деревне, дело кончится плохо.

Так что вопреки ожиданиям Пала Сингха, Дидар Сингх уехал сам. В храме сразу же водворился прежний грантхи. Он горел желанием стереть даже самую память о гьяни, а все то, что тот сделал хорошего, поставить себе в заслугу. Скоро должны были праздновать день рождения гуру Нанак¹, и грантхи решил устроить по этому поводу пышное торжество; даже певцов пригласил, чтобы привлечь общественное мнение на свою сторону. Он повсюду распускал слух о том, что Бачан

¹ Н а н а к (1469—1538) — первый гуру сикхов, основатель сикхской общины.

подкупил судей, которые засадили в тюрьму невиновных. Все это привело к тому, что односельчане прониклись к грантхи еще большим, чем прежде, уважением, а на Бачана стали посматривать с неприязнью. Поползли слухи, что Бачана скоро исключат из общины за то, что он якшается с дочкой нищего фокусника: каждый день ходит к старику Роду и сидит у него в хижине часами, якобы учит девочку. Задумано было отлучить его от общины в день праздника, когда в храме соберется вся деревня.

А Сундари? Теперь в ней ничто не напоминало прежнюю забитую нищенку. Она усердно училась, прекрасно усваивая все, что преподавали ей гьяни и Бачан: принципы сикхской веры, литературу, историю.

Мать Бачана была женщиной старинного образа мыслей, и, зная об этом, соседки наперебой рассказывали ей о неблагоприятном, по их убеждению, поведении ее сына, приправляя свои рассказы колкостями и насмешками. Они всячески старались восстановить ее против Бачана, но она, памятуя наставления гьяни, не обращала внимания на их наговоры, хотя сердце у нее порой и щемило.

Приближался день рождения гуру Нанака, и в душе Сундари зрело решение непременно увидеть этот светлый праздник. Гьяни Дидар Сингх много рассказывал ей о жизни Нанака, о его славных деяниях, и девочка всей душой полюбила гуру. Мысль о том, что ей нельзя будет присутствовать на празднике, отдавалась в ее сердце острой болью. И несмотря на строгий запрет отца, она все-таки решила во что бы то ни стало помолиться в этот день в храме, хотя бы тайком.

Настал канун праздника. В храме шли последние приготовления. Сундари знала, что завтра, на рассвете, зазвучит торжественная музыка, и всю ночь не сомкнула глаз. «Побегу-ка я к храму еще до рассвета, незаметно проберусь во двор, влезу на дерево и спрячусь в его ветвях», — думала Сундари. С этими мыслями она незаметно уснула.

Когда она открыла глаза, на улице уже брезжил свет. «Какая же я соня, проспала праздник!» — рассердилась на себя Сундари и огляделась вокруг: возле нее лежал Роду, громко храпевший, и Лачхо. Нет, она, Сундари, не может оставаться дома в этот торжественный день. Девочка на цыпочках вышла во двор и пустилась пря-

миком к храму. Она ожидала, что вот-вот загремит музыка, но вокруг стояла тишина. Храм был еще закрыт. «Да ведь это луна так ярко светит, — сообразила наконец Сундари и обрадовалась, — утро-то еще не настало!» Но как попасть внутрь! Сундари вспомнила, что к главному помещению храма примыкает маленькая каморка, где хранится мякина; дверь в нее часто бывала открыта. Итак, решено: она залезет в каморку. Теперь Сундари оставалось только проникнуть во двор храма, но ее пугал яркий лунный свет. Она подошла к храму сзади, и там, высоко на стене, увидела блюдо в виде кормушки, которое обычно ставят для гостей¹. Сундари забралась на него, затем занесла ногу и очутилась на крыше, благо крыша была невысокая, а девочка ловкая, как ее подружка-обезьянка. Она пробежала по крыше, ухватилась за ветку дерева, повисла на ней и спрыгнула вниз, в храмовый двор. Подкравшись к храму, она юркнула в каморку и забилась в угол. Любопытство, однако, оказалось сильнее осторожности, и вскоре Сундари слегка толкнула дверь, ведущую в главный зал храма. Дверь растворилась. Девочка, не утерпев, вошла в зал. Там было темно и тихо. На коврике спали несколько человек. Из узкого окошка падал на пол свет луны. Сундари снова вышла во двор и, подобрав кусок мешковины, который валялся на земле, вернулась в каморку.

Постелив поверх мякины дерюгу, она улеглась и погрузилась в сон.

Ей снилось, что ее окружают ученики гуру Нанака, о которых ей рассказывал Бачан Сингх; она даже ясно видела их лица. Ей снилось, что она в деревне Талванди, где родился святой гуру: там царит оживление, дом старосты Калу² сияет тысячью огней, а запах такой прекрасный, будто цветут все деревья, какие только есть на свете; на коленях Трипты³ сидит луноликий младенец, которому суждено осветить темные души грешников живительными лучами своего учения. В душе у каждого, кто смотрит на него, вспыхивает яркий свет. Вот младенец играет со своими сверстниками в прятки, вот он спит в прохладной лесной тени, а вот кобра

¹ Один из индийских обычаев: в торжественных случаях гостей угощают сладостями, положенными на блюдо в виде кормушки.

² К а л у — имя отца Нанака.

³ Т р и п т а — имя матери Нанака.

раскрывает над ним свой капюшон¹. Сундари падает перед ним на колени.

— О прекрасное дитя! — восклицает она. — Обрати на меня милостивый свой взор! Скажи, какую провинность совершила я, несчастная, что нет у меня права прижаться головой к твоим ногам. Сколько терний на моем пути к тебе! О повелитель души моей! Ты играешь со своими товарищами в прятки, и мне, нищей и простой девушке, не найти тебя. Не прячься от меня, дозвожь тебя узреть!

Потом с неба обрушился шум, будто били в большой барабан. Шум сменился сладкой нежной мелодией саза, и эти звуки словно источали благоухание. Сундари увидела, что к ней спускается сам гуру в сопровождении двоих спутников. Вот он уселся на холме, усыпанном лесными цветами, которые тихо покачивали головками. По обеим сторонам сели его спутники.

— О властитель моей души! — вскричала Сундари, припав к его ногам. — Не останавливай меня, не гони! Не разбивай моего сердца!

И ей показалось, что гуру гладит ее по голове и говорит:

— Сундари, никто не сможет тебя прогнать! Встань и выслушай меня!

Сундари подняла голову. Она чувствовала необыкновенную радость. В ушах ее звучала прекрасная мелодия, которую пел спутник гуру, сидящий справа, и под его пальцами, со струн рабаба², струилась трогательная мелодия.

Внезапно Сундари очнулась и вспомнила, что лежит в камерке внутри храма. За дверями она увидела группу певцов, которые пели «Аса ди вар»;³ первую часть они уже кончили и перешли ко второй.

Девочка лежала неподвижно и как зачарованная слушала прекрасную мелодию. Сегодня она впервые в жизни увидела «Адигрантх», и ей захотелось подойти и преклонить колени перед священной книгой. Это жела-

¹ Согласно преданию, спавшего на солнцепеке Нака укрыла своим капюшоном кобра.

² Рабаб — трехструнный музыкальный инструмент.

³ Гимн надежде («Аса ди вар») — сочинение гуру Нака.

ние было так сильно, что Сундари не могла сдержаться себя.

А музыка звучала все громче, отдаваясь под сводами храма.

* * *

Наступило утро. Певцы пели последние слова «Гимна надежде», а народу в храме было по-прежнему очень мало.

Певцы были не на шутку огорчены. «Как бы нам не пришлось уйти с пустыми руками», — думали они. Один из них поднялся со своего места и, подойдя к грантхи, сказал:

— В чем дело, почтеннейший? Мы уже кончаем, а верующие до сих пор не собрались.

Все время, пока исполнялся гимн, грантхи Дасонда Сингх сидел, позевывая. Тут он встрепенулся и, протирая глаза, переспросил:

— Я не расслышал, что вы сказали.

Певец повторил.

— Разве вы не знаете наших сельчан? — сказал грантхи. — Пойду их позову.

Кряхтя и вздыхая, он поплелся к воротам.

Только к полудню, когда запах сладкого печенья¹ стал разноситься по всей деревне, храм наполнился молящимися.

Музыканты ускорили темп, так как в храме уже раздавались выкрики: «Кончайте скорей, нам пора в поле». Затем важно выступил вперед грантхи и стал читать заключительную молитву. Теперь прихожанам оставалось только отведать угощения (к слову сказать, Пала Сингх дал грантхи одиннадцать рупий на это благое дело; кое-что было получено и от панчаята).

Слову святому с надеждой глубокою сикхи внимают,

Вера, что счастья лучи всех пришедших во храм озаряют, —

В день благодатный рождения гуру, что был страстотерпцем.

Нанак — он благо для всех, кто к нему обращается сердцем.

После этих заключительных слов молитвы присутствующие в молчании склонили головы.

И тут неожиданно со скрипом отворилась дверь, ве-

¹ В сикхских храмах молящимся раздают угощение.

душая в каморку; в зал высыпался ворох соломы, а на солому упала девочка. Голова ее прилась как раз на то место, где лежала священная книга и где молящиеся обычно клали поклоны. Верующие, пораженные только что случившимся, молча взирали на эту картину. Но когда они узнали в девочке дочь неприкасаемого, их сердца охватила слепая ярость. Они набросились на Сундари и стали избивать ее руками и ногами. Сласти, приготовленные для торжественного дня, решено было выбросить: пусть они достанутся собакам! Истязатели вошли в такой раж, что некоторые даже испугались, как бы Сундари не забили до смерти: «Кое-как разделались с одной неприятностью, и вот нá тебе — новая!»

Сундари выволокли во двор, осыпая ругательствами. Она лежала без сознания, вся в крови. Собравшиеся стали вполголоса обсуждать происшедшее, и как раз в эту минуту во двор вошел Бачан Сингх: Его появление вызвало у присутствующих новый взрыв негодования. Они уже давно искали случая ему отомстить. И вот этот случай представился. К тому же многие считали, что это по его наущению Сундари забралась в храм.

При виде Сундари, окровавленной, в разодранной одежде, лежавшей без сознания во дворе храма, Бачан побагровел от гнева.

— За что вы ее избили? — закричал он, сдвинув брови. — Что она сделала?

В ответ послышалось:

— А что ей тут надо? Кто ее сюда привел? Мы всё понимаем! Не дураки! Она осквернила храм! Вот он, железный век!¹ Нет больше веры!.. А что теперь делать с угощением?

Толпа отхлынула от Сундари и плотной стеной окружила Бачана Сингха. Он слышал прерывистое, тяжелое дыхание, видел широко раскрытые рты и горящие ненавистью глаза.

Бачан молчал, но затем гнев его прорвался.

— Звери вы, а не люди! — закричал он. — Чуть не убили девочку. А ведь она только хотела поглядеть на праздник — вот и вся ее провинность.

¹ Железный век (калиюга) — согласно индийской мифологии, железный век, нынешний век, — век зла, в конце которого должна произойти гибель мира.

Слова его подействовали на толпу не больше, чем священные гимны на пьяницу, сидящего в винной лавке. В ответ он услышал лишь грубый смех. Из толпы выступил какой-то человек:

— Ах вот как! Ей, видите ли, захотелось посмотреть на наш праздник? Она же неприкасаемая, пусть знает свое место.

— Рука руку моет, плут плута кроет, — сказал другой.

— Видали мы таких — сто дней вороват, один день свят! Разве грех спрячешь? — заявил третий.

— Ты, Бачан, привез сюда гьяни, который плясал под твою дудку, но наш грантхи — не твоему чета; он не допустит в храм святотатства.

Бачан ничего не слышал. Надо было спасать Сундари, и без промедления! Нагнувшись, он подхватил девочку на руки.

— Эй вы, смотрите! — крикнул он, обращаясь к толпе. — Я несу ее к себе домой, и я плюю на вас, жестокие звери; можете выгнать меня из общины!

Толпа заулюлюкала, вслед Бачану полетели брань и насмешливые замечания. Однако ярость собравшихся несколько поутихла — враг повержен, стало быть, они добились желаемого, и притом без всяких усилий со своей стороны. И все снова повалили внутрь храма, где было приготовлено новое угощение. Куда девалось старое — один бог знает! Все ждали, что будет объявлено об изгнании Бачана из общины.

В это время в храм вошел младший сын старосты Натха Сингха, а за ним, виляя хвостом, вбежал щенок-бульдог. Узнав старосту, щенок бросился к нему и прыгнул на колени, стараясь лизнуть хозяина в нос. Вероятно, учуял запах печени. Староста потрепал собаку по спине.

Сидевший подле него Джуала Сингх тоже похлопал щенка по спине.

— Откуда вы его взяли? — поинтересовался он. — Пес-то, видать, породистый.

Польщенный староста охотно принялся рассказывать:

— Достать этого щенка было нелегко! Ты знаешь налогового чиновника Тек Чанда? Так вот, он старый друг моего отца. Когда прежний управляющий налогом-

вым отделом отправился за границу, он подарил Тек Чанду породистую суку. Та еще не ощенилась, а уж отец мой принес задаток. Долго Тек Чанд тянул, все мялся да отнекивался. И мне раз пять пришлось ходить к нему и уламывать. Уж больно хороша была собака! Говорят, однажды она нашла воров, укравших буйволиц у самого управляющего.

— Здоров пес! — сказал Диал Сингх. — Дай срок, он и с тигром справится!

— Еще бы! Молока пьет вволю, каждый день получает огромный кусок мяса. Гляди, какие клыки. Когда в дом входит чужой, так и рвет цепь и лает, будто вот-вот перегрызет горло!

Начали раздавать угощение. Староста бросил сласти собаке и, увидев, что она быстро их съела, отдал ей почти всю свою порцию.

Тут поднялся грантхи.

— Уважаемая община! — сказал он. — Музыканты, право слово, потрудились на совесть! Надо их отблагодарить! Да восславится имя гуру!

Прихожане медлили, искоса поглядывая друг на друга. «Сначала ты, потом я!» — слышались голоса. Наконец староста Натха Сингх вытащил из складок тюрбана монетку в восемь ана. Музыканты затаили дыхание. В эту минуту поднялся Дева Сингх, сидевший позади всех, и бросил рупию. Староста вздрогнул как ужаленный. «Этот плотник хочет показать, что он выше всех нас? Дать бы наглецу тумака!» — подумал староста, но решил отложить сведение счетов до другого случая.

Старый Карам Сингх славился своей справедливостью.

— А ну-ка, староста, — обратился он к Натха Сингху, — не валяй дурака! Раскошеливайся! Не стыдно тебе — совать восемь ана? Ты что, не видишь, — бедняк Дева Сингх и тот не пожалел рупию!

— Сколько раз я тебе говорил, Карам Сингх, сначала подумай, потом говори, — взбесился староста. — Самому-то бог ума не дал, так прислушайся хоть к словам других! Ты меня знаешь, знаешь, что я никому спуска не даю. Забыл, видно, как валялся в ногах у моего отца, когда ростовщик Диала хотел отобрать у тебя теленка? Если б тогда отец не помог тебе, разорился бы ты в прах!

Среди собравшихся были двое сыновей Карама Сингха.

— Послушай, староста! — вмешался Бела Сингх, услышав, что отца оскорбляют. — Говори да не заговаривайся! Мой отец — это тебе не гончар Пхаджу, которого ваша семейка обобрала и упрятала в тюрьму. Предупреждаю, если еще раз затронешь отца, будешь иметь дело со мной! Нам дорога честь семьи, и мы сумеем ее защитить.

Староста не успел рта раскрыть, как на помощь поспешил его племянник Фоджа Сингх:

— Не забывайся! На кого ты замахиваешься? Заруби себе на носу: мы — люди самостоятельные, свое едим, по чужим дворам не побираемся!

— Видно, не нравится тебе разговор о деньгах! — сказал Кхива Сингх, младший сын Карама Сингха. — Это как в пословице: старый дед помирает с голоду, а внук нос задирает смолоду.

— Отчего бы нам и не гордиться? — заметил староста.

— В самом деле, отчего бы и нет? — насмешливо заметил друг Карама Сингха. — Конечно, за невестками вы взяли порядочный куш. Но ты что — уже забыл то время, когда трое твоих сынков попались на грабеже, а ты ходил от двери к двери — все стонал да жаловался! И не приди мы тебе на помощь, все ваше добро, вплоть до тряпок твоей старухи, пошло бы с молотка. Этим-то вы и гордитесь!

— Замолчи, собака!

— Сам молчи, сын потаскухи!

— Хватай его, подлеца!

— Не родился еще тот, кто посмеет меня тронуть!

— Неужто!

— А ну, сунься!

— А что, думаешь, испугаюсь?

Завязалась потасовка. Поднялся гвалт, вопли. Хорошо еще, что дело было в храме и ни у кого не оказалось при себе ни ножа, ни дубинки. А не то пролилась бы кровь. Правда, можно было бы пустить в ход музыкальные инструменты, но музыканты, смекнув, какой оборот принимает дело, решили не мешкая убраться подобру-поздорову, и как были босые — кинулись на станцию, — только их и видели.

Почтенный грантхи в страхе забился под стол.

Уже смеркалось, когда явилась полиция. Всех забрали в участок.

Вы спросите, как окончилось дело? Да как обычно: постучалась богиня богатства Лакшми к адвокату, потом к судье, потом в полицию; никого не забыла — одарила всех.

19

Движимый чувством сострадания, Бачан Сингх поселил Сундари у себя в доме. Поступок этот имел далеко идущие и весьма неприятные последствия. Его мать Сада Каур и раньше огорчалась, видя привязанность сына к неприкасаемой, но теперь, когда Сундари поселилась под ее кровом, она пришла в полное отчаяние. Трудные настали для нее времена. Открыто упрекнуть сына она не решалась, но и спокойно смотреть на то, как живет в ее доме безродная нищенка, дочь бродячего фокусника, у нее тоже не было сил.

Сельчане только и толковали, что о неслыханном поступке Бачана. Вскоре все перестали даже здороваться с ним и его матерью. Бачан, конечно, видел, как тяжело приходится Сада Каур, но не говорил ни слова.

Цирюльник¹, приглашенный Бачаном, сделал Сундари перевязку, немного погодя пришел старый Роду, которому юноша рассказал обо всем случившемся. При виде дочери с повязкой на голове Роду едва не лишился чувств. «Боже мой, сколько неприятностей принесли мы Бачану, — сокрушался он. — А что ждет его дальше? Ведь община никогда не простит ему его заступничества!»

Упав к ногам Бачана, Роду горячо поблагодарил его и просил отпустить Сундари домой. Старик понимал, что в его жалкой хижине невозможно обеспечить Сундари нужный уход, да и денег на лекарства у него не было, и все-таки он просил Бачана ее отпустить, не желая, чтобы юноша из-за них пострадал. Но Бачан был непреклонен в своем решении.

Несмотря на все настояния Роду, Сундари осталась

¹ Цирюльники в индийской деревне часто заменяют фельдшера.

в доме Бачана. Отец навестил ее еще два раза, а потом некоторое время не показывался. Старику приходилось выслушивать столько насмешек и оскорблений, что он чуть не плакал от обиды. Над Бачаном тоже смеялись, но он стойко переносил все издевательства, одержимый одной заботой — поскорее вылечить Сундари.

Почти два дня девочка была без сознания, только иногда приоткрывала глаза. На третий день, к вечеру, когда Роду, тайком пробравшийся в дом Бачана, сидел у изголовья больной, Сундари повернулась на бок. Веки ее затрепетали, она открыла глаза и огляделась.

— Сундари! — позвал Роду, глядя ее лоб.

— Это ты, папа? — глухим голосом спросила девочка.

— Да, да! Погляди на меня, доченька!

Сундари медленно повернула голову. Потом протянула к отцу руки, и Роду прижался к ним головой.

— Где я, папа? — тихо спросила Сундари.

— Ты дома.

— Нет, нет, это не наш дом! Ведь у нас нет кровати. — Она снова осмотрелась, потом вдруг заметила повязку на голове.

— Кто же меня сюда?.. — начала она, но не договорила. По-видимому, ответ пришел сам собой. Она вспомнила то, что случилось в храме.

— Я была без памяти, да, папа?

— Да, дочка!

— Пойдем скорее домой!

— Конечно, конечно, только ты сначала немного окрепни.

— Я уже совсем здорова.

Сундари медленно поднялась на кровати. Но было уже темно, и Роду сказал:

— Ложись-ка, доченька! Я заберу тебя утром.

Бачан сидел тут же, рядом.

— Благодетель вы наш, — обратился к нему Роду. — Сундари, благодарение богу, пришла в себя; теперь я, пожалуй, пойду, а утречком ее заберу.

— Ступай и ни о чем не беспокойся, — ответил Бачан.

Веки Сундари вновь сомкнулись; Роду бросил на нее тревожный взгляд и, схватив свою палку, вышел из дому.

Через полчаса Сундари снова шевельнулась и попросила попить. Бачан налил в стакан воды и напоил больную.

Сундари долго, не отрываясь, смотрела на юношу. Потом спросила:

— Это вы привели меня сюда?

Бачан кивнул и, поправляя постель, сказал:

— Не волнуйся, Сундари. Тебе стало лучше, но ты не должна много двигаться, да и разговаривать тебе вредно.

Но разве можно было заставить лежать неподвижно эту непоседу?

— Да я совершенно здорова, — заверила Сундари, вытянув свои бледно-желтые руки. — Так это благодаря вам я здесь?

— Да.

— Что же случилось со мной?

— Ты потеряла сознание, и я на руках принес тебя в наш дом.

— И вы ко мне прикасались?

— Ну и что тут такого?

— Да ведь мы же неприкасаемые!

— По-моему, ты достойна принадлежать к самой высокой касте, Сундари, я отнюдь не считаю тебя низко-рожденной.

— Неужто не считаете?

— Нет. Я считаю тебя равной себе... Ну ладно, хватит об этом. Лучше расскажи, как ты очутилась в храме.

Сундари больше всего на свете боялась этого вопроса. Она так раскаивалась, что пошла в тот день в храм, да еще тайком! Недаром гуру покарал ее за это!

— Не помню, — прошептала она, сгорая со стыда.

— Не помнишь? Ну нет, ты говоришь неправду, Сундари. Пойми, я вовсе не собираюсь тебя бранить за то, что ты пошла в храм, просто я хочу знать, как ты оказалась внутри.

Сундари собралась с духом и рассказала обо всем, что с ней произошло.

Смелость Сундари, ее преданность сикхской вере восхитили Бачана.

— Я поражен тобой, Сундари! — воскликнул он, касаясь ее руки. — Ты молодец!

До сих пор Сундари считала, что никто в мире ее не любит, кроме отца да обезьянки. «Неужели этот юноша, такой благородный, вправду гордится мной?» — замирая от счастья, подумала Сундари. В душе ее взметнулся вихрь какой-то необыкновенной радости. Эта пятнадцатилетняя девочка так мало видела в жизни добра!

Подвергаясь огромному риску, Бачан Сингх продолжал лечить Сундари, и раны ее стали быстро затягиваться. Лекарства ли помогли или же неустанные заботы юноши — неизвестно.

По мере выздоровления Сундари все больше привязывалась к своему спасителю. Со своей стороны и Бачан чувствовал все возрастающую симпатию к этой девочке-подростку.

Женское сердце! Бывает оно холодно и твердо, словно камень, но приходит время, и оно становится мягче воска.

В первые дни Сада Каур смотрела на дочь неприкасаемого брезгливо и неприязненно, но когда сын подробно рассказал ей обо всем, что случилось в храме, сердце ее дрогнуло от сострадания, и она прониклась к Сундари любовью, которой не могли остудить злобные и ненавидящие взгляды соседей.

Как было не полюбить эту такую милую, худенькую, стройную девушку с приветливым, почти всегда озаренным улыбкой лицом, смысленным взглядом быстрых глаз!

Минуло две недели. Сундари почти совсем поправилась, следы побоев зажили, только со лба все еще нельзя было снять повязку, и Бачан не на шутку боялся, что шрам обезобразит ее лицо. Но вот настал день, когда повязку сняли, и удивлению юноши не было границ: оказалось, что шрам не только не портит, а напротив, украшает Сундари.

* * *

Было около десяти часов вечера. Сундари лежала на постели во дворе, Сада Каур уже спала на задней веранде, где они с сыном теперь жили, а Бачана все еще не было дома.

Сундари лежала и думала о том, что завтра ей придется уйти в свою хижину. Ей страстно хотелось перед

уходом откровенно поговорить с Бачаном. О чем? — спросите вы. Она и сама не знала. Просто чувствовала, что разлука с Бачаном будет для нее так же мучительная, как расставание с самой жизнью. Отчего его нет до сих пор? Только бы с ним ничего не случилось! Сундари прислушивалась к каждому шороху и не спускала глаз с ворот. Сада Каур спала спокойным сном; она хорошо знала сына и не удивилась бы, если бы он явился домой за полночь.

Пробило одиннадцать, и Сундари не выдержала. Она поднялась с кровати и, шатаясь от слабости, подошла к воротам. Как раз в эту минуту раздался стук. Сундари повернула ключ, и во двор быстрыми шагами вошел Бачан Сингх. На лице Сундари вспыхнула радостная улыбка.

— Отчего вы сегодня так поздно? — спросила она.

Бачан ничего не ответил и сел на стул подле кровати.

Повеяло прохладой.

— Ты не простудишься? — Бачан взял Сундари за руку. Рука ее была холодна как лед.

— Зачем ты вставала? Хочешь опять заболеть?

Бачан повел Сундари в дом. Усадив ее и укутав одеялом, он сказал с напускной суровостью:

— Скорей согревайся! Тебе нельзя болеть!

Сундари молчала. Когда юноша спросил, как она себя чувствует, из глаз ее неожиданно хлынули слезы.

— Ты что — сердисься на меня? — спросил Бачан.

Что могла ответить бедная Сундари? Она чувствовала себя безмерно счастливой, словно перенеслась в какую-то неведомую, сказочную страну, в волшебное царство мечты! Как внимателен к ней Бачан! Его даже беспокоит, что у нее холодные руки! «Какая я счастливая! — думала Сундари и через мгновение: — Ах нет, нет, какая я несчастная!»

Бачан снова взял ее за руку.

— Сундари!.. — В том, что говорил он потом, он сам не отдавал себе отчета. Это был какой-то сладостный, неожиданный для него самого бред. Нежные слова потоком лились из его уст.

Сундари словно не видела юношу; ей казалось, что она уже одна в своей хижине, совсем одна, потому что

без Бачана мир для нее опустеет. Час разлуки все ближе: вот уже занимается рассвет, скоро за ней придет отец... Как слаба она, как ничтожна!.. Нет, она не может с ним расстаться, она не переживет этого!

Но как сказать об этом Бачану? Сундари молчала. И вдруг она почувствовала, что тепло его рук согрело не только ее руки, — горячая волна радости захлестнула все ее существо..

— Сундари, моя Сундари! — услышала она голос Бачана. — Я должен с тобой серьезно поговорить.

Она подняла голову и взглянула на юношу. Его глаза были задумчивы и даже строги. Она долго глядела в них, стараясь прочесть то, что таилось в их глубине, и то, что она прочитала, было «любовь». Постепенно она перестала понимать, чьи это глаза — его или ее собственные. Пробыло половину первого. И только тогда Бачан нарушил наконец молчание:

— Сундари! Мне нужно поговорить с тобой завтра.

— Завтра? А почему не сегодня? — улыбнулась Сундари.

— Уже поздно.

— И вы хотите спать...

— Нет. Но ты, верно, устала...

— Сегодня я уже не усну.

— Почему?

Сундари молчала.

— Завтра ты уйдешь?

Сундари ничего не ответила, только закусилась зубами палец.

— Но ты уйдешь не насовсем, ты еще вернешься?

Сундари тяжело вздохнула.

— Я так счастлив, что мы встретились с тобой.

Сундари продолжала хранить молчание. Но само это молчание уже было ответом на все, о чем спрашивал ее Бачан. Она и хотела бы ответить словами, да не могла — слишком силен был напор чувств, бушевавших в ее душе.

— Сундари! — снова заговорил Бачан. — Тебе нечего сказать? Ну что ж, всего хорошего...

Он поднялся, чтобы уйти, но Сундари схватила его за край рубашки и быстро проговорила:

— Подождите... Я хотела спросить... Чем вы сегодня так расстроены?

Что ты на это скажешь, дорогой читатель? Природа создала женское сердце таким просторным, дала ему такую чудесную силу, что женщина способна заключить в своем сердце — этом маленьком сосуде, спрятанном в ее груди, — глубокие, как море, чувства и высокие, как горы, мысли.

Сундари хотела сказать Бачану все нежные слова, какие знала, но осеклась и подавила рвавшиеся из ее груди рыдания. Ведь между нею и Бачаном лежит бездна.

Бачан снова сел.

— А я из-за тебя поздно вернулся, Сундари, — сказал он. — Вечером, после ужина, я пошел пройтись, все думал о тебе и не заметил, как пробило десять.

— Вы думали обо мне?

— Да, о тебе.

— Наверно, об этом случае в храме?

— Вовсе нет.

— О чем же?

— О том, что завтра ты уходишь от нас.

— И что же?

— Сундари, я...

— О, продолжайте, прошу вас.

— Я не могу без тебя... Мое сердце...

— Что с вашим сердцем?

— Сундари, ты еще совсем девочка, ты не знаешь, что такое любовь. Если б ты могла меня понять, ты не задавала бы этого вопроса.

— Отчего же я не могу вас понять? Вы и наш дорогой гьяни многому меня научили. Я знаю, что такое любовь, знаю, что мы должны любить ближних. Разве не написано в священной книге: «Люби — и всевышний тебя наградит»?

Этот простодушный ответ раздосадовал Бачана. Но он все-таки продолжал:

— Но я подразумеваю под любовью совсем иное чувство.

— Иное? Какое же? Вы не говорили о нем, когда меня учили.

— Этому не учат.

— Ни в школах, ни в колледжах?

— Нет, плутовка, нет! Хватит, довольно тебе меня дразнить!

— Но все-таки почему же вы мне об этом не говорили?

— Оставим этот разговор. Скажи лучше: ты в самом деле должна завтра уйти?

— Да, отец сказал, что придет за мной.

— А если б он не сказал?

— Тогда бы я не ушла.

— Ты будешь иногда вспоминать меня?

— А разве вы не будете навещать меня?

— Нет.

— Нет? — Острая боль пронзила сердце Сундари. — Почему? Кто же будет меня учить?

— Я постараюсь устроить так, чтобы ты училась, но не у меня.

— Я не хочу учиться ни у кого другого.

— А впрочем, ты и так уже многому выучилась. Умеешь хорошо читать и писать, знаешь много отрывков из священных гимнов.

— Но вы же обещали, что будете учить меня до десятого класса!

— Если ты так страстно хочешь учиться, я постараюсь определить тебя в какую-нибудь городскую школу.

— А сами вы переедете в город?

— Я? Как же я могу бросить дом и хозяйство?

Сундари замолчала, поняв, как глуп был ее вопрос.

— Скажи, ты не хочешь остаться со мной? — тихо спросил Бачан.

— С вами? Да разве люди позволят?

— Ах, Сундари, ты совсем не любишь меня!

Сундари посмотрела на Бачана, и на губах ее засияла застенчивая улыбка. Склонив голову на плечо юноши, она сказала:

— Вы... вы... меня...

Она не смогла закончить фразу. Но Бачан все понял.

К чему любящим обнажать друг перед другом свои сердца, раз оба сердца уже слились воедино? Бачан и Сундари долго сидели, не произнося ни слова. Потом Бачан взглянул на часы — была половина третьего.

— Все будет хорошо, Сундари, — сказал он, — спи спокойно, уже очень поздно. — Он поцеловал ей руку. Опьяненная прикосновением его губ, Сундари даже не заметила, как он ушел.

Сумерки, сгущаясь, тихо опускаются на землю. По улицам со свистом проносится холодный январский ветер, но, несмотря на это, у колодца на краю деревни Диванпур царит небывалое оживление. Мальчишка лет тринадцати погоняет пару белых быков¹, мелодично звенит льющаяся вода. Вокруг колодца сидят деревенские кумушки, их малыши играют тут же рядом.

Неподалеку лежит заброшенное хлопковое поле, на котором не видно ни одного зеленого ростка. На высохших, почерневших стеблях потрескивают пустые коробочки. Каждый порыв ветра сопровождается этим сухим шелканьем. Посреди поля — ложбина, где алеет крупный редис, до половины спрятанный в земле. Когда ботву шевелит ветер, кажется, будто раскачиваются опахла. Эта свежая, яркая зелень посреди поля с высохшими хлопковыми кустами — словно прекрасный ребенок на коленях у старого отца.

На поле трое мужчин. Один из них выдернул из земли редиску и, стяхивая с нее землю, сказал:

— Долго еще мы будем терпеть его выходки? Со всем на голову сел.

— Ах, братец Пала Сингх! Что мы можем сделать? — ответил второй. — Ведь он и до тебя сумел добраться. Решай сам, что предпринять. Но расправиться с ним надо! Непременно.

— А я разве когда-нибудь возражал, Виру? Ты, кстати, и сам бы мог убрать Бачана.

— Не узнаю тебя, Пала Сингх, — проговорил третий. — Ты ведь любого пристукнуть мог, а тут вдруг испугался какого-то сопляка.

Пала Сингх был уязвлен до глубины души.

— Кто испугался? Я? — возмутился он. — Богом клянусь, пусть только случай представится, и я его мигом придушу — даже пикнуть не успеет. Но эта старая крыса ни на минуту не оставляет его одного! Если б не старик, я бы уже давно с ним расквитался. Бачан от нас не уйдет. Но я хочу сразу два дель-

¹ Колодезное колесо приводится в движение быками.

Да обделать: и Бачана прикончить, и девчонку себе забрать.

— А как быть со стариком?—спросил Вир Сингх.

— Нашел о чем беспокоиться! Я сверну ему шею, а впрочем, он и так не сегодня-завтра сдохнет, — сказал Пала Сингх.

— Хватит вам спорить, — остановил их Савайя Сингх. — Скажи-ка лучше, зачем нас позвал. Холод собачий, зуб на зуб не попадает.

— Замерз, бедняжка! — усмехнулся Пала Сингх. — Уж скажи прямо, что выпить охота!

При этих словах собеседники Пала Сингха просияли от радости.

— Согреться нам недолго, — продолжал Пала Сингх, — осталось еще полторы бутылки.

— Мы тебе верные друзья, — сказал Вир Сингх. — И не успокоимся, покуда эта девчонка не окажется в твоих руках.

— Все будет в порядке, — сказал Савайя Сингх. — Только ты уж потом о нас не забудь, чтоб не вышло как в пословице: выжми лимон, да и брось его вон!

— А как же мы ее похитим, если она живет у Бачана, никуда из его дома не выходит? — проворчал Пала Сингх, не подавая вида, что эти речи пьянят его, как вино.

— Уже пять дней, как старик забрал ее домой, — сказал Вир Сингх. — Ты что, не знаешь?

— Вот как! — удивился Пала Сингх. — Значит, она ушла от Бачана? Откуда же мне это знать? Я ведь только что вернулся домой.

— И ты не видел, как ее разделали?

— Нет.

— А она стала еще красивее. Она и всегда-то была недурна собой: свежая, румяная, ну прямо кровь с молоком. Если твое дело выгорит, можешь считать себя счастливым.

— Я уже давно на нее поглядываю. Ну ничего, скоро будет она моей! А вы зарубите себе на носу: коли не выйдет по-моему, не поможете мне — вам обоим несдобровать.

— Да успокойся ты! Мы это дело быстро провернем! — сказал Савайя Сингх. — Господь захочет, и сразу все исполнится... Сперва надо убраться Бачана. Пока он тут, мы ничего не добьемся.

— А как ты думаешь, Савайя, хочет Бачан жениться на ней? — спросил Пала Сингх.

— Конечно! Для того ее и учит.

— Но вот что меня удивляет: чего он к ней привязался? Он же человек образованный, колледж кончил. Я слышал, его сватали в дом очень богатых сикхов. А эта девчонка — как раз для меня, у нее ни пайсы за душой.

— Что верно, то верно, — согласился Савайя. — Только в словах толку мало. Надо действовать.

— Правду говорит Савайя, нечего терять время, — сказал Вир Сингх. — Или говори, что делать, или я пойду — у меня ноги окоченели от холода.

Подумав немного, Пала Сингх сказал:

— Надо подвести Бачана под арест. Тогда наше дело будет на мази.

— Идет, — сказал Вир Сингх.

— Я тоже «за», но сперва надо решить: как быть со стариком? — спросил Савайя Сингх.

Прятели зашептались. Затем, придя, видимо, к согласию, все трое поднялись со своих мест и направились к дому Пала Сингха.

21

Бачан ежедневно навещал Сундари, и таким образом она смогла продолжать учебу.

Однажды, когда Бачан, после очередного урока, вернулся домой, он заметил, что мать чем-то расстроена. Он спросил у нее, что случилось.

— Ах, сынок! — вздохнула Сада Каур. — Разве я могу от тебя что-нибудь скрыть?

— Так объясни же, в чем дело.

— Ты что ж, сынок, сам не видишь? Прежде, бывало, в нашем доме двери не закрывались — все к нам ходило, а теперь никто не показывается. Сегодня утром сын Сурены приехал из Хошиярапура на каникулы. Проходил мимо нашего дома, зашел поздороваться. Я угостила его ласси¹, он выпил, поблагодарил и отправился к себе домой. А там все набросились на него — зачем-де

¹ Ласси — напиток из кислого молока с водой.

пьешь у них ласси, наша община больше с ними не знается! Потом кто-то из семьи Сурены принес от брахмана Дина Натха освященной воды, юношу напоили, чтоб очистить от скверны. Это все мне рассказала наша соседка.

Бачан Сингх и сам видел, как к ним относятся в деревне, но не подозревал, что дело зашло так далеко. Он был больно ранен людской несправедливостью, да и мать ему было жаль.

— Что поделаться! Не хотят к нам ходить — не надо! Умолять не станем! — сказал он.

— Все это так, но ты же знаешь, что человек живет в общине, без нее нет ему счастья. Даже журавль — и тот погибает, если отобьется от стаи. Люди должны держаться вместе, должны делить друг с другом горе и радость. А мы живем как затворники. Никто не переступает больше порога нашего дома. Что же нам делать?

До сих пор Бачан действовал, сообразуясь лишь со своими желаниями и убеждениями, и только сегодня понял, в какое положение он ставит мать. Избегая смотреть ей в глаза, он повторил вслед за ней:

— Что же делать?

— Не знаю, сынок, помни только одно: нельзя отрываться от общины! А мы оторвались. И все из-за дочки нищего Роду, она — виновница наших бед. Не очутись она по воле злого рока в нашей деревне, все было бы хорошо.

— Зачем обвинять эту несчастную? — вспыхнул Бачан. — Если прийти на помощь беззащитной девушке — столь великий грех, что за него изгоняют из общины, то я готов понести наказание во сто раз более суровое!

Видя, что сын кипит от негодования, Сада Каур замолчала и ушла на кухню. Бачан отправился к хижине Роду. Старика не было дома, и Сундари сидела одна в глубокой задумчивости. Лицо ее было печально. Когда Бачан окликнул ее, девушка вздрогнула.

— Это вы? Я вас так ждала!

Бачан внимательно посмотрел на нее.

— Что с тобой, Сундари? Ты плакала?

Сундари не отвечала.

— Если не хочешь — не говори! — с обидой сказал Бачан. — Я не настаиваю...

— Да нет, — Сундари попыталась улыбнуться. — Дело в том, что пропала Лачхо.

— Пропала Лачхо? Она же не могла никуда убежать.

— Наверно, ее кто-нибудь увел, — со вздохом сказала Сундари. — К ночи она не вернулась домой. Папа не ужинал и всю ночь проплакал. На рассвете он ушел ее искать. А еще...

— Ну, ну, говори, что еще...

— Папа хотел пойти за вами, но я его не пустила, — знала, что вы сами придете.

— Что-нибудь случилось?

— Папа говорит... — Сундари взяла платок и вытерла глаза. — Папа говорит, что мы отсюда уедем...

— Уедете? Куда?

— В другую деревню.

— Почему?

Чтобы скрыть свое смятение, Сундари стала наматывать платок на палец. Слова застряли у нее в горле.

— Нам все равно не дадут здесь жить, — наконец произнесла она.

— Почему ты так думаешь?

— Все нас ругают, никто не дает нам проходу...

Бачан никак не мог понять, в чем дело.

— Но скажи мне, кому и зачем могла понадобиться ваша обезьянка?

Сундари была рада переменить разговор.

— Откуда мне знать? — ответила она.

В хижину вошел Роду. Он низко поклонился Бачану и сел в уголке. Когда Бачан спросил, не напал ли он на след Лачхо, старик разрыдался, как ребенок.

Сундари вскочила и, обняв Роду за шею, зашептала ему на ухо:

— Что ты, что ты, папочка! Перестань!

Отирая глаза краем дхоти, Роду сказал:

— Сундари, нашу Лачхо убили!

— Убили? — вскричала Сундари. — Что ты говоришь?

— Кто-то бросил ее в колодец!

— В колодец? Какой ужас! — Сундари вздрогнула.

Бачан молчал, всем сердцем ощущая боль, которую причинили этим беззащитным людям. Прошло несколько минут, прежде чем Роду снова заговорил:

— Господин! Вы оказали нам много милостей. Отблагодарить вас не хватит всей моей жизни. Вы сделали из моей дочери человека, вы спасли ей жизнь — и заплатились за свою доброту. У меня было одно желание — провести остаток дней своих возле вас, помогать вам, да, видно, не судьба! Не дают нам здесь жить спокойно. Позвольте нам уехать куда-нибудь в другое место.

— Но почему, отец? — глухо спросил Бачан.

— Не знаю, что и ответить. Сколько трудов стоило мне вырастить Сундари: она ведь была крохотная, как птенчик, когда я ее принес.

И старый Роду подробно рассказал о том, как он нашел Сундари.

— До того времени я не знал, что такое родительская любовь, но теперь хорошо знаю. Эту любовь не выразить в словах... И с маленькой-то у меня было много хлопот! А сейчас, сами видите, какая она выросла! Я безродный нищий фокусник, но у меня нет больше сил бродить по улицам... Ну, что дурного я сделал этим людям!.. Уже несколько месяцев,— продолжал он,— как на нас косо поглядывают. По вечерам парни собираются возле нашего дома и кричат такие слова, что я готов сквозь землю провалиться! И вас поминают недобрым словом...

Бачан был сильно расстроен разговором с матерью, но теперь, услышав рассказ Роду, забыл о всех своих неприятностях.

— Я очень огорчен тем, что сейчас узнал, но никак не могу придумать, чем вам помочь, — сказал он. — Может, вы посоветуете, что сделать?

— Нам осталось только одно: уехать. Если б не Сундари, я прожил бы тут до своего смертного часа. Я так привык к здешним местам, к своей соломенной лачуге, но у нас нет другого выхода. Можно ли терпеть, когда позорят твою дочь, девушку на выданье! Да и о ней надо подумать — не век же ей сидеть у мусорной кучи! Надо найти ей достойного жениха. Не знаю только, как это сделать.

Бачан думал совсем о другом.

— Вот что, отец, — сказал он, — ты прав, вам надо уехать.

Роду не отвечал.

— Сундари создана не для бродячей жизни, — продолжал Бачан, — я хочу, чтобы она училась дальше.

Слова эти произвели на Роду такое же впечатление, какое оказывают на преступника, приговоренного к пожизненному заключению, слова адвоката: «Я буду хлопотать о твоём помиловании».

— Ах, господин! — сказал Роду дрожащим голосом. — Вы и так уже из-за нас горя хлебнули! Да благословит всевышний вашу доброту! Прошу вас, позвольте нам уйти отсюда, и пусть исполнится то, что нам на роду написано...

— Не могу видеть, как вы страдаете от людской злобы и тупости, — проговорил Бачан, — я постараюсь избавить вас от этих страданий.

— Ну, если вы согласны...

— Ладно. — Бачан крепко пожал старику руку. — Я устрою Сундари в городскую школу.

Сундари молча взглянула на Бачана, затем на лице у нее засияла улыбка; глядя на нее, улыбнулся и Бачан.

22

Старый Роду не ошибся. Люди обвиняли во всем Сундари. Стоило ей уехать из Диванпура, как все пересуды и сплетни прекратились. Из всех жителей деревни один только Пала Сингх жалел об ее отъезде. Словно легкая тень, промелькнула в его жизни Сундари, промелькнула и скрылась, и он еще сильнее возненавидел Бачана, который был в его глазах соперником, захватившим законную добычу. Забыв обо всем на свете, Пала Сингх день и ночь думал, как бы ему заманить Сундари обратно в Диванпур. Но чем больше он раздумывал, тем лучше понимал, какое это нелегкое дело.

В конце концов ему стало ясно, что Сундари вернется в Диванпур только в том случае, если со старым Роду или с Бачаном приключится какая-нибудь беда.

Уяснив это, Пала Сингх стал обдумывать план действий; обдумывал он этот план очень тщательно — минуло целых три года, прежде чем он приступил к его осуществлению.

Определив Сундари в закрытый женский пансион в Лахоре, Бачан вздохнул с некоторым облегчением:

с плеч его свалился тяжкий груз ответственности, и ему показалось, что этим поступком он и себя застраховал от многих возможных напастей. Но облегчение это длилось недолго, тотчас же Бачану стало вдвойне тяжело; его не оставляло чувство, будто он потерял что-то очень ему дорогое. Каждый месяц он аккуратно высылал в Лахор плату за учение. Не забывал помогать и Роду. Навещал он старика довольно часто: зайдет, поговорит о том о сем, и у того на душе полегчает.

Шло время. Сундари окончила десятый класс. Настала пора ей вернуться в родную деревню.

Но как прожили влюбленные эти годы разлуки? — спросите вы, мой читатель. Вы узнаете это, прочитав письма, которые они писали друг другу.

Эти бесхитростные, но по-своему поэтичные послания, может быть, имеют свою особую привлекательность, и потому я почел возможным, прежде чем продолжить свое повествование, представить их на суд читателю. Может быть, вы не захотите их читать. Дело ваше. Тогда переверните несколько страниц, не читая. Но я полагаю, что боль и мука, которыми проникнуты эти письма, — чувства, волнующие многих людей.

ПИСЬМО ПЕРВОЕ

Женский пансион
Лахор

Мой уважаемый покровитель!

Спешу Вам сообщить, что у меня замечательные учительницы. Что касается моих одноклассниц, то они относятся ко мне как к сестре. Одним словом, все обстоит как нельзя лучше, и, однако, в душе моей нарастает какое-то странное беспокойство. Я хожу сама не своя, словно ищу что-то потерянное. Не можете ли Вы сказать, отчего это, и как мне избавиться от этого тревожного состояния?.. На душе у меня все время так тяжело: вот только сейчас, когда я Вам пишу, немного легче.

Жду с нетерпением Вашего ответа. Шлю поклон отцу. Думаю, излишне писать, что теперь у него нет иных защитников, кроме бога и Вас.

Сундари.

Дорогая Сундари!

Твое письмо мне принесли в ту минуту, когда я думал о тебе. Я так волнуюсь за тебя. «Почему?» — спросишь ты. Этого я не могу сказать, потому что и сам не знаю. Мне хорошо понятно твое настроение, я чувствую то же самое. И все-таки ты не должна унывать: человек, который попадает в чужой город, да еще впервые в жизни, неизменно скучает о тех, кто остался дома. Но я надеюсь, ты скоро забудешь улочки нашего Диванпура. Я, конечно, понимаю, что ты тоскуешь по отцу...

Прошу тебя, учись прилежно. Ты уже не ребенок и понимаешь, что хорошо, а что плохо. Мне хочется, чтобы твой будущий супруг, его родители и все родственники видели в тебе не только богиню красоты, но и умную, образованную женщину.

Твой отец здоров. О нем не беспокойся.

Бачан Сингх.

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ

Женский пансион
Лахор

Наконец-то, после долгого ожидания, получила Ваше письмо. Я ждала его, начиная с той минуты, когда опустила в ящик свое. Не знаю, как описать Вам, что я почувствовала, прочитав Ваш ответ. Хотела написать Вам о многом, а вот села за стол и никак не могу выразить, что у меня на душе. Пишу и зачеркиваю...

Так Вы не забываете обо мне? И не можете сказать, что именно Вас тревожит? Но ведь я же не совсем чужой Вам человек. Тревоги Ваши мне понятны. Тем более что это из-за меня Вы попали в такое тяжелое положение. И кто знает, какие еще беды обрушатся на Вашу голову! Когда я думаю обо всем этом, я молю мать-землю разверзнуться и принять меня в свое лоно, чтобы я не смогла больше причинять вам огорчений.

Вы пишете, что я тоскую оттого, что уехала из родных мест. Это неправда. Любое место рядом с Вами. — пусть даже вершина вулкана — было бы для меня райской обителью.

Вы пишете, что я скоро забуду улочки Диванпура. Простите меня, но мне кажется, что Вы написали это нарочно, чтобы подразнить меня. Никогда я не забуду эти улочки, как и все, что было в Диванпуре. Конечно, я люблю своего отца...

Сердце у меня упало, когда я прочла последние строчки Вашего письма. Я никогда и не помышляла о замужестве. Неужто я доживу до того дня, когда все мои мечты обратятся в прах? Нет, нет, скорее я умру, чем это случится. Ведь не для того же Вы до сих пор поддерживали меня и опекали, чтобы потом заживо бросить в огонь?..

Хотела я еще что-то написать, но мысли нейдут в голову...

Сундари.

ПИСЬМО ЧЕТВЕРТОЕ

Дорогая Сундари!

Получил твое письмо. Мне ужасно совестно, что я так огорчил тебя. Да, я вел себя глупо и недостойно. Но моя вина простительна: садовник прилежно ухаживал за растением, и вдруг на нем распустился прекрасный цветок, который опьянил его своим ароматом.

Я уже давно решил никогда и ни за что не открывать тебе своих чувств, тем более что между нами стоит преграда, но я очень боялся, что не выдержу, нарушу этот обет. На это-то я и намекал в своем письме, а ты не поняла. Ты говоришь, что я тебе помог, и поэтому считаешь себя обязанной мне; это неверно и несправедливо по отношению ко мне. Сделать то, что я для тебя сделал, — долг всякого порядочного человека.

Но теперь, Сундари, теперь, когда я вижу, что существо, к которому так рвется мое сердце, само тянется ко мне и даже может погибнуть, если я не отвечу на его призыв, зачем мне скрывать от тебя правду?

Дорогая Сундари! Я почувствовал к тебе большую симпатию в тот самый миг, когда увидел, как ты рисуешь буквы на земле у храма. Но после того как я узнал твою прекрасную душу, теперь я, даже если бы и захотел, не смогу жить без тебя.

Твой Бачан Сингх.

ПИСЬМО ПЯТОЕ

Сокровище моей души!

Ваши слова воскресили меня к новой жизни. Все, что Вы написали мне, я, слово в слово, написала Вам вчера вечером. Наши мысли совпали. Исчезли все сомнения, все тревоги, вся печаль.

Вы хотите узнать, что я писала Вам вчера? Сейчас расскажу... Я не могу больше обманывать Вас, это грешно. Вы единственный человек в мире, который мне дорог, — не считая, разумеется, отца. Не знаю, когда я привязалась к Вам, знаю только, что в моем сердце ни для кого другого нет места и никогда не будет.

Но достигну ли я горной вершины, к которой устремлены мои мечты? Я отлично знаю, что она для меня недоступна, но, несмотря на это, не отчаиваюсь; приятно сознавать, что у каждого моего порыва, каждого моего чувства, даже каждого моего вздоха, — отныне есть желанная цель. А раз так, то я счастлива, хоть, может быть, и не достигну этой цели. Я готова хоть издали довольствоваться ароматом сандаловой рощи.

О какой преграде Вы пишете? Видимо, Вы имеете в виду свою женитьбу? Дорогой мой! Прошу Вас, непременно женитесь на достойной девушке, да поскорее, пусть Ваша мама будет счастлива. Я с радостью услышу известие о Вашей женитьбе.

Ваша Сундари.

ПИСЬМО ШЕСТОЕ

Дорогая Сундари!

Сколько счастья принесло мне твое признание. У меня такое чувство, будто во мне звучит прекрасная музыка. Она наполняет все мое существо. И ничто не сравнится с испытываемым мною блаженством.

Сундари, дорогая! Я не знал, что твои мысли так возвышенны, твои порывы заключают в себе всю любовь вселенной, а в твоей юной душе столько самопожертвования!

Ты превратно истолковала мои слова о том, что между нами преграда. Дело вовсе не в различии наших

каст, — я никогда не отказался бы от своих чувств из страха перед общиной. Я давно уже отрешился от подобных предрассудков. Я имел в виду совсем другое: после бесед с гьяни Дидаром Сингхом и после того, как я полностью осознал свой долг перед родиной, я поклялся, что посвящу всю свою жизнь улучшению социальных порядков. Пока жива моя мать, буду жить с нею, — решил я, — а когда ее не станет, оставлю дом, хозяйство, порву все цепи и пойду к своей цели.

Дорогая Сундари! Я вижу, сколь нелепо устроено наше общество! Вижу, как каждый день огромное число беззащитных и слабых становятся жертвами его жестоких установлений. И когда я размышляю обо всем этом, у меня появляется опасение, как бы узы брака не заставили меня изменить своему обету. Если же я буду тверд и не сойду с намеченного пути, я могу загубить твою жизнь. Тебе придется либо навеки расстаться со мною, либо вести такую же беспокойную, скитальческую, полную лишений жизнь, какую хочу вести я.

Однако твое письмо рассеяло все мои сомнения. Мне стало совестно. Я вспомнил, что когда-то еще в первом классе сказал нашему старосте — мальчику способному и одаренному: «Я не могу с тобой дружить, — слишком занят! Я дал себе слово за год выучить всю азбуку»: Вот какой глупый и самонадеянный я был мальчишка!

Дорогая Сундари! Я был бы безмерно счастлив, если бы ты согласилась стать моей женой.

Ничто в мире не заставит меня отказаться от своих намерений. Я охотно готов претерпеть любые горести: я буду даже горд, если сумею вынести жестокие испытания, которые пошлет мне судьба.

Твой *Бачан Сингх*.

ПИСЬМО СЕДЬМОЕ

Женский пансион
Лахор

Любимый мой!

Мы оба сомневались в одном и том же и требовали друг у друга ответа на терзавшие нас вопросы. То, что доставляло нам такие муки, оказалось могучим потоком, который ничто на свете не может остановить.

Ваше решение сделало меня во сто раз счастливей, чем можно было ожидать. Я не в силах выразить свою радость.

Утверждают, что каждая вещь может обращаться в свою противоположность. Смех иногда сопровождается слезами. Наверное, это утверждение справедливо, потому что сердце мое сжимается от страха.

Любимый! Какое-то смутное беспокойство гложет меня. Это беспокойство часто превращается в сильную тревогу, заглушающую радость, которой полна моя душа. «Ты видела, как ветер играет на заре с бутонами роз? — говорит мне встревоженный рассудок. — Стоит ему увидеть их застенчивый взгляд и улыбку, стоит ему вдохнуть их аромат, как, опьяненный любовью, он забывает обо всем на свете. Бедные цветы обращаются навстречу ветру, а он, обезумевший, обрывает нежные лепестки, и бутоны умирают, не успев расцвести».

Мой дорогой! Молю Вас, рассейте мои опасения, укройте меня в таком убежище, куда нет доступа тревогам.

Боже мой, я и сама не знаю, что пишу... Кажется, уже обо всем написала, а все не могу остановиться, не хочу расставаться с Вами...

Зачем Вы упоминаете о свадьбе? Если брак в самом деле — неземное блаженство, как принято считать, то пусть все останется по-прежнему, потому что не могу представить себе большего блаженства, чем то, которое уже дала мне Ваша любовь.

Прошу Вас, любимый, не вступайте один, без меня, на благородный путь борьбы за справедливость! Как Вы смелы и как великодушны, если еще способны сострадать людям, которые причинили Вам столько зла! Наверное, в прошлом рождении Вы были святым. Знаете, о чем я подумала, когда перечитала Ваше письмо? Ведь я втайне мечтаю отомстить общине, которая столь жестоко обошлась с Вами, особенно тем лицемерным, двуличным людям, которые ею управляют. Может быть, это нехорошо?

Прошу Вас, не думайте больше о женитьбе. Сохраним прежние отношения, — ведь потом-то мы навсегда будем вместе, даже конец света не сможет нас разлучить.

Ваша Сундари.

Дорогая Сундари!

Должен сообщить тебе чрезвычайно печальное известие. Когда я думаю о том, какой удар тебе уготовила судьба, душа разрывается, перо выпадает из рук. Вероятно, было бы лучше, если б эту скорбную весть сообщил тебе кто-нибудь другой, но что делать, видно, мне суждено быть вестником несчастья.

Сундари! Твой отец, который только о тебе и думал, только тебя и любил, который жил лишь одной надеждой вновь увидеть тебя, простился с этим миром!

И как ужасна была его смерть! Кровь холодеет при одном воспоминании об этом.

Последнее время он так ослабел, что едва мог выходить за порог хижины. Позавчера вечером я, как обычно, принес ему поесть. Неожиданно он заплакал. Когда я спросил его, чем он так расстроен, он ответил, что стосковался по тебе и не знает, доведется ли ему еще раз тебя увидеть. «Отец, — сказал я ему, — не нужно горевать, утром я поеду и привезу Сундари». Но он запротестовал. «Не надо, это помешает ее учебе, да и опасно ей сюда приезжать. Этот негодяй Пала Сингх по-прежнему пристаёт ко мне с требованием, чтобы я отдал Сундари ему в жены. Сначала он сулил большие деньги, потом стал грозить. Не согласишься, говорит, убью тебя, а когда Сундари приедет в деревню, заберу ее к себе в дом.

Я был взволнован, дрожал от негодования, но постарался приободрить твоего отца. «Я не дам в обиду ни тебя, ни Сундари», — пообещал я ему.

Я хотел забрать его к себе в дом, но он не согласился. «Что вы, господин! Я уже не жилец на этом свете. Молю бога, чтобы он поскорее меня прибрал. Меня очень тревожит судьба Сундари, но я надеюсь на ваше великодушие».

Я предложил отвезти его в Лахор, и мы решили выехать на следующий день.

В полночь я проснулся от крика: «Пожар! Пожар!» Я выскочил на улицу. Оказалось, что горит хижина Роду. Когда я добежал туда, от хижины осталась лишь груда головешек. Отца твоего вытащили из огня, но он весь обгорел.

Возле него стояли начальник полицейского участка и трое солдат. Все думали, что Роду мертв, но вдруг по его телу пробежала дрожь. Я назвал его по имени. Он с трудом открыл глаза и, увидев меня, еле слышно сказал: «Господин мой!» Я нагнулся к нему: «Начальник хочет задать тебе один вопрос». «Кто поджег хижину?» — спросил начальник участка. Ничего не отвечая, Роду взглянул на небо, — видно, не хотел называть имени преступника, ибо усматривал в своей смерти промысл божий.

Начальник участка задал еще несколько вопросов, но Роду ничего не ответил. Он не подавал никаких признаков жизни. Немного погодя он приоткрыл глаза, и взгляд его, медленно обойдя всю толпу, остановился на мне. «Что ты хочешь сказать, отец?» — спросил я.

Он по-прежнему молчал, только в глазах у него стояли слезы. Но потом я увидел, что он силится что-то вымолвить, и нагнулся к его губам. «Сундари!..» — еле слышно прошептал он. «Что ей передать, отец?»

Он не сводил с меня глаз, и я понял значение его взгляда. «Не беспокойся, отец, я женюсь на ней!» В глазах его вспыхнул свет, губы тронула едва заметная улыбка, руки шевельнулись, будто хотели соединиться в благодарственном жесте, но тут же бессильно упали на грудь, а голова склонилась набок. Он был мертв.

По подозрению в поджоге полиция арестовала Пала Сингха, Савайя Сингха и Вир Сингха.

Как все это ужасно!

До сих пор твой умирающий отец стоит у меня перед глазами. Мама моя плачет день и ночь, никак не может успокоиться.

Что делать, дорогая Сундари, если такова воля всевышнего. Оставь мысли об отмщении. Возмездие — дело рук божьих. Несмотря ни на что, быть верным своим убеждениям, в этом и заключается подлинное мужество.

Не хочу долее терзать твое сердце, поэтому кончаю. Очень тебя прошу: не предавайся отчаянию, перенеси эту утрату стойко и терпеливо.

Да, только что узнал, полиция взяла подписку о невыезде и освободила арестованных. Тут, конечно, и деньги помогли, да и односельчане похлопотали. Впрочем, этого надо было ожидать.

Твой *Бачан Сингх*.

Мой возлюбленный!

Получила Ваше письмо. У меня нет слов, чтобы выразить боль, которую причинило мне известие о смерти отца. Больше всего меня угнетает то, что я никогда уже его не увижу, что никогда не коснется меня его ласковая рука. Только мысли о Вас помогают мне перенести это горе.

Каким злодеем надо быть, чтобы поднять руку на моего отца — бедного, слабого старика, который в жизни своей никому дурного слова не сказал, который всего и всех боялся! Но вместо того, чтобы добиваться наказания убийц, наши соседи стараются их спасти!

О господин мой! Вы мечтаете искоренить ненавистные всем пороки, оздоровить общество, так неужели после всего, что случилось, Вы еще не поняли, что нельзя излечить души, до такой степени зараженные злом. Неужели Вы продолжаете надеяться на исправление людей, чьи сердца обожжены пламенем греха, чьи умы растлены гордыней и в чьих жилах течет не алая, а белая кровь? Вы все еще верите, что семена, брошенные в эту каменистую почву, взойдут?

Нет, мой покровитель и заступник, нет! Оставьте эту мысль! Вы хотите пробить головой стену, но Вам это не удастся, Вы только рискуете разбить себе голову. Единственное средство — выпустить из нашего общества белую, дурную кровь всю, до последней капли, чтобы грядущие поколения наконец очистились от скверны.

Но, кажется, я ослеплена гневом. Простите меня, любимый! Вы же знаете, в каком я сейчас состоянии... Я постараюсь побороть себя, побороть эти нелепые мысли, которые лезут в голову. В этом мне поможет Ваш образ.

Молюсь, чтобы всевышний послал успех Вашим начинаниям и развеял мои заблуждения, так чтобы я могла жить в полном согласии с Вашими принципами.

Мой защитник и учитель! Я уже более не надеюсь на свой расстроенный ум; жажда мести пылает во мне

так сильно, что я за себя не ручаюсь. Поэтому, прошу Вас, сдерживайте меня, руководите моими поступками! На душе так тяжело, что не могу больше писать.

Р. С. Я перечитала письмо, и мне кажется, что его не стоит посылать, но все-таки я это делаю. Я знаю, как Вы великодушны. Вы простите мне мои заблуждения. Отвезите, пожалуйста, меня в деревню. Я хочу увидеть сожженную хижину моего отца. Кстати, учение мое почти закончено.

Ваша Сундари.

ПИСЬМО ДЕСЯТОЕ

Диванпур

Дорогая Сундари!

Получил твое письмо. Могу сделать тебе комплимент: у тебя хороший слог. Но почему ты все время лелеешь в душе жажду мести? Неужели ты думаешь, что этим можно кого-нибудь исправить. Не мщением надо бороться с пороками. Для того чтобы подорвать основы зла, надо вести пропаганду, распространять в обществе высокие идеалы.

Вместе с тем я не могу не оценить твое благородство — ведь, следуя за мной, ты вступаешь на трудный путь. Однако я твердо верю, что, когда ты станешь спутницей моей жизни, твои прежние мысли покажутся тебе ошибочными и наивными, и ты уже не будешь, как сейчас, путать день с ночью.

Я ведь тоже вижу, что кровь нашего общества с каждым днем все больше портится, но средство, которое ты предлагаешь, ужасно, это все равно что лечить водою большого водобоязнью.

Дней через пять я приеду за тобой. Я говорил со своей матерью, она не возражает против того, чтобы мы соединили наши судьбы, но только с одним условием: я не должен покидать ее. Тебе уже пора готовиться к новой жизни. Когда встретимся, наметим ближайшую цель: дел невпроворот, и за первое из них надо браться немедленно. Вскоре состоится свадьба дочери нашего ростовщика — Лалы Рала Рама. По этому случаю в деревню прибудет танцовщица, а они, как известно, девицы лег-

кого поведения; вино польется рекой, на ветер будет выброшена уйма денег.

Представь себе, что вся деревня, во главе с самыми уважаемыми людьми, сбежится слушать непристойные песенки, в то время как женщины — их жены и дочери — усядутся у окон, чтобы поглазеть на танцовщицу. Какой позор! Я собираюсь убедить всех отказаться от этой затеи.

На этом кончаю. Через каких-нибудь пять дней увидимся.

Твой *Бачан Сингх*.

Р. С. Хочу тебя поздравить. Недавно я прочитал в панджабских журналах рассказы под твоей подписью. Написаны они очень талантливо, только, по-моему, ты сгущаешь краски, рисуя состояние нашего общества. Сердце подсказывает мне, что придет день, когда моя Сундари станет выдающейся писательницей.

23

Приехав в Диванпур, Сундари сразу же отправилась к тому месту, где стояла отцовская хижина. Там еще валялись присыпанные пеплом головешки. Этот пепел был для Сундари не просто пеплом: в нем было заключено все ее прошлое — с того момента, как она себя помнила, и до отъезда в Лахор. В течение всех этих лет Сундари неизменно ощущала на себе преданную любовь старого Роду. Неподвижная, словно окаменевшая, девушка долго сидела на пепелище. И только после того как Бачан несколько раз окликнул ее, она наконец поднялась.

Бачан Сингх позаботился об ее устройстве заранее. Не желая огорчать мать, он не стал предлагать девушке поселиться у них в доме. В деревне Равани недавно открыли женскую школу, и Бачан договорился, что Сундари будет там учительницей. Он пользовался большим уважением в Равани и решил сосредоточить свою деятельность в этой деревне.

Бачан Сингх был очень доволен, что ему удалось устроить Сундари. К тому же деревня Равани находилась совсем рядом — всего около четверти мили от Диванпура.

В доме Лалы Рала Рама шли приготовления к свадьбе. Сколько ни старался Бачан помешать ненужным тратам и воспрепятствовать приезду танцовщицы, все было напрасно. Да и не удивительно!

Односельчане были давно уже настроены против Бачана, и, конечно же, им не терпелось повеселиться на празднике. Рала Рам готовил пир для всей деревни. А когда распространился слух, что из Дели приезжает знаменитая танцовщица, общее нетерпение возросло необычайно; все только и делали, что считали часы, оставшиеся до начала торжества.

Тем временем Сундари уже расставляла свои вещи в отведенном ей доме в Равани. Услышав с улицы голос Бачана, который пришел ее навестить после целого дня, проведенного в беготне и хлопотах, Сундари поспешила ему навстречу.

— Что же вы не заходите? — спросила она. — Я не видела вас с самого утра.

— Ах, Сундари! — улыбнулся Бачан. Улыбка его светилась любовью. — Целый день пробегал, и все без толку.

Он вошел в комнату и сел на кровать.

— Расскажите, что вы делали, — попросила его Сундари.

Расстегнув ворот рубахи и вытирая платком шею, Бачан сказал:

— Я говорил тебе, что в пятницу свадьба дочери Рала Рама?

— Да.

— Сегодня уже четверг.

— Так что же?

— Мы должны выполнить свой долг.

С нежностью глядя на него, Сундари спросила:

— И что же вам мешает его выполнить?

— Сдается мне, я потерплю поражение.

— Почему?

— Одного Рала Рама я бы еще как-нибудь уговорил. Но все наши сельчане мечтают взглянуть на столичную танцовщицу!

— Неужели нам не удастся добиться своего?

— Боюсь, нас ждет полный провал.
— Что же вы предполагаете делать?
— Еще раз схожу к Рала Раму. Может, на этот раз стрела поразит цель.

— А где вы сейчас были?

— Повидал нескольких людей. Но все они отделиваются лживыми обещаниями.

— Что же вы не зашли заодно к Рала Раму?.. Опять придется проделать такой длинный путь?

— Я пришел не только для того, чтобы повидаться с тобой, — хочу прихватить с собой кое-кого из знакомых.

Молодые люди еще некоторое время поговорили, потом Бачан простился и ушел, а Сундари долго еще сидела неподвижно, погруженная в глубокую задумчивость.

* * *

Часа через два Бачан вошел в дом Рала Рама. Он был один, без своих друзей из Равани. Приготовления к свадьбе были в полном разгаре. В углу гостиной сидели портные — дошивали приданое, тут же, в другом углу, стояли пять членов панчаята — Дина Натх, сын ростовщика, распределял среди них поручения. Из кухни доносился запах печенья и сладостей. Девочки били в барабаны, поднимая страшный шум.

Среди представителей панчаята был и Пала Сингх с приятелями. Увидев Бачана, они переглянулись. Подавляя закипающий гнев, Бачан поздоровался и сел в сторонке. Занятые приготовлениями к свадьбе, хозяева не обратили на него никакого внимания. Бачан сильно волновался. Неужели он пришел сюда понапрасну, неужели так ничего и не добьется?

Пока он раздумывал, как приступить к делу, раздался стук деревянных сандалий, и в комнату вошел грантхи Дасонда Сингх. Бачан хорошо знал, чего можно ждать от «почтенного», и все-таки в нем шевельнулась слабая надежда — а вдруг грантхи его поддержит?

Все присутствующие с большим уважением и сердечностью поздоровались с грантхи и стали наперебой приглашать его сесть рядом. Оторвавшись от дел, Рала Рам — хозяин дома — заговорил с грантхи.

Бачан Сингх подошел к собеседникам.

Сердито взглянув на него, ростовщик сухо спросил:

— Что вам угодно?

Он, видимо, уже прослышал о намерениях Бачана.

От его немигающего враждебного взгляда Бачану стало не по себе. Но ему ничего не оставалось, как идти до конца.

— Я пришел к вам с просьбой.

— Говорите.

— Вы знаете, что я никогда не думаю о своей выгоде. Я забочусь только об интересах всей общины... Я хочу вас просить: не приглашайте сюда столичную танцовщицу. Ее выступление может оказать дурное влияние на наших женщин.

Лицо ростовщика вспыхнуло гневом.

— Вот что, Бачан Сингх!—вскричал он.—Я уже предупреждал вас, чтобы вы не портили праздник. Да и что я могу сделать, если так хотят родственники жениха, а они — люди обидчивые, — чуть что не так, всю жизнь будут помнить. С ними надо считаться: ведь замуж выходят не на один день — на всю жизнь!

— Да разве мы это придумали? — закричал кто-то. — Еще падишахи устраивали приемы, на которых плясали танцовщицы... Послушай-ка, Бачан! Не отравляй ты нам удовольствие. Ведь все мы ждем не дождемся праздника. Скажите-ка, почтенный грантхи, прав я или нет?

Все это время грантхи ковырял в зубах. Услышав обращенный к нему вопрос, он встрепнулся и, проведя языком по передним зубам, сказал:

— Конечно, вы правы. Разве часто выпадают нам случаи повеселиться?

— Послушайте, почтенный! — с жаром воскликнул Бачан. — Разве учение святых гуру позволяет таким людям, как вы, предаваться порочным развлечениям, да еще откровенно признаваться в этом перед всеми! Ведь вы — жрец сикхского храма. Грешно забывать о своем долге!

Грантхи промычал что-то маловразумительное. Ему на выручку поспешил Пала Сингх:

— А вырывать кусок хлеба изо рта у бедных женщин, у которых нет ни отцов, ни мужей, по-вашему, не грешно; это, по-вашему, не нарушение принципов сикх-

ской веры? Ведь эти женщины не попрошайки — они танцуют, поют и, увеселяя людей, зарабатывают себе на жизнь. А что до вина, так, по совести сказать, что в нем дурного? Патока да кора дерева кикар?¹ Какой от них вред?

Бачан Сингх ничего не ответил. Да и что он мог ответить: бог далеко, а враг рядом. Зато грантхи, почувствовав поддержку, ободрился:

— Вино в конце концов то же самое, что лекарство, вещь полезная, но, конечно, много пить его не следует...

— Вы правы, вино — вещь полезная, очень даже полезная. Но скажите-ка, почтенный грантхи, что означают слова учения: не бери в рот ни капли вина, пока в силах удержаться, — сказал Бачан Сингх, с трудом подавляя гнев.

После недолгого размышления грантхи ответил, дергая себя за мочку уха:

— Правильные слова. Но что делать, если человек не в силах удержаться?

Бачан невольно рассмеялся. Окружающие стали наперебой доказывать, что пить и не пить — одинаково хорошо.

Бачан сделал несколько попыток отстоять свою правоту, но вскоре замолчал, поняв, что убедить этих людей невозможно. Говорить с ними — только попусту терять время. Немного погодя Бачан тихо вышел из дома ростовщика.

После его ухода Пала Сингх кивком подозвал своих дружков и зашептал им на ухо:

— Что верно, то верно. Упрям он, как осел. И злой такой, не приведи бог!

— И чего он сюда притащился? Совести у него нет! Вечно он с людьми спорит, вечно со всеми несогласен. Да что говорить! Горбатого могила исправит! Пора с ним кончать...

Пала Сингх предостерегающе поднял палец.

— Тсс! Держи язык за зубами! Сам знаю, что пора. Плюньте мне в глаза, если я не сотру его в порошок. Ведь пока он жив, мне своего не добиться.

¹ Кора дерева кикар обладает вяжущими свойствами; ее кладут в вино во время брожения.

Через несколько дней, к вечеру, услышав, что труппа во главе со знаменитой делейской танцовщицей — мисс Анвар Джан — уже на пути в Диванпур, все жители деревни, и стар и млад, высыпали за околицу — встречать долгожданных гостей. К ним присоединились и жители соседних деревень.

В доме Рала Рама все приготовления к свадьбе были закончены. Празднество должно было получиться пышным. И сам хозяин, и его друзья, которых он пригласил, были люди богатые и влиятельные.

В пять часов вечера труппа прибыла в Диванпур. В деревне сразу же воцарилось веселое оживление. Анвар Джан было за тридцать, но выглядела она молодой девушкой, не старше двадцати лет. Ее стройная, изящная фигура, лицо под тонким слоем розовой пудры, алые губы, длинные волосы сводили с ума деревенских жителей.

Труппа расположилась в саду за деревней. Крестьяне позабыли обо всех своих делах и с нетерпением ждали начала представления. Не терпелось и гостям, приглашенным на свадьбу.

Наконец начались приготовления — в саду был сооружен просторный помост, посередине которого на ковре уселись музыканты.

Собрались зрители. В первом ряду сели жених, его старший брат и их покровитель — пандит. Рядом с ними — самые важные гости, всего человек десять. Остальные разместились сзади.

Когда все было готово, брат жениха спросил у сидящего рядом пандита, можно ли начинать представление. «Да будет так!» — торжественно провозгласил пандит. Это был старый человек, который, как говорится, стоял одной ногой в могиле. Спина его согнулась так низко, что казалось, будто он непрерывно кланяется земле.

Музыканты громко ударили в барабаны. И, как луна из облаков, выплыла Анвар Джан. Первой же своей песней она словно околдовала всех присутствующих.

Ее длинные волосы темными волнами колыхались за спиной, тонкая талия изгибалась в такт музыке, огромные глаза метали сверкающие стрелы.

Я на страшный суд погляжу,
На сраженных взглядом моим
И на тех, кто остался живым —
Пусть уж все встают — погляжу! —

пела она.

Анвар Джан понравилась всем, но особенно — брату жениха и старому пандиту. Их словно пронзила молния любви. Меж тем острый взгляд Анвар Джан отмечал, кто насмерть ранен ее стрелами, а кто — только слегка задет, кто умирает от жажды, а кто спокойно ее терпит. Заметив произведенное ею впечатление, Анвар Джан бросила на пандита обольстительный взгляд и, улыбаясь, продолжала:

Жизнью я твоей дорожу...
Говоришь: умру от любви...
Значит, руки мои в крови?
Похоронят — я погляжу...

Карам Чанд — брат жениха — протянул танцовщице десятирупиевую бумажку. И как же он был рад, когда Анвар Джан взяла деньги! Жених молча наблюдал за старшим братом. По знаку пандита Карам Чанд сунул ему в кулак несколько ассигнаций, стараясь, чтобы никто этого не заметил. Пандит тут же протянул одну бумажку Анвар Джан.

Принимая деньги, танцовщица прикоснулась к пальцам старика, и тот почувствовал себя наверху блаженства.

После этого на Анвар Джан полился дождь рупий, так что ей стало неудобно петь и танцевать. Она снова повернулась к пандиту и Карам Чанду и, обжигая их прекрасными глазами, запела:

Перед взором твоим дрожу,
Сердце бьется, полно огня, —
Так стреляй, убивай меня —
Я на смерть свою погляжу!

Пандит вскочил с места: «Превосходно! Великолепно!» И бросил танцовщице все банкноты, зажатые у него в кулаке. Карам Чанд не захотел уступить ему в щедрости и кинул целую пачку денег.

Она запела новую песню:

Чернеет туча надо мной —
С любовью мрак всегда в ладу...
Я скоро стану пиалой —
Невестой ждущего в саду...

Затем она налила в чашу вина и стала обносить присутствующих, начав с пандита-джи.

— Прекрасно! Ура! Еще! — раздавалось вокруг...

Благоразумие было забыто. Кошка опрокинула стакан с молоком, и мыши не могли удержаться от искушения выпить его: даже те, кому не был знаком вкус вина, не устояли при виде дарового угощения.

Господин Пала Сингх и все его приятели тоже участвовали в общей попойке: не отставал от них и грантки.

«А ну, нашу, панджабскую песню!» — слышались голоса.

Анвар Джан запела:

Зовут безумной оттого,
Что я тебе принадлежу.
Спроси у сердца моего —
Зачем с тобою я дружу?
Цветы на ложе и в руке,
Кувшин, наполненный вином...
Я — виночерпий в кабачке,
А ты — пьянчужкой станешь в нем...

В этот миг Анвар Джан в самом деле походила на виночерпия из кабачка, и не было на празднике ни одного человека, который остался бы трезв, испив вина из ее рук...

25

Около восьми вечера Бачан Сингх постучался в дом Сундари. Увидев его полное отчаяния лицо, девушка встревожилась.

— Что случилось? Все ли благополучно? — спросила она, взяв его за руку.

Бачан сел и тяжело вздохнул:

— Я потерпел поражение, Сундари.

Он рассказал, как хлопотал весь вчерашний день, как ходил из дома в дом. Затем он описал выступление Анвар Джан, попойку, устроенную на свадьбе, словом, все подробности празднества.

Лицо Сундари стало изжелта-бледным. Как жаль, что она ничем не помогла своему возлюбленному; он один вынес на своих плечах груз, который они собирались нести вдвоем.

Сундари задумалась. Внезапно на ее лице появилось выражение уверенности и решимости.

— Вот что, — сказала она твердо, — теперь настал мой черед.

— Что ты говоришь? Зачем тебе вмешиваться в это дело? Если оно оказалось не под силу мне, мужчине, что можешь сделать ты, слабая девушка?

— Мне нечего терять. Надо сделать попытку, а успех в руках всевышнего.

— Еще раз не советую тебе вмешиваться в это опасное дело.

— Но вы хоть выслушайте меня!

— Ну?

— У меня есть свой план.

— Какой же?

— Зачем рвать ветки, когда можно вырвать корень!

— Что ты имеешь в виду?

— Надо постараться убедить саму Анвар Джан.

Бачан расхохотался.

— Bravo, Сундари! Ты хочешь усмирить змею заклинанием, которым не удалось утихомирить даже пчелиный рой! Разве это возможно?

— Бывает, что стрела, которая не попала в зайца, сражает тигра. Позвольте мне попробовать!

— Ну что ж, попробуй, не буду тебе мешать, хотя, по-моему, это бессмысленная затея.

— Пусть так.

— Хорошо, хорошо, я не возражаю.

— Так пойдем, проводите меня в Диванпур. Я хоть раз испробую свои силы.

— А как же ты вернешься обратно, ведь уже поздно?

— Я останусь в Диванпуре и, если позволите, побуду до утра у вас в доме.

— Хорошо, собирайся!

Вскоре оба они уже шагали по дороге в Диванпур.

Было десять часов вечера. Около дверей дома, где остановилась Анвар Джан, все еще толпились почитатели, но танцовщица, отговариваясь головной болью, не показывалась. Служанка заперла дверь, постелила

постель, и усталая Анвар Джан с наслаждением улеглась на это ложе.

Но едва она закрыла глаза, как в дверь постучали.
— Вот досада! — возмутилась Анвар Джан. — Не дают ни минуты покоя! Только прилегла, как все началось снова...

Сперва она хотела передать через служанку, что уже легла спать, но потом передумала и велела отворить.

Служанка впустила в комнату девушку лет семнадцати, прелестную, стройную, как молодое деревцо. «Зачем она пришла сюда?» — удивилась танцовщица. Вежливым жестом Анвар Джан пригласила ее подойти поближе.

— Слушаю тебя, дочка! Что тебе понадобилось в такой час? — спросила она.

За всю свою жизнь Сундари ни разу не слышала, чтобы какая-нибудь женщина назвала ее «дочка» так ласково. В детстве сердце ее всегда вздрагивало, когда она слышала, как матери окликают своих детей: «Сынок», «Дочка». И она думала: «Будь у меня мама, она тоже называла бы меня дочкой».

Сундари шла к Анвар Джан, твердо зная, чего она хочет добиться, но стоило ей услышать слово «дочка», как от твердости ее не осталось и следа.

«Как я войду к этой низкой, продажной женщине, которая не стыдится унижать свое женское достоинство? — думала Сундари по дороге. — Ведь каждая вещь в ее комнате носит на себе печать греха, печать распутной жизни? Я не смогу там ни до чего дотронуться! Нет, лучше я останусь на пороге и поговорю с ней, не входя в комнату!»

Но стоило Сундари услышать обращение певицы, как она послушно подошла к ее постели, словно ее подталкивала какая-то неведомая сила.

Служанка ушла. Сундари не говорила ни слова.

— Доченька, что тебя привело ко мне? — спросила Анвар Джан.

Эти слова отдались в сердце Сундари, как удар гонга. От презрения к танцовщице не осталось и следа, слово «доченька» сладостной музыкой прозвучало в ее душе.

Она низко склонила голову.

— Да, матушка! У меня к вам дело.

Скромные и любезные манеры Сундари произвели на Анвар Джан приятное впечатление. А слово «матушка» окончательно ее покорило. Она схватила девушку за руки и усадила рядом.

— Так говори же!

— Матушка, я пришла с просьбой, но... — начала Сундари и не договорила.

Танцовщица бросила на девушку пристальный взгляд, пытаясь угадать ее мысли. Затем она погладила Сундари по плечу и, притянув ее к себе, сказала:

— Что же ты молчишь, доченька?

Сундари ощущала, как касается ее плеча та самая рука, которая совсем недавно казалась ей мерзкой и грязной, но теперь она чувствовала в себе только любовь и нежность. Взяв одну руку танцовщицы в свои ладони, а к другой, той, что ее гладила, прижавшись лбом, Сундари сказала:

— Матушка, дело мое очень непростое, мне как-то неудобно о нем говорить.

Осторожно высвободив свою руку, Анвар Джан обняла девушку за талию.

— Что ты, доченька, чего тебе стесняться? Что ты попросишь, то я и сделаю.

Однако в ту же секунду танцовщица пожалела о своем обещании. «Ведь я еще не знаю, о чем пойдет речь», — спохватилась она.

Но Сундари сидела, тесно прижавшись к Анвар Джан, и, кроме слова «матушка», от нее ничего нельзя было добиться.

Девушке казалось, будто от этого слова в душе ее что-то расцветает. Как человек, очарованный ароматом какого-нибудь цветка, все вдыхает его и не может насытиться, так Сундари без конца с упоением повторяла одно только слово «матушка».

— Доченька, ну в чем же все-таки дело? — спросила Анвар Джан.

Внимательно глядя ей в глаза, Сундари сказала:

— Матушка, неужели вы не чувствуете отворачивания к своей профессии?

— Что? — Анвар Джан удивленно вскинула брови. — Конечно, я так же презираю эту профессию, как и ты.

— Отчего ж вы не бросите ее?

— Потому что в этом мире нет для меня иной доли. — В глазах Анвар Джан появилось выражение гонимости. Так выглядит человек, которого несправедливо обидели.

— Почему? — спросила Сундари.

— Тебе не понять, доченька...

— Почему, матушка?

— Ты ведь еще совсем молода.

— Ну и что же? — Сундари потупилась.

— Потому-то я и сказала, что ты не можешь понять ни моей нынешней жизни, ни того, как я до нее дошла. Это может понять только та женщина, которой пришлось, подобно мне, тотчас же после свадебной церемонии стать продажной. Родные вышвырнули меня на улицу без всякой жалости — словно муху, попавшую в молоко, и я очутилась в руках подлецов, обманщиков и негодяев.

На лбу Анвар Джан вздулись вены, в глазах горел огонь ненависти. Сундари казалось, что перед ней разъяренная тигрица. Испуганная девушка хотела было встать и уйти, но Анвар Джан не отпустила ее. Она продолжала в каком-то страстном, отчаянном порыве:

— Да, да, представь себе, женщина попадает в мир, где на каждом шагу ее подстерегают обман, бесчестье, предательство. Что ей остается делать, чтобы не умереть с голоду? Только торговать собою! Мужчины играли мною, как куклой, прикидывались кто отцом, кто братом, а потом заставили меня бросить на произвол судьбы моего ребенка. Я тебе сказала, что презираю свою профессию. Нет, нет... это ложь. Я не могу ее презирать, не могу чувствовать к ней отвращение. Ведь она принесла мне богатство и поклонение именитых людей, которые толпятся у моего порога. Моя профессия — это благо, ниспосланное мне богом. Она дала мне все: уважение, богатство, любовь! Единственное, чего я лишена, — это моей маленькой дочери, которую отняли у меня обманом. Но я отомщу за это! Я убью негодяев, разлучивших меня с моим ребенком, уничтожу их, спалю... Я...

Анвар Джан задыхалась от гнева. Казалось, сердце ее вот-вот разорвется, внезапно она зарылась головой в подушки и разрыдалась.

Голова у Сундари кружилась, перед глазами мелькали круги. Не помня себя, она поднялась с постели и спустилась по ступенькам вниз, оставив Анвар Джан одну.

Однако, сделав еще несколько шагов, она остановилась и, сама не зная зачем, вернулась.

Дверь на лестницу была открыта. В темноте Сундари столкнулась с какой-то женщиной. Это была Анвар Джан. В испуге девушка прильнула к ней — в этот миг она походила на ребенка, которому привиделся кошмар.

— Как тебя зовут, доченька? — спросила танцовщица, заглядывая ей в глаза. Она, казалось, уже овладела собою.

— Сундари.

— Где ты живешь? Не знаю почему, но ты мне очень нравишься. Если бы я не нашла тебя внизу, у лестницы, наверно, пошла бы вслед за тобою. Скажи, чем занимается твой отец?

— Он умер.

— А кем он был?

— Бродячим фокусником.

— Вот как? Значит, ходил с обезьянкой и показывал фокусы?

— Да.

Анвар Джан еще раз внимательно посмотрела на Сундари. «Откуда в семье нищего такая красавица?»

— А где твоя мать?

— У меня нет матери.

— Так ты сирота? И давно скончалась твоя мать?

— Не знаю.

— Не знаешь?

— У меня никогда не было матери.

Анвар Джан улыбнулась, услышав такой ответ.

— Она, верно, умерла, когда ты была совсем маленькой.

— Нет.

— Как нет?

— Ее вообще не было.

— Как же ты родилась в таком случае?

— А я и не родилась, — вырвалось у Сундари. «Как глуп мой ответ», — подумала она и смутилась. — Нет, я не то сказала, — поправилась девушка. — Мой отец нашел меня на земле под кустами.

Заметив на лице Анвар Джан волнение, Сундари пожалела, что пришла в такое позднее время. Она поднялась с места.

— Я пойду, матушка! Я и так отняла у вас много времени. Вы, наверно, устали. Зайду как-нибудь в другой раз.

Но Анвар Джан усадила ее.

— Скажи мне точнее, доченька, где именно тебя нашли?

— Совсем рядом, неподалеку от нашей хижины.

И Сундари рассказала все, что ей было известно от старого Роду. Когда, окончив рассказ, она взглянула на Анвар Джан, то увидела на ее глазах слезы.

Сундари поняла, что она вспомнила о своем — то ли умершем, то ли потерянном — ребенке, и, нежно обняв ее, спросила:

— Что с вами, матушка?

Не в силах более сдерживаться, Анвар Джан крепко сжала Сундари в своих объятиях. Она хотела что-то сказать, но из горла ее вырвался только невнятный хрип. Наконец она прошептала:

— Моя бедная девочка! Твоя мать — я; тебя отняли у меня обманом и бросили в лесу!

— Это правда?.. — Сундари едва не потеряла сознание.

Долго сидели они и плакали в объятиях друг у друга.

Уже все слезы были выплаканы, а они все смотрели друг на друга и не могли насмотреться. Сундари чувствовала, как в ее душе вздымаются волны радости и, не отрывая взгляда от Анвар Джан, все повторяла и повторяла:

— Мама, мама, так вы моя мама?

Но Анвар Джан молчала. Она неожиданно отстранила Сундари, встала и, отойдя на несколько шагов, сказала:

— Ты не должна прикасаться к падшей женщине. Я достойна лишь презрения. Каждая вещь в этом доме осквернена грязью порока, и ты не должна здесь оставаться! Скорей, скорей прочь отсюда!..

Она закрыла лицо руками, словно желая скрыть от Сундари бушевавшие в ее груди чувства. Любовь и нежность к дочери уступили место раскаянию и сожалению.

«Что скажет моя дочь, узнав, что ее мать — продажная женщина?» Эта мысль сводила ее с ума.

Сундари же казалось, будто она видит сон, чувство реальности покинуло ее. Вдруг она услышала плач, тихий, жалобный плач, — так плачет провалившийся на экзаменах школьник, оправдываясь перед родителями.

Протянув к Сундари руки, Анвар Джан вдруг заговорила прерывающимся голосом:

— Нет, нет, доченька, я не виновата! Я не сделала ничего дурного! Когда ты услышишь всю мою историю, ты сама скажешь, что я не виновата...

Сердце Сундари разрывалось от сострадания. Она подбежала к Анвар Джан, опустила перед ней на колени и, обнимая ее, сказала:

— Я уверена, что вы ни в чем не виноваты. Но расскажите, какой злодей загубил вашу жизнь?

Анвар Джан поднялась, подошла к кровати, села и, собравшись с духом, рассказала Сундари все, что случилось с ней с того самого дня, когда она оставила своего новорожденного ребенка в лесу.

Сундари была глубоко возмущена. Так вот оно что! Общество, жертвой которого была она сама, общество, которое обрекло на муки ее возлюбленного и ее старого отца, довело до позорного падения ее мать! Все наставления Бачана мигом улетучились из памяти Сундари. Она вскочила с места. Но Анвар Джан еще не кончила своего рассказа, и, сделав над собой усилие, Сундари села.

— Так что было дальше? — спросила она.

— Доченька, я даже передать не могу, какую любовь чувствовала к тебе. И вот мне пришлось оставить тебя под открытым небом, на съедение ястребам и коршунам. Этот негодяй — твой жестокий отец Тара Чанд — бросил меня, больную и беспомощную, без единой пайсы; из всего имущества он оставил только несколько кастрюль.

Сундари заметила, что, произнося имя Тара Чанда, мать преобразилась: на лице ее появилось выражение, какое бывает у человека, замышляющего убийство. Дыхание стало прерывистым, речь — сбивчивой. Отпив из стакана воды и переведя дыхание, она продолжала:

— После его ухода я осталась лежать на соломенной подстилке. Вскоре начались схватки. Дело происхо-

дило глубокой ночью, поблизости не было ни одного дома, где жили бы индусы моей касты. Вдруг я увидела на пороге двух женщин-мусульманок. Это были соседки, которые прибежали на мои крики. Поняв, в чем дело, они сразу же принялись хлопотать вокруг меня. Одна из женщин оказалась повитухой, она помогла мне, сделала все, что нужно. О, горе мне, несчастной! Зачем я тогда не умерла!

На другой день ко мне пришел староста квартала, его позвали мужа тех двух женщин.

— Всю ночь мы сидели возле нее, — сказал муж той, что спасла мне жизнь. — Сначала привели ее в чувство, потом напоили горячим молоком и дали горячительные средства. Еле отходили.

Услышав его слова, староста направился к двери. Но на пороге остановился и сказал:

— Раз она ела и пила из ваших рук, я к этому дому даже подойти не могу. Она осквернила свою веру.

Мусульмане смутились и даже начали раскаиваться в том, что мне помогли. К тому времени я уже полностью пришла в себя. Сердце мое словно окаменело от всего пережитого, и все-таки я была поражена жестокостью старосты.

— Братья, — обратилась я к мусульманам, — индусы не дают мне пристанища, так, может, и вы не разрешите мне остаться у вас?

— Живи у нас сколько тебе захочется, сестра, — сказал один из них. — Мы будем тебя беречь и уважать, первой будем подавать тебе еду, когда сами сядем за стол. Но нас тревожит другое — позволит ли тебе твоя община жить у нас?

Дрожа от ярости, я сказала:

— Моя община? Община, которая считалась со мной не больше, чем с придорожной травой, община, которая ни за что ни про что втоптала меня в грязь! Такую общину я презираю и буду ее презирать до самого смертного часа. Если в ваших сердцах есть сострадание, приютите меня хоть ненадолго!

— Сестра, мы уважаем тебя больше, чем родных сестер, — сказал другой, — и сделаем все, чтоб тебе жилось у нас хорошо, но ведь мы простые рабочие и так бедны, что не можем готовить для тебя пищу, к которой ты привыкла.

Я ответила, что все это не имеет значения и что я разделю с ними их еду, потому что ненавижу индуистскую веру.

С того дня они стали заботливо за мной ухаживать, и я была бесконечно им благодарна.

На пятнадцатый день после твоего рождения опять явился староста.

— Госпожа,—вкрадчиво сказал он,—я уже давно беспокоюсь о твоей судьбе, и вот договорился, чтобы тебя взяли в приют для вдов — он находится в Дели. Там тебе будет хорошо и удобно, там ты сможешь учиться.

Поначалу я не соглашалась, помня, как он обошелся со мной две недели назад, но мои мусульманские братья уговорили меня, и я сказала, что поеду.

На другой день староста усадил меня в тонгу, и мы отправились на станцию. Он купил билеты, мы сели в поезд.

Я заняла место у окна, староста разместился напротив и всю дорогу твердил о том, как хорошо будет мне на новом месте. Вдруг на лице его появилось озабоченное выражение.

— Совсем забыл... — начал он и запнулся.

— В чем дело?

— Видишь ли... У них такое правило: в приюте не разрешается жить с грудными детьми.

В ту минуту я как раз кормила тебя.

— Что же мне делать? — спросила я, глядя на твое лицо.

— На следующей станции живет одна моя родственница. Если хочешь, я оставлю у нее твою девочку. На время, конечно! Когда она подрастет, ты сможешь забрать ее к себе.

Я была в большом смятении, никак не решалась последовать его совету, но староста сумел рассеять мои опасения.

На следующей остановке мы сошли. Наняли тонгу, доехали до какой-то деревни — это был, как потом выяснилось, Диванпур.

Староста велел мне подождать его на окраине, под деревом, и ушел. Через некоторое время он возвратился и сказал:

— Ну, все в порядке! Я договорился со своей родственницей — она возьмет твою дочь. А теперь подойди

вон к тому высокому кусту, возле хижины, и оставь там ребенка. Немного погодя мои родственники выйдут и заберут его; я не хочу, чтобы они тебя видели, — к чему лишние разговоры!

Скрепя сердце я подошла к этим кустам и сделала все, как он велел. Только потом я узнала, что он ни с кем не договаривался, все это был чудовищный обман.

Но тогда он еще раз заверил меня, что скоро, как только девочка немного подрастет, он привезет ее ко мне в Дели. Если бы он не подбадривал меня, я бы, наверно, потеряла сознание: так тяжело было у меня на душе.

В Дели он повел меня в какой-то дом.

— Это дом моего друга, — объяснил он, когда мы вошли в пустую, богато убранную гостиную.

Вечером он привел служанку, а сам ушел, сказав:

— Утром я отвезу тебя в приют.

Хотя постель моя была удобна, а вокруг стояла тишина, я никак не могла уснуть — все думала о тебе. Служанка всячески меня успокаивала, но я проплакала всю ночь.

Утром я умылась и стала ждать старосту. Вдруг в комнату вошла какая-то старуха и села возле меня. Вид ее показался мне подозрительным, но, прежде чем я успела что-нибудь спросить, старуха сказала:

— Ну как, дочка, ночью тебя никто не беспокоил? Я была занята, не могла прийти сама и послала служанку — она у меня сметливая, знает, как угодить. Надеюсь, ты довольна?

Слова ее привели меня в полную растерянность, оглядев старуху с ног до головы, я спросила:

— Разве этот дом ваш?

— Я здесь хозяйка, милая. А самого хозяина зовут Карим.

— Господин староста не приходил?

— Какой еще староста?

— Да тот самый, что привез меня, чтобы поместить в приют для вдов.

— Ах, милая, да разве упомнишь всех господ, что у нас бывают, — рассмеялась старуха. — Но я поняла, что ты спрашиваешь про того человека, который мне тебя продал. Он уехал ночным поездом, но обещание, которое он тебе дал, выполнил. Ты хотела попасть в

приют для вдов — так вот, ты в нем и находишься! Ты, конечно, иначе представляла себе это заведение, но ты ошибалась. Настоящий приют для вдов — именно здесь! Тысячи вдов находят у нас покровительство и живут, окруженные заботой и любовью.

Что было делать? Куда бежать? Я плакала, билась в истерике, несколько дней не притрагивалась к еде, не пила воды, но на окружающих это не производило никакого впечатления. Старуха всячески утешала меня, сулила золотые горы и райское житье. Но когда увидела, что я упорно не поддаюсь, она поручила меня заботам одной из своих девушек. День и ночь уговаривала меня эта девушка, и наконец ей удалось добиться своего. Может быть, я продолжала бы упорствовать, если бы она не рассказала мне историю своей жизни: ее, брахманку по касте, выдали замуж в хорошую семью, но община довела ее до того, что ей пришлось пойти на панель.

Когда я услышала ее рассказ, все во мне оборвалось, и я сдалась на ее уговоры.

В свою очередь я поведала ей о себе. Мне показалось, что она была сильно взволнована, услышав мой рассказ.

— Знаешь что, — сказала она, — не думай о горестях. Нам нужно отомстить обидчикам; уж коли они нас втоптали в грязь, так давай сильнее в ней вымажемся, пусть им будет совестно глядеть, как мы, падшие женщины, торгуем собой.

И вот, начиная с того дня, я распростилась с остатками веры, чести и совести и, превратившись из Гурдеи в Анвар Джан, стала учиться музыке, пению и танцам. Всевышний не обделил меня способностями, и в скором времени я так преуспела в этих занятиях, что обо мне заговорили.

Дитя мое, теперь ты видишь, чего можно ждать от общины. Я была честной женщиной, а они столкнули меня на самое дно грязной ямы.

А теперь? Теперь я мусульманка, женщина легкого поведения, но те же самые индусы, знатные, богатые, считающие себя образованными и благочестивыми людьми, сидят в моей гостиной, на коленях умоляют меня о любви и счастливы, если я до них снизойду.

Знаешь ли ты, доченька, чью свадьбу сегодня справляют? Сегодня женится мой пасынок. Приди ты сюда

на полчаса раньше, ты увидела бы забавное зрелище. Старший брат жениха, другой мой пасынок, Карам Чанд, который в свое время не только не дал мне куска хлеба, но выгнал из дому из-за того, что мне предоставили приют мусульмане, так вот этот самый Карам Чанд недавно был здесь вместе с этим старым негодяем — пандитом.

Хочешь знать, зачем они приходили? Пав на колени, Карам Чанд униженно молил свою прежнюю мачеху о любви! А этот безмозглый пандит! Ведь это он сначала приютил меня у себя и звал «доченькой», а потом продал подлому Тара Чанду; так вот и он тоже явился сюда — и тоже потребовал любви у своей духовной дочери! Ах, Сундари, если бы ты видела, как они томились и вздыхали, как умоляли снизойти к их чувствам, тебе бы расхотелось жить... Они так бы и простояли всю ночь у моих дверей, если б я не пообещала принять их завтра.

И ты, может быть, хочешь знать, зачем я сюда приехала? Во всяком случае, не для того чтобы заниматься своим ремеслом. О нет, я занималась им только тогда, когда у меня не оставалось другого выхода. Так вот знай, Сундари, дитя мое, я приехала в Диванпур, чтобы свести счеты с этими двоими! О, как долго ждала я этого часа! И вот он настал! Но месть моя будет не полна, если Тара Чанд ускользнет от меня. До сих пор я нигде не могла его разыскать. Но если когда-нибудь представится случай...

Сундари была в таком гневе, что все советы и наставления Бачана Сингха тотчас вылетели у нее из головы. Так иногда человек пытается поддержать падающее деревцо, но могучий ураган вырывает его с корнем и уносит с собой.

— Я отомщу за вас, мама! — воскликнула она, услышав последние слова Анвар Джан. — Я ваша дочь, и только его кровь сможет потушить пламя мести, которое пылает в вашей и моей груди. С этого дня я тоже буду его искать!

Сундари встала и, шатаясь, спустилась вниз по лестнице.

Анвар Джан сидела одна. Перед ней проходили картины прошлого, и ей казалось, будто все это страшный сон.

На улице Сундари заметила Бачана, который поджидал ее, прохаживаясь взад-вперед. Было около двух часов ночи, когда молодой человек и девушка подошли к дому Бачана.

27

Войдя в дом, Бачан Сингх зажег лампу, и когда свет озарил лицо Сундари, он не на шутку испугался: глаза девушки горели гневом, губы кривились в зловещей усмешке.

Бачан положил руку на плечо Сундари:

— Что с тобой?

— Ничего, — ответила она и, не желая, чтобы Бачан прочитал ее тайные мысли, поспешила переменить тему.

— Вы были на свадьбе? — спросила она как можно спокойнее.

— Нет, я сидел дома. Почему у тебя такие красные глаза, Сундари?

Девушка потерла глаза кончиками пальцев, словно хотела показать, что это у нее от бессонной ночи.

— Почему у меня красные глаза? Это все вы виноваты.

Услышав это, Бачан решил, что поручение его выполнено как нельзя лучше.

— Ну, расскажи, что получилось из твоей затеи? — попросил он, подбадривая ее улыбкой.

— Получилось то, чего я и хотела.

— В самом деле?

— Да.

— Просто не верится.

— Отчего же? Все вышло как нельзя более удачно, удачнее не бывает.

— Ничего не понимаю... Расскажи по порядку.

Рассказывать по порядку Сундари не стала, а кратко объяснила, что Анвар Джан дала ей слово не заниматься больше своим ремеслом.

Бачан взглянул на Сундари с недоверием:

— Она, видно, солгала тебе, чтобы как-нибудь от тебя избавиться.

Но Сундари оставалась спокойной, она прониклась убежденностью в своей правоте.

— Анвар Джан больше не станет заниматься своим прежним ремеслом, — повторила она, — она не будет ни петь, ни танцевать, ни приглашать к себе мужчин, помните мои слова!

— Если это так, то я должен буду признать, что ты сотворила чудо — сбила из песка масло! Но пойми, завтра-послезавтра Анвар Джан со своей труппой уедет в другие места, и там все начнется сначала.

— Ошибаетесь, повторяю, она дала слово навсегда покончить со своим ремеслом. Вчерашнее выступление было последним в ее жизни.

— Но возможно ли это, Сундари? — спросил Бачан, вглядываясь в ее лицо. — Перестанет ли коршун питаться мертвечиной, даже если поклянется, что стал вегетарианцем?

Сундари еще раз повторила, что совершенно уверена в Анвар Джан, хотя и не сообщила никаких подробностей о своем с нею разговоре. Она боялась, что если Бачан узнает об обещании, которое она дала матери, то не только посмеется над нею, но и сделает все, чтоб отговорить ее.

Однако Бачан ни о чем больше не расспрашивал Сундари, довольный, что ее встреча с певицей завершилась таким счастливым концом.

— Ах, Сундари! — радостно твердил он. — Поздравляю тебя с успехом.

— Это нас обоих надо поздравить с успехом, — сказала Сундари. — Мы добились его совместно.

— А когда же мы будем по-настоящему вместе?

— Разве сейчас мы не вместе?

— Нет, Сундари, пока еще нет! И победа наша еще далека, пока мы только сделали к ней первый шаг.

— Но ведь мы уже единое целое, и это единство будет вечным.

— В духовном отношении да, но, милая Сундари, в глазах общества мы пока еще не единое целое.

Сундари жжала руку Бачана.

— В глазах общества? О каком обществе вы говорите? Уж не о том ли самом обществе, которое ослеплено завистью, лживостью, злобой? Только слепота мешает ему видеть, что мы едины! Так что лучше не упоминайте о нем. Вы считаете его обществом людей, а я...

Щеки Сундари запылали багровым румянцем, дыхание сделалось прерывистым.

Бачан испугался: ему показалось, будто она вот-вот сойдет с ума.

Говорят, что если опытный врач начинает лечить неизлечимого больного, то вначале он добивается некоторого улучшения. Однако проходит немного времени, и болезнь вспыхивает с новой силой.

Так случилось и с Сундари. Бачан Сингх пытался повлиять на Сундари, но прежде чем он сумел убедить ее в своей правоте окончательно, под влиянием встречи с Анвар Джан она вернулась к своим прежним убеждениям, и на лице у нее появилось мрачное выражение.

— Что с тобой, Сундари? — встревоженно спросил Бачан. — Ты снова смотришь на мир сквозь черные очки? Почему?

Но тут он подумал, что продолжать этот разговор — значит еще больше растревожить девушку, и решил переменить тему.

— Ну ладно, не буду тебя расспрашивать, — сказал он, — давай лучше подумаем о том, что нам делать дальше. Как ты считаешь?

Сундари постаралась овладеть собой. Она понимала, что ее поведение должно казаться странным — ведь Бачан не знал о ее разговоре с матерью.

— В последнем письме вы писали, что не можете уехать, — сказала она как можно спокойнее, — но теперь, когда сложилась такая обстановка...

— Да, это верно. Пока я здесь, нужно продолжать работу. Первые успехи уже налицо. Я чувствую прилив бодрости от сознания того, что наша работа приносит кое-какие плоды, и, честно говоря, очень надеюсь на твою помощь. Потому я и хочу, чтобы мы скорее...

— Но я же ничего особенного не сделала, — прервала его Сундари, — всем, что я умею, я обязана вам. Вы научили меня всему... Так что же вы собираетесь делать в ближайшем будущем?

— Мне бы хотелось... Впрочем, едва я об этом заговариваю, как у тебя портится настроение.

— Что вы имеете в виду?

— Что нам необходимо пожениться. Брак поможет нам открыто, ни от кого не таясь, идти вдвоем к нашей цели.

Сундари, улыбаясь, пожала плечами.

— Что меняет эта условность?

— Многое.

— А мне кажется — ничего.

— Тогда объясни: почему?

— А вот почему: если каждый из нас будет делать то, что ему диктует совесть, то, хотя мы будем и врозь, мы все равно исполним свой долг.

— Я что-то не понимаю, что ты хочешь сказать. Мне даже страшно.

— Страх и любовь несовместимы. Я хочу сказать, что...

Девушка запнулась. Бачан встревожился еще сильнее.

— Договаривай! — воскликнул он.

— Я хочу... я хочу, чтобы вы меня на время забыли...

— Забыть тебя? О Сундари! Что ты говоришь? Ты совсем изменилась после встречи с этой Анвар Джан!

— Да, да, да! Забудьте меня! — повторила Сундари, словно одержимая. — Ну, а если не можете, пускай у вас сохранится воспоминание — но только воспоминание! — о Сундари.

Бачан порывисто схватил Сундари за руку:

— Во имя всевышнего, умоляю тебя, не говори таких слов! Пощади меня, подумай, какую боль ты мне причиняешь!

— Не надо так волноваться! — сказала Сундари. — Я принадлежу только вам и всегда буду вашей! Не испытывайте моего терпения, не заставляйте меня нарушить данное мной обещание.

Сундари не могла погасить огонь, бушевавший в душе Бачана. Она только могла раздуть его еще сильнее, ибо такой же огонь пылал в ее собственной душе.

— Не говори недомолвками, Сундари, расскажи без утайки, что случилось? — воскликнул юноша.

— Ну что ж, хорошо... я расскажу вам все... — запинаясь, начала Сундари. — Я хорошо понимаю, сколько горя пришлось вам вынести из-за меня. Но если я останусь здесь, один бог знает, что вам еще придется пережить. Поэтому я и хочу уехать от вас. Пока жива ваша мать, будьте ей хорошим сыном, ухаживайте за ней.

Исполните ее просьбу — не покидайте ее. А еще лучше — женитесь: она будет счастлива, забудет о всех своих невзгодах!

Слова ее больно ранили Бачана. Прикрыв одной рукой глаза, а другой сделав знак Сундари замолчать, он прошептал:

— Прошу тебя, перестань! Если мне и суждено обручиться с кем-нибудь другим, кроме тебя, так только со смертью! У меня больше нет сил ни говорить, ни слушать!..

Сундари, казалось, не слышала его: в такое глубокое раздумье она погрузилась.

Видя, что она в сильном волнении, Бачан решил уйти, с тем чтобы вернуться к прерванному разговору, когда Сундари успокоится...

Небо светлело, приближался рассвет — ночь пролетела незаметно.

— Уходите? — тихо спросила Сундари, когда Бачан встал и направился к двери.

— Да, — сказал он с вымученной улыбкой. — Но я уверен, что дождусь дня, когда ты выбросишь из головы эти нелепые мысли.

— На все воля божья, — ответила девушка.

Бачан ушел к себе. Перед покрасневшими от бессонной ночи глазами Сундари стоял облик Анвар Джан.

28

Пахнуло предутренней прохладой, и вскоре веки Сундари смежились. Ей приснился сон, страшный, мучительный сон! Небесный свод, солнце, луна — все окрасилось в кроваво-красный цвет. По земле текли кровавые ручьи. «Кровь! Кровь!» — пронзительно кричали птицы с вершин деревьев, и вода в реках, колодцах и прудах тоже превратилась в кровь.

Куда бы ни шла Сундари, повсюду ей слышалось журчание кровавых ручьев. Кровь капала с ее одежд, с волос, кровь струилась из ее глаз и рта. Но вот, споткнувшись, она упала в кровавую реку, где плавали похожие на крокодилов гигантские чудовища, жадно пожиравшие мелких рыбешек. В воде стоял неистовый шум, чудовища кричали: «Кровь! Кровь!»

Сундари чувствовала, что опускается на самое дно этой омерзительной реки. Дыхание замерло у нее в груди, и она в ужасе закричала, но не услышала собственного голоса. Она с трудом открыла глаза и увидела, что лежит на постели, прижав руки к груди.

Комната была залита лучами солнца, которые показались Сундари алыми, как кровь. В ее ушах все еще звучало: «Кровь! Кровь!»

Глаза у Сундари слипались, но она пересилила себя и села на кровати. Солнце стояло высоко, и ей послышались крики: «Кровь! Кровь!»

Она опрометью кинулась к дверям, распахнула их и увидела среди густой толпы деревенских жителей Бачана Сингха. На руках у него были наручники.

Тут же была его мать, с распухшим от слез лицом; она в отчаянии ломала руки.

— Бачан Сингх совершил три злодеяния: убил танцовщицу, старого пандита и Карам Чанда! — проговорил кто-то.

— Что? Бачан убил?.. — У Сундари потемнело в глазах.

Полицейский конвой повел Бачана в участок.

Растолкав толпу, Сундари подбежала к Бачану, обняла его, а затем с пронзительным криком рухнула к его ногам.

Толпа двинулась дальше, а Сундари осталась лежать на земле.

* * *

Все это время Бачан Сингх был словно в забытьи и опомнился только, услышав крик Сундари. По дороге в участок он несколько раз оглядывался. Хотел остановиться, но полицейские пинками гнали его дальше.

По всей деревне разнеслась страшная весть: «Бачан Сингх этой ночью убил трех человек!»

29

Когда сознание вернулось к Сундари, она увидела, что лежит в своей комнатке в деревне Равани. Одежда на ней была порвана и в пыли. Около ее кровати стояли жители Равани, принесшие ее туда. «Бачан убил трех человек», — сказал кто-то ей на ухо.

Перед глазами Сундари вновь поплыли кровавые круги, ей казалось, будто внутри у нее разорвалась бомба.

Минут пять она лежала как мертвая, ничего не чувствуя и не понимая. Когда она наконец очнулась, ей почудилось, будто арест Бачана приснился ей в кошмарном сне. Она вскочила и как безумная, кинулась бежать в Диванпур. Ее хотели остановить, но не догнали. Вскочив в тонгу, она велела как можно быстрее ехать к дому Бачана. Сада Каур лежала без сознания на кровати, а над ней хлопотали соседки.

Сундари стояла молча, с блуждающим взглядом. Никто не сказал ей ни слова. Когда Сада Каур пришла в себя, Сундари бросилась к ней. При виде ее лицо Сада Каур исказилось от гнева.

— Уходи отсюда, подлая! — воскликнула она, оттолкнув Сундари. — Это из-за тебя обрушились на нас все несчастья! С того самого дня, как мой мальчик увидел тебя, жизнь его пошла прахом! Ты разрушила и погубила нашу семью! Если бы не ты, он был бы счастлив! Убейся, и пусть покарает тебя господь!

Ярость вернула Сада Каур силы, и она вскочила с кровати, готовая кинуться на Сундари.

Если б Сундари услышала такие слова раньше, трудно даже представить, что бы с ней было. Но теперь она молча и терпеливо выдержала этот взрыв. И только когда он утих, она вышла на улицу и поспешно направилась в полицейский участок.

Вгорячах не чувствуешь боли от удара, ее начинаешь ощущать лишь через некоторое время. Так было и с Сундари. По дороге она мало-помалу осознала случившееся. «Как, его обвиняют в убийстве? Боже мой, какой ужас!» Сундари была в отчаянии: так, наверное, чувствует себя загнанная лань, которая знает, что ей нет спасения.

Она вспомнила о его бедной старой матери. Каково ей сейчас? Те, кто ее окружает, льют притворные слезы. Они, словно мухи, слетелись на чужую беду... Вся деревня давно уже ненавидит Бачана Сингха, желает ему смерти!.. Что же делать?

Ясно было одно: оставаться в Равани нельзя, тут она будет во власти Пала Сингха, перед которым трепещет вся деревня, и помочь ей не смогут даже те, кто поддер-

живал Бачана Сингха и уважал его. И ему они тоже не помогут. Сделают вид, что не слышат его просьб о помощи.

«Оставаться не только бесполезно, но и опасно, — подумала Сундари. — Но как мне уйти? Сейчас, когда моему любимому угрожает смерть?»

Впервые Сундари поняла, сколь слабы, сколь беспомощны женщины в этом мире.

Сундари напряженно искала выхода, но так и не могла его найти. Более всего ее мучила мысль о том, что она ничем не может помочь своему возлюбленному. Девушка презирала себя и всерьез подумывала, не покончить ли ей счеты с жизнью. Но что-то в ее душе восставало против этого. «Как опрометчиво поступила моя мать! Уж если она решила убить своих врагов, а потом себя, почему она не оставила записку с объяснением своих поступков!»

В этих размышлениях Сундари подошла к полицейскому участку. Но как ни упрасивала она разрешить ей свидание с Бачаном, в ответ она слышала только грубую брань.

Весь день она бродила возле участка, подвергаясь оскорблениям и унижениям. Потом она стала ходить из дома в дом, умоляя влиятельных диванпурцев похлопотать о том, чтобы ей дали свидание. Но никто не желал ее слушать. Ее осыпали градом упреков и насмешек.

Наконец, измученная, вся в слезах, спотыкаясь и чуть не падая, добралась она до своей комнатки в Равани.

Страдания, которые испытала в тот день Сундари, могут сравниться только с муками птицы, которую поджаривают заживо. Всю ночь Сундари пролежала у себя, не притрагиваясь ни к еде, ни к питью.

На рассвете кто-то окликнул ее с улицы. Это был солдат из полицейского участка, он принес ей письмо от Бачана. Солдат тотчас же ушел, а Сундари жадно стала читать:

«Дорогая Сундари!

Случилось то, что не привидится и в самом страшном сне. Все надежды и планы рухнули в один миг. Что с тобой теперь будет? Душа у меня горит, когда я думаю, что драгоценный камень, который я нашел с таким

трудом, который я хотел сделать украшением своей жизни, валяется теперь в пыли, и все топчут его ногами, даже не догадываясь о его ценности!

О, если бы я мог хоть что-то для тебя сделать, доставить тебе хоть минутную радость! Но, видно, не дано мне, несчастному, сделать тебя счастливой! Сундари, когда-то ты написала мне слова, над которыми я смеялся, но ты оказалась совершенно права.

Слова твои о ветре и хрупком цветке содержат глубокий философский смысл, понять который я смог только сейчас.

Богиня, сошедшая с неба! Что-то говорит мне, что больше мы не увидимся, — судьба не пошлет нам этой радости.

Меня обвиняют в убийстве трех людей, и я не надеюсь на оправдание... Насколько я знаю, до суда нам так и не разрешат увидеться.

Но я хочу знать, Сундари, веришь ли ты, что я не виновен? Неужели и ты подозреваешь меня в убийстве? Пусть все назовут меня убийцей, пусть суд приговорит меня к смерти, — мне это безразлично. Но ты! Если и ты не веришь мне, все кончено!

Переправить тебе это письмо стоило мне большого труда. Когда посыльный придет к тебе снова, передай ему свой ответ так, чтобы никто не видел: бедняга может потерять свое место.

Кроме тебя, я написал еще и гьяни Дидару Сингху. Он живет теперь в Хардваре и скоро приедет за тобой. Остаться в Диванпуре для тебя опасно.

Да, еще одно... Не пытайся увидеться со мной, это будет только лишним испытанием для меня. Я постараюсь время от времени тебе писать. Считаю, что письма эти и есть наши встречи.

Я хотел бы, чтобы в эти тяжелые дни ты не падала духом. Достаточно того, что я страдаю... Бьют часы, и каждый удар их несет мне новое горе. Сердце ноет и рвется из груди...

Но зачем я пишу тебе об этом? Ведь я думал вселить в тебя мужество, а поступаю как раз наоборот.

Сейчас мне кажется, будто я и в самом деле разговариваю с тобой. О, какое это счастье! Все беды, прошедшие и будущие, отступают далеко, далеко...

Твой *Бачан Сингх*.

Пока Сундари читала это письмо, выражение ее лица несколько раз менялось. Когда она кончила, брови ее сдвинулись, глаза сверкнули гневом. Она схватила калам и принялась писать ответ:

«Дорогой Бачан, счастье всей моей жизни!

Я получила твое письмо. Как быстро ты отчаялся! Ведь ты же не виновен! Так чего тебе бояться? Может, ты тревожишься за меня?

О мой возлюбленный! Крепись! Когда-то я была слабой и хрупкой, как цветок, но после всего, что мне пришлось перенести, я стала тверже стали.

Любимый! Люди отворачиваются от меня, но я и сама не хочу смотреть на этот мелочный и лживый мир. Ты говоришь, что не смог дать мне счастье? Ты ошибаешься! Когда в своем письме я писала о цветке и ветре, я еще не знала, что такое любовь, а теперь я понимаю все величие этого чувства, которое поддерживает меня во всех несчастьях.

Мой повелитель! Если прежде я любила твою телесную оболочку, то теперь я люблю твою душу, и никакая опасность не может меня напугать, я знаю, что никто тебя у меня не отнимет!

Даже смерть не должна страшить тебя, мой возлюбленный. Ведь то, что называют смертью, всего лишь ступень жизни. Нас ждет возрождение в ином мире, где мы станем единым целым, где нашу любовь не осквернят горящие завистью глаза, — там будем мы супругами и наши объятия не сможет разомкнуть даже сам Брахма! И ты называешь это смертью? Ты не прав, любимый! Тысячу раз не прав!

Сердце подсказывает тебе, что мы расстаемся навеки? Нет, нет, любимый, это неправда. Напротив, скоро мы соединимся, соединимся, чтобы больше не разлучаться.

Могу ли я сомневаться в твоей невинности? Я не только считаю тебя невинным, но и знаю, кто истинный убийца. Но кому сказать об этом? Кто станет меня слушать?

Я убеждена, что тех двоих мужчин убила Анвар Джан, затем она покончила с собой. Она при мне пригласила их к себе и, видимо, уже тогда замыслила их

убить. Я все время думаю, как сообщить об этом судьям.

Ты хорошо сделал, что известил гьяни-джи, но я не могу уехать с ним в Хардвар, оставив тебя одного под угрозой смерти. Неужели я ничего не придумаю, чтобы тебя спасти? И уж во всяком случае, я не оставляю то благородное дело, которому ты посвятил свою жизнь. Я буду звать людей на борьбу за переустройство общества с его косными традициями. Настанет час, и неудержимый поток смочет с этого мира всю грязь, всю нечистоту.

Мой повелитель! Возьми себя в руки, не поддавайся страху. Со вчерашнего дня я добиваюсь, чтобы мне дали свидание. Прости, что я нарушаю твой запрет.

Ты призываешь меня быть стойкой в час испытаний: не беспокойся обо мне, лучше укрепи свое сердце. Только это и может сделать меня счастливой.

Навеки твоя *Сундари*».

30

Все время, пока велось следствие, Бачан Сингх сидел в тюремной камере. Солдат, который отнес его письмо Сундари и пришел с ответом от нее, теперь помог ей добиться свидания.

Было пять часов вечера. Арестованных, которым было разрешено свидание, вывели из камер на веранду, примыкавшую к зданию тюрьмы. В числе их находился и Бачан.

Стоя у решетки, он с нетерпением ожидал Сундари. Увидел он ее еще издали, и сердце заколотилось у него в груди так сильно, что ему пришлось сесть. Бачан едва узнал свою возлюбленную. Лицо ее было восково-бледным, как у покойницы; одежда — грязная, волосы в беспорядке спадали на плечи. Шла она, спотыкаясь, и казалось, вот-вот упадет.

— Любимая моя! Сундари! Куда девалось все твоё мужество? Ты же сама учила меня стойкости! — воскликнул Бачан и, протянув руки сквозь решетку, схватил Сундари. Девушка словно не слышала его. За все эти дни она не пролила ни слезинки, но тут вдруг безудержно разрыдалась.

— Сундари, давай поговорим с тобой, у нас очень мало времени, — прошептал Бачан.

Девушка наконец овладела собой и утерла слезы.

— Прости меня, я потратила попусту драгоценное время.

— Ничего, у нас еще осталось минут двадцать— двадцать пять. Я знал, что ты расстроишься, потому и писал тебе, что встреча будет для тебя тяжела.

— Что поделаешь!— вздохнула девушка.— Я должна была тебя увидеть. Мне нужно кое-что тебе сказать.

— В чем дело?

— Я обманула тебя, не сказала тебе всей правды.

— О чем ты?

Тут Сундари рассказала ему о событиях того вечера, который она провела у Анвар Джан.

Бачан был потрясен. До сих пор он думал, что его арест — дело рук Пала Сингха и что все три убийства совершил Пала Сингх со своими приспешниками. Сначала только он не мог понять одного: допустим, Пала Сингх хотел упечь его в тюрьму и ограбить Анвар Джан, но зачем ему понадобилось убивать Карам Чанда и старого пандита? Но потом Бачан решил, что эти двое зашли к Анвар Джан в то же самое время, и Пала Сингх убил их, чтоб замести следы.

Узнав, как обстояло дело в действительности, Бачан содрогнулся. Страшной смертью умерла мать его дорогой Сундари! Долгое время он не в силах был вымолвить ни слова.

«Теперь он знает, что я дочь проститутки», — думала Сундари, глядя в пол.

Бачан угадал, что творится у нее в душе.

— Что случилось, то случилось, — сказал он. — Послушай, Сундари, гьяни-джи до сих пор не приехал?

— Нет. Может быть, позже, к вечеру приедет.

— И вы оба уедете утренним поездом?

— Я не поеду.

— Почему?

— Я должна выступить на суде.

— Зачем?

— Я расскажу судьям то же, что рассказала тебе. Я докажу, что ты не виновен.

Бачан горько усмехнулся.

— Кто поверит твоим словам, дорогая? Если бы Анвар оставила хоть клочок бумаги с объяснением своих поступков, или такое показание дал кто-нибудь другой, а не ты, то я, может быть, был бы спасен, но если выступишь ты, люди только посмеются над нами обоими.

— Ну и пусть смеются! — воскликнула Сундари. — Пусть знают, что я дочь проститутки! Что мне до этого!

— Нет, Сундари! Я не могу допустить, чтобы это открылось. Если ты меня по-настоящемулюбишь, сохрани тайну... Кроме того, суд не примет во внимание твои показания. Ведь их никто не подтвердит... И все-таки удивительно, что Анвар Джан не оставила записки...

— Видимо, она не могла этого сделать — ведь ей надо было бы тогда упомянуть мое имя, а ей не хотелось, чтобы люди узнали, что я ее дочь. Разве могла она предположить, что обвинят в этих убийствах дебя?

Им еще многое нужно было обсудить, но в эту минуту раздался звонок, возвещающий о конце свидания. Подгоняемые пинками конвойных, арестованные побрели к своим камерам. Увели и Бачана. У Сундари потемнело в глазах. Она как будто ослепла и потеряла слух: не слышала даже слов, которые сказал ей Бачан на прощание.

31

Гьяни Дидар Сингх приехал на следующий день и тут же уехал с Сундари в Амритсар, где должен был состояться суд.

Судебный процесс над Бачаном Сингхом привлек большое внимание. Всех интересовало, каков будет приговор. Рассчитывать на оправдание обвиняемому не приходилось. Его старания предотвратить выступления приезжей труппы рассматривались, как подготовка к кровавому убийству. А в том, что он ходил вокруг дома, где остановилась Анвар Джан в ту злополучную ночь, видели явное подтверждение его вины. К тому же Пала Сингх и его приспешники постарались в своих показаниях очернить личность Бачана.

А теперь вернемся назад. Как же обстояло дело в действительности? Едва Сундари ушла от Анвар Джан, та послала одного из своих слуг за Карам Чандом и пандитом Радхекришнаном. Оба истолковали ее приглашение, как обещание блаженства. И незамедлительно явились. Прежде чем убить их, Анвар искусно разыграла любовную сцену. До прихода к ней гости изрядно подвыпили, а Анвар поднесла им еще несколько рюмок. Она напоила своих врагов и рассчиталась с ними двумя ударами кинжала. Третий удар она нанесла себе.

Наутро Анна — старая служанка Анвар — постучалась к своей госпоже. Ответа не было. Испуганная Анна побежала к соседям. У дома, где остановилась на ночлег Анвар, начала собираться толпа; когда выломали дверь, представилось ужасное зрелище: залитая кровью комната, а на полу три бесчувственных тела.

Когда Пала Сингх узнал о случившемся, радости его не было границ. Он немедленно вызвал полицию и главным действующим лицом этой кровавой драмы объявил Бачана.

За что были убиты три этих человека? И кем? Никто, кроме Сундари, этого не знал. Но большинство считало, что это дело рук Бачана. Почему? Да потому, что Бачан яростно возражал против приезда танцовщицы в Диванпур. «Видно, не нашел иного средства помешать их выступлениям, кроме убийства», — говорили одни. «Но для чего же тогда он зарезал двух малознакомых ему людей?» — возражали другие. Вскоре, однако, подозрение переросло в уверенность, в особенности, когда свидетели показали следующее: «Пандит Радхекришнан и Карам Чанд пришли к Анвар Джан, чтобы договориться с ней еще об одном концерте. Они обнаружили в комнате убитую Анвар и Бачана с ножом в руках. Чтобы скрыть преступление, он убил и обоих свидетелей». Несчастная Сада Каур плакала и билась в истерике, теряла сознание. А Сундари металась между зданием суда и домом адвоката.

Сундари была свидетельницей защиты, она дала свои показания тогда, когда состав преступления считался почти доказанным.

Она рассказала все как было, но суд не усмотрел никакой связи между ее длинным трогательным рассказом и совершенным преступлением. Кто такая была Анвар? Что ей сделали Карам Чанд и пандит Радхе-кришнан? Почему Анвар вела развратный образ жизни?

Сундари отвечала на эти вопросы, но где ей было взять доказательства? Тех троих, что могли подтвердить ее слова, не было на свете. Оставался единственный свидетель — Тара Чанд, о котором не было известно ничего — мертв ли он, жив ли, а если жив, то где находится.

Защитник с большим огорчением сказал Сундари:

— Вот если б на суде был твой отец — Тара Чанд, может быть, мы и спасли бы обвиняемого. Постарайся его разыскать.

Итак, показания Сундари не имели в глазах суда никакой цены, хотя она в своей речи ясно заявила, что ее мать — Анвар Джан — дважды поклялась в ее присутствии убить обоих мужчин. Но судьи не поверили Сундари — ведь ее не было в комнате во время преступления. Поэтому все ее слова они склонны были считать выдумкой или бредом.

Следствие по делу Бачана было окончено. Выступление в суде не принесло Сундари ничего, кроме новых неприятностей: если раньше ее звали «дочкой неприкасаемого», то теперь стали называть «дочерью потаскухи».

Известное дело, суды и законы рабски служат богатым и притесняют бедняков. Они повинуются малейшему указанию своего хозяина-богача и заставляют плясать под его дудку неимущих.

Во время судебного следствия Бачан Сингх несколько раз встречался с Сундари, с Сада Каур и с гьянджи. Я не хочу расстраивать читателей описанием этих горестных свиданий.

В конце концов суд приговорил Бачана Сингха к смертной казни через повешение. Услышав приговор, Сада Каур лишилась чувств.

И Сундари тяжело перенесла этот удар, но жажда мести, горевшая в ее душе, не позволила ей пасть духом, напротив, она еще более укрепилась в своем решении отомстить за все.

Гьяни-джи и Сундари поселились в небольшом домике в одном из переулков Амритсара.

Все их попытки спасти Бачана не принесли никакого успеха. В верховный суд была послана апелляция, но Сундари знала, что это пустая формальность, которая ничего не может изменить.

С каждым днем в сердце девушки крепло решение отправиться на поиски Тара Чанда, хотя она понимала, что это такое же трудное дело, как искать иголку в стог сена. Сундари не могла себе простить, что не выспросила у Анвар Джан каких-нибудь дополнительных сведений об отце. Как могла она его отыскать, не зная даже никаких примет? Ей было только известно, что Тара Чанд служил клерком в одной из контор города Сиалкота. Сундари отправилась туда и потратила несколько дней на розыски, но, как и следовало ожидать, они оказались безуспешными: Тара Чанд действительно работал в Сиалкоте, но это было более восемнадцати лет тому назад. Сундари пришлось ни с чем вернуться в Амритсар.

Однако неудача ее не обескуражила. Она не теряла надежды разыскать отца и продолжала наводить справки. Чтобы не умереть с голоду, ей пришлось снова взяться за перо. Она писала с таким увлечением, что даже забывала есть и пить. Прошло два-три месяца, прежде чем верховный суд вынес наконец свое решение. За это время несколько ее рассказов было напечатано в панджабских журналах. Об их анонимном авторе заговорили в литературных кругах.

Гьяни Дидар Сингх очень полюбил Сундари и всячески старался утешить ее и ободрить. Но ее сердце, пылавшее жаждой мщения, было глухо к его увещаниям. День ото дня Сундари слабела, казалось, она чувствовала отвращение ко всему на свете и жизнь представлялась ей невыносимым и ненужным бременем. Ее поддерживала только одна мысль — мысль об отмщении.

Но однажды ее безразличие было поколеблено. В тот день она получила письмо от Бачана. Сразу же узнав почерк любимого, она, сильно взволнованная, вскрыла конверт. Когда она прочитала первую строчку: «Сундари,

моя единственная любовь...», голова у нее закружилась, но она овладела собой и продолжала читать: «...Пришло решение верховного суда — приговор оставлен в силе; уже назначен день моей казни — следующий вторник...»

Письмо едва не выпало из рук Сундари, но она стиснула зубы и заставила себя читать дальше: видимо, наставления старого гьяни не прошли даром, они помогли девушке сохранить присутствие духа.

«Трудно передать тебе, что творится в эту минуту в моей душе. Это в состоянии понять только тот, кто сам в таком положении. Боже! Как ужасен этот мир! И, однако, сидя в этой, предназначенной для смертников камере, я все-таки чувствую себя свободным, как бы парю над этим миром. Перед моими глазами одно за другим проходят видения. Те самые видения, которые я рисовал себе давным-давно, чтобы укрепить свой дух.

Как описать тебе, что я почувствовал, когда мне объявили о предстоящей казни? Начальник тюрьмы подошел к моей камере и зачитал постановление суда, которое решало мою судьбу. Стены камеры, пол, потолок, зарешеченная дверь — все как будто шептало мне: «Смерть тебе!» «Смерть тебе!» А за дверью взад-вперед ходил часовой, вскинув ружье на плечо, и что-то напевал вполголоса. Мне показалось, что и он напевает: «Смерть тебе!» И даже ворона на смоковнице под моим окном каркала: «Смерть тебе!»

Меня бил озноб, но не думай, что у меня дрожали руки и ноги, нет, дрожало что-то внутри меня; мне казалось, что дрожит моя душа.

Я немного успокоился только через несколько часов. Взору моему предстал образ богини; она была худа, как скелет, и кожа у нее была желтая, как горчица, но от ее лица исходило сияние, проникавшее в самое сердце. При виде ее меня охватила неизъяснимая радость, я забыл о том, что меня ждет. Это была ты, Сундари!

В следующий же миг это видение исчезло, и моим глазам представилась виселица. Возле нее стоял палач, темный лицом и страшный; он тщательно смазывал веревку маслом. Я вновь почувствовал озноб. Мысли закружились у меня в голове. С дрожью в голосе я сказал палачу: «Друг! Повремени немного, не спеши, у меня осталось на этом свете несколько дел, позволь мне их окончить, я управлюсь быстро, тебе не придется долго

ждать!» Но палач торопился: «У тебя свои дела, у меня свои», — сказал он и надел мне на шею петлю.

В одном из своих писем, Сундари, рассуждая о видах казни, ты говорила, что всего предпочтительней повешение, и я был согласен с тобою. Но теперь, услышав о том, что меня ждет, я уже не могу так думать...

Я тебя просил не добиваться свидания со мною, боясь, что мне будет еще тяжелей, но теперь я считаю иначе: мне кажется, что ты одна можешь избавить меня от страданий. Я хочу, слышишь, очень хочу еще раз перед смертью увидеть тебя. Я надеюсь, что это даст мне силы встретить смерть спокойно и радостно.

Ты пишешь в одном из своих писем, что не хочешь жить после моей смерти. Не смей так думать — это моя последняя воля. На твоих руках остается моя бедная мать, ты должна о ней позаботиться. Мы разлучаемся ненадолго. Я буду ждать тебя, исполни же свой долг, иначе мы никогда не соединимся.

В понедельник у меня свидание с родными, во вторник — с тобой. Приходи сюда вместе с гьяни-джи рано утром, и мы сможем поговорить одни без посторонних. На это у меня есть милостивое разрешение начальника тюрьмы.

Никак не решаюсь кончить это письмо! Кажется, будто вместе с ним кончится и моя жизнь.

Но вот уже и бумага на исходе, хотя я и старался писать как можно мельче. Надо мной стоит полицейский, торопит: вот-вот должен прибыть начальник тюрьмы.

Прощай, Сундари, моя последняя и единственная любовь, твой дорогой образ навсегда запечатлен в моем сердце.

Твой *Бачан*».

За время, которое прошло с того дня, как Бачан Сингх выслушал приговор, и до дня казни, в уме его проносились тысячи разных мыслей; они набегали как волны и тут же откатывались назад, не оставляя после себя ничего, кроме одной-единственной реальности: предстоящей казни.

И вот наступил последний день его жизни. Сердце Бачана немного успокоилось, возмущение улеглось. Ему даже чудилось, что он уже умер и вознесся в какой-то иной мир. Неподалеку от его барака скрипели прессы для выжимания масла, а Бачану мнилось, будто это причитает вдова над погибшим мужем. В углу камеры стрекотал кузнечик, а Бачану мерещилось, будто это стоит мать, положив голову мертвого сына на колени; за окном проносились птицы, а Бачану представлялось, что это летит его смерть, и он тяжело вздыхал.

Бачан вспомнил о том, как вчера к нему, в его тесную камеру, пришла мать. Потом задумался о Сундари, которая должна была появиться с минуты на минуту. Воображение рисовало ему такую картину: вот Сундари сходит с поезда. Она протягивает билет контролеру, и тонкие руки ее дрожат, а глаза ничего не видят от слез. Со словами ободрения гьяни-джи усаживает ее в тонгу, и тонга катит по направлению к тюрьме... Проезжая мимо придорожных деревьев, Сундари мысленно говорит им: «Прощайте, друзья мои! Прощайте навсегда!» — она прощается с прошедшим счастьем. Тонга уже у ворот тюрьмы. Ворота — черные, словно и они в трауре. Расхаживающий взад-вперед часовой в красном тюрбане кажется посланцем грозного бога смерти — Ямы... Может быть, Сундари при виде этого зрелища потеряет сознание...

Послышались тяжелые шаги. Бачан поднялся с места. Дверь отворилась, и Бачан увидел англичанина — начальника тюрьмы, доктора, двоих полицейских инспекторов и солдат.

Юноша понял, что все они явились за ним, и сам протянул руки, чтобы ему надели наручники. Подошел конвойный, заломил ему руки за спину и надел наручники.

Процессия двинулась. Бачан шел, еле передвигая ноги. В голове у него была странная пустота и какая-то необычная легкость, сердце в груди не билось. В его полумертвом теле продолжало жить лишь одно желание. Хотя его глаза глядели неподвижно, окаменевшим взглядом, они кого-то искали.

И вот Бачан увидел место казни, которое столько раз рисовалось ему в воображении. И тут же темная пелена застлала ему взор, и он словно ослеп. Он не

помнил, сколько времени он пребывал в таком состоянии. Вдруг он услышал голос, который сказал по-английски:

— Итак, мистер Бачан Сингх, хотите сказать свое последнее слово?

Кто ответил на этот вопрос? Сам Бачан или кто-то другой? Видимо, все-таки он.

— Хорошо, тогда позовите девушку, — произнес тот же голос.

Прошло несколько минут, Бачан услышал позади себя знакомый голос и быстро обернулся — перед ним стояла Сундари. В сопровождении гьяни-джи, который поддерживал ее за плечи, она приближалась к Бачану. По просьбе гьяни-джи с Бачана сняли наручники.

Сундари стояла перед своим возлюбленным, из последних сил стараясь не потерять сознание. Гьяни-джи протянул одну руку Бачану, другой продолжал держать Сундари за плечи. Молодые люди не отрываясь смотрели друг на друга: каждый видел в глазах другого самого себя, только в уменьшенном виде, — и больше ничего.

Вдруг девушка почувствовала, что шею ее коснулось что-то холодное. Она вздрогнула. Оказалось, что это была гирлянда, которую гьяни-джи принес с собою, и теперь, вынув из платка, надел на шею Сундари. Вторую гирлянду он дал Бачану. Потом девушка почувствовала, что рука ее лежит в руке возлюбленного. Гьяни-джи взял руки молодых людей и торжественно провозгласил:

— О всевышний, повелевающий обоими мирами! Пусть любовь этих двух существ пребудет вечной! Пусть соединятся они на небесах, как муж и жена!

Начальник тюрьмы снял шляпу. Остальные (все они были мусульмане), низко склонив головы, подхватили: «Да будет так!»

Молодые люди заключили друг друга в объятия. Прошла минута, две, пять, наконец, десять, но они не размыкали рук.

По знаку начальника тюрьмы гьяни-джи сказал:

— Сын мой, Бачан! Сундари, дочь моя! Дети мои! Пора!

Но они как будто не слышали этих слов и продолжали стоять, обнявшись.

Гьяни-джи дотронулся до руки Сундари:

— Дочь моя!

А начальник тюрьмы взял за руку Бачана:

— Мистер Бачан Сингх!

Только тогда они разомкнули объятия. Бачан едва удерживался на ногах. Он был уже почти без сознания, когда подошел какой-то человек и надел ему на голову длинный черный колпак.

Сундари упала бы, если бы ее не поддерживал гьяни-джи. По приказу начальника тюрьмы для нее принесли скамеечку.

* * *

Когда к Сундари вернулось сознание, стояла темная ночь. Воздух был насыщен звуками: слышалось пыхтение паровоза, взволнованные голоса возбужденных пассажиров, выкрики торговцев сладостями. По этим звукам и густому табачному дыму Сундари поняла, что находится на вокзале, в комнате для пассажиров.

Девушка попросила пить. Гьяни-джи взял медную кружку и отправился за водой. И тут Сундари вспомнила то, что произошло утром. Голова ее вдруг стала как свинцовая.

Сундари смотрела перед собой остекленевшими глазами. Через несколько мгновений вернулся гьяни-джи. Вода немного освежила Сундари, она стала приходить в себя. Все вокруг казалось ей неузнаваемо изменившимся. У нее было такое ощущение, будто ее пригибает к земле какой-то тяжелый груз.

И вдруг она вспомнила о последнем свидании с Бачаном.

«Его повесили!» — начертал кто-то огненными буквами у нее в уме; она пронзительно вскрикнула и повалилась на лавку, закрыв лицо руками. Узнав от гьяни-джи, что мужа этой женщины безвинно осудили и повесили, пассажиры столпились вокруг, и каждый, как мог, старался ее утешить.

Сундари хотела бы плакать, но у нее не было слез. Видимо, огонь, неистово бушевавший в ее груди, высушил и слезы.

Потом она встала и вышла из комнаты. Она внимательно оглядывала проходящих мимо пассажиров, и ей казалось, будто все они отравлены ядом предательства

и злодейства. «Видно, господь создал всех этих людей мне на погибель»,—подумала она и подняла глаза вверх. По небу плыли тяжелые, черные тучи. Только тучи ей сочувствовали—они надели траурный наряд! Сквозь тучи мелькали редкие звезды, у них, наверное, не было сил смотреть на ее страдания! Ветер раскачивал крону высокого дерева, и мнилось, что оно кивает ей, разделяя ее горе. Вся природа, одетая в траур, сочувствовала Сундари.

И тут что-то, как молния, вдруг пронзило ее тело, и она крикнула стоящим рядом людям:

— Что смотрите? Мало вам моей крови? Да вы же выпили ее всю, без остатка! Что вам еще нужно? Загубили моего дорогого мужа, моего любимого!..

Гьяни-джи схватил ее за руку.

— Доченька!—стал он увещевать ее.— Опомнись, приди в себя!—Он попытался ее усадить.

Пассажиры расступились, а гьяни-джи, глядя Сундари по голове, продолжал:

— Если ты не успокоишься, жизнь твоя будет в большой опасности... Слезами горю не поможешь...

— Что вы сказали, отец?—прервала его со смехом Сундари.—Моя жизнь будет в опасности? О нет! Я еще должна сделать одно важное дело, и пока я его не закончу, я не погибну! Я в этом совершенно уверена, отец!.. Скажите, кремация уже закончена?

— Да. Тебя старались привести в сознание, но ты...

— Что поделаешь? Теперь уже поздно говорить об этом...

Вскоре гьяни-джи с Сундари сидели в вагоне поезда, идущего в Амритсар.

* * *

В Амритсаре, сойдя на перрон, Сундари сказала гьяни-джи:

— Отец, я не хочу больше вас связывать. На несколько дней оставьте, пожалуйста, меня одну.

— Одну?—Гьяни-джи удивленно посмотрел на девушку.—Почему, доченька?

— Я поеду в Диванпур.

— Зачем?

— Я вам не говорила: Бачан просил меня позаботиться о его матери. Я побуду с нею.

— Так поедem вместе!

— Нет, отец, я поеду одна.

Все настояния старого Дидара Сингха оказались тщетными, пришлось ему отпустить Сундари одну. По-решили на том, что Сундари поедет в Диванпур, а гьяни-джи через два-три дня возвратится к себе домой, в Хардвар.

34

Сундари медленно брела по улице Диванпура, сосредоточенно обдумывая планы на ближайшее будущее. Мысли ее были ясны, в них уже не было прежнего хаоса. Она поминутно вспоминала Бачана, но эти воспоминания были не так мучительны, как прежде. Сердце ее не расплавилось в огне страданий, а только закалилось. Да и сами страдания оказались не такими жестокими, как она ожидала. Видимо, она уже привыкла к ударам судьбы. Человек, которому предстоит холодное купанье, медлит, боясь войти в воду, но стоит ему окунуться и притерпеться, как вода кажется ему не такой уж холодной.

В последнюю их встречу Сада Каур осыпала Сундари проклятиями и оскорблениями, но девушка старалась не думать об этом, ведь она должна была выполнить просьбу Бачана.

Было восемь часов вечера, когда Сундари постучала в дверь дома, где жила мать Бачана.

— Кто там? — послышался голос Сада Каур.

У Сундари забилось сердце.

— Матушка, — сказала она. — Это я, Сундари.

Сундари была уверена, что Сада Каур ненавидит ее сильнее, чем раньше. Когда еще был жив Бачан, она видела в ней причину всех их бед. Что же она скажет теперь? И впустит ли в свой дом?

Внезапно дверь отворилась, и на пороге показалась Сада Каур со светильником в руке. По всей вероятности, у нее стало совсем плохо с глазами, раз она даже днем сидела со светом.

Сундари приготовилась уже к проклятиям; каково же было ее изумление, когда Сада Каур воскликнула, ласково протягивая к ней руки:

— Заходи, заходи скорей!

Сундари упала к ее ногам. Сада Каур подняла ее и прижала к груди.

— Бедная моя доченька, погиб твой муж, разбилась твоя жизнь!.. — сказала она и громко зарыдала, не в силах больше вымолвить ни слова. Так второй раз после встречи с Анвар Джан довелось Сундари испытать материнскую ласку.

Потом взяв себя в руки, Сада Каур рассказала Сундари о последнем свидании с сыном, о том, как Бачан взял с нее слово приютить девушку у себя в доме и считать ее своей дочерью. Сундари, в свою очередь, рассказала Сада Каур подробности вчерашнего дня. Обе говорили так, словно Бачан еще жив, и каждая думала: «Как хорошо, что мы встретились. Что бы я делала одна?»

Сада Каур, как выяснилось, была в большой нужде. Все свои украшения она продала, чтобы нанять адвоката, а кроме того, пришлось заложить часть земли. Оставшаяся часть должна была отойти к бывшим компаньонам.

Из слов Сада Каур Сундари поняла также и то, что Пала Сингх подговаривал братьев Джива Сингха — покойного мужа Сада Каур — побыстрее захватить его землю. И кое-какие шаги они уже предприняли.

Этого Сундари уже не могла вынести: в ее душе возродилась жажда мести. Она забыла обещание, данное Бачану, забыла, что на ней лежит ответственность за судьбу его матери. И едва Сада Каур уснула, как Сундари осторожно, на цыпочках, выскользнула из дому.

Была полночь, тьма стояла непроглядная, но Сундари хорошо видела сарай у колодца, где обычно собиралась троица во главе с Пала Сингхом, и поспешила туда. Зайдя за этот сарай, она присела и заглянула в щель. Внутри горел светильник, и при его мерцании Сундари разглядела Пала Сингха и двух его приятелей: они пили вино.

— Здорово дело обтяпано, — сказал Вир Сингх, — комар носу не подточит! И шуку съели, и зубы целы!

— А ты в самом деле видел, что она вечером шла к дому Джива Сингха, или тебе спьяну померещилось?

— Клянусь богом, видел!

— Ну, тогда ей от меня не уйти! Завтра же будет моей! И делу конец!

— Куда же ты ее денешь?

— Ничего, найду такое место, откуда ей нипочем не удрать.

— Ты уже забыл, что она дочь проститутки! Сама на суде сказала.

— А мне на это наплевать! Ведь я сикх, а сикхов такие вещи не пугают! Вот что я тебе скажу: приведи-ка ее сюда завтра ночью.

— Думаю, надо сделать так: подойдем сзади к дому Джива Сингха, там, где стена пониже, перемахнем через нее и...

— Хорошо!

Приятели еще некоторое время поговорили на ту же тему, а потом, совсем опьянев, повалились спать.

Тогда Сундари натаскала сухой травы и сложила ее возле сарая. Это был удобный случай выполнить замысел, который она давно уже вынашивала в своей душе, — и ей не хотелось упускать этот случай.

* * *

Вскоре сарай запылал. Языки пламени взлетали высоко в небо. Из домов высыпали сонные люди и бросились к сараю, но было уже поздно что-нибудь предпринять, — крыша сарая обрушилась.

— Напасть за напастью! И все на нашу деревню! — раздавались голоса. — То здесь горит, то там!

Стали искать виновника. Кто-то вспомнил, что видел какую-то девушку, бегущую к реке. Начали обыскивать прибрежный кустарник, и вдруг раздался крик:

— Смотрите, смотрите! Вон она! Около моста!

Все побежали к мосту. Но в темноте ничего нельзя было разобрать.

— Что же вы! — послышалось с моста. — Подойдите, схватите меня, у кого хватит храбрости! За две жизни я взяла три! Эти негодяи сделали меня навеки несчастной, отняли у меня самое дорогое! Они же убили моего старого отца! Но им не удалось спастись от моей мести! И пусть всевышний покарает всех тех, кто давал в суде ложные показания и погубил моего дорогого мужа, и

тех, кто оправдал убийцу моего отца! Попробуйте меня схватить!

Наконец люди разглядели, что это Сундари стоит на мосту.

В эту минуту подросли полицейские. Они поспешили к мосту, вслед за ними двинулась большая часть деревенских жителей. Ко всеобщему изумлению, Сундари оставалась на месте, не пытаясь даже убежать!

Толпа подошла ближе. Но Сундари по-прежнему не двигалась: она продолжала что-то исступленно кричать. Но едва полицейские попытались схватить ее, как она вдруг прыгнула в воду. Все оцепенели. Раздался громкий всплеск, на месте падения забурлила вода, затем волны сомкнулись, поглотив девушку.

Ее долго искали при свете фонарей, но так и не нашли. Сундари исчезла бесследно. Однако полной уверенности в ее гибели ни у кого не было.

Через несколько дней полиция расклеила плакаты, в которых объявлялось о розыске преступницы. Там были указаны ее приметы и обещана премия за поимку. И полиция, и все жители деревни с большим усердием принялись за поиски.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Читатели, очевидно, помнят, что в самом начале книги безбилетный пассажир, назвавшийся Гуптешваром, был приглашен контролером Шамдасом к нему домой и что Гуптешвар стал читать Шамдасу рукопись своего романа. Роман оказался объемистым, но Шамдас хотел, чтобы Гуптешвар прочел его сразу, от начала и до конца.

За чтением прошла целая ночь. Когда Гуптешвар был уже близок к цели — ему оставалось прочесть всего полглавы, — комнату осветили золотистые лучи восходящего солнца. Но эти полглавы еще не были написаны, и автор решил написать их тут же. У него были с собой кое-какие наброски, сделанные на обороте страниц школьной тетради и на полях газет.

Гуптешвар погрузился в работу. Но когда случайно он поднял глаза на Шамдаса, ему стало не по себе. По лицу Шамдаса струились слезы, губы его дрожали, он был смертельно бледен.

Отложив в сторону рукопись, Гуптешвар встревоженно спросил:

— Что случилось? Отчего вы плачете? Неужели вас так расстроила эта трагическая история?

Шамдас будто не слышал его.

— Ну что ж, в таком случае продолжим чтение в следующий раз — тем более что книга еще не закончена.

С этими словами Гуптешвар принялся складывать страницы рукописи.

— Нет, нет! — остановил его Шамдас, утирая слезы. — Не обращайтесь на меня внимания, читайте дальше! — Он схватил Гуптешвара за руку. — Боже мой, какая ужасная история!

Гуптешвар собрал свои листки, разложил их по порядку и возобновил чтение.

* * *

Прошло два года после описанных в романе Гуптешвара событий.

Люди знали Гуптешвара только по имени, никто никогда не видел его в лицо. За два года он сумел стать известным писателем. Многие издатели хотели с ним познакомиться, но это им никак не удавалось. Рукописи свои Гуптешвар отправлял по почте, а причитающийся ему гонорар просил пересылать по адресу: «Госпоже Сада Каур, вдове г-на Джива Сингха, Диванпур, Амритсарского района».

Некоторые издатели пытались разыскать писателя по этому адресу, но во всем Диванпуре не было никого, кто знал бы человека по имени Гуптешвар. Попытки же выяснить что-нибудь у самой Сада Каур тоже ни к чему не привели.

А Гуптешвар жил в Амритсаре, в скромной комнате, которую снимал за восемь ана в месяц.

Он ни с кем не встречался, целый день, запершись на ключ, сидел у себя и работал, а по ночам бродил по пустынным окрестностям Амритсара. Сторожа пригородных садов, которые видели, как он прогуливается, напевая что-то себе под нос, считали его безумцем.

Но иногда он появлялся и в таких местах, где было много народу. Останавливал прохожих, задавал им

странные, бессмысленные вопросы. Большинство людей не обращало на него никакого внимания и продолжало идти своей дорогой. Но некоторые останавливались и что-то ему отвечали.

Комната, где жил Гуптешвар, была почти пуста. В одном углу валялась охапка соломы, накрытая грубой мешковиной, — это было его ложе, в другом помещалась печурка, сложенная из кирпичей, а около нее — сковорода, плоская, глиняное блюдо для замешивания теста и несколько щепок для растопки. Возле постели лежал кирпич, на котором стоял глиняный светильник. Гуптешвар писал, положив бумагу на грифельную доску.

В соседних комнатах жили слесарь, ремонтирующий тонги, двое плотников и торговец сладостями.

В этот день, с самого утра, Гуптешвар сидел дома и писал, накинув на плечи старое рваное одеяло, которым он укрывался ночью. Слева от него лежала стопка исписанных бумажных листов, видимо, вырванных из школьных тетрадей.

Наступил вечер. Гуптешвар отложил перо и встал. Подойдя к двери, он потянулся и несколько раз сцепил и расцепил пальцы рук. Потом подсчитал, сколько страниц написал за день, пробежал их глазами. «Ну что ж, вот наконец и последняя глава, — воскликнул он, — сегодня я допишу свой роман. А затем покончу счеты с жизнью, которая не принесла мне ничего, кроме страданий... Несмотря на все мои старания, мне так и не удалось завершить второе дело моей жизни. Трудно драться с невидимым впотьмах противником. Что поделаешь, разве моя в том вина, что судьба мне не благоприятствует! Я больше не могу тратить время на эту неосуществимую затею...»

Он склонился над стопкой бумаги и вдруг обнаружил, что у него не осталось ни одного чистого листа. У Гуптешвара было такое чувство, какое бывает у пассажира, когда он уже в пути обнаруживает, что у него стянули кошелек с деньгами. Гуптешвар лег, укрылся одеялом, заложил за голову руки и немного погодя уснул.

Без денег в городе и шагу ступить нельзя, а у Гуптешвара не было ни ана. Поэтому, едва рассвело, он поднялся и вышел из дома, чтобы раздобыть где-нибудь хоть немного денег.

Было холодное зимнее утро. А Гуптешвар ходил в поношенном, слишком большом пальто с оторванными пуговицами и обтрепанными петлями. Спасаясь от холода, он прорезал дырки на обеих лапах и проделал сквозь них нитки. Ноги у него были голые, потрескавшиеся, черные от грязи — такие бывают у кочегаров. Грязны были также его лицо и руки.

Однако, несмотря на долгие поиски, ему не удалось разжиться ни деньгами, ни бумагой. Внезапно он почувствовал ненависть к самому себе, к своей жизни. Отчаяние охватило его душу. Он готов был швырнуть в огонь недописанный роман и покончить с собою. Он вернулся домой, собрал все страницы рукописи, сложил их в печку и потянулся за спичками и тут вдруг обнаружил, что коробок пуст. Это обозлило его еще больше. Он снова вышел на улицу — на этот раз в поисках спичек.

Неожиданно он переменял свое намерение, поспешно вернулся, вытащил рукопись из печки, положил ее на прежнее место и так же торопливо вышел вон — в последний раз испытать судьбу.

Блуждая по переулкам, он вспомнил об одном человеке — личности темной, картежнике, ростовщике, который давал деньги взаймы под большие проценты. Он разыскал его и занял рупию с обязательством вернуть две.

После этого, взяв рукопись, он направился на вокзал. Через несколько часов он уже бродил по улицам Лахора. Но неудачи преследовали его и здесь. Ни одно издательство не соглашалось взять роман. Только один издатель предложил за роман пятнадцать рупий. Молодой человек пришел в отчаяние. Если бы только он мог сказать всем им, что он — Гуптешвар! Они бы вырвали роман у него из рук. Но он не мог сделать это признание. Он должен был скрываться, как жалкий воришка.

.....

Из глаз Шамдаса продолжали струиться слезы. Он взглянул на Гуптешвара. В руке у молодого человека была последняя недописанная страница. Наконец он прекратил чтение, отложил эту страницу в сторону — ее надо было еще закончить — и посмотрел на Шамдаса. Лицо контролера было свинцово-серым.

— Наверно, я утомил вас, вы не спали всю ночь и теперь скверно себя чувствуете? — спросил Гуптешвар. — Может быть, приляжете отдохнуть?

— Нет, нет! Прошу вас, продолжайте! — тяжело вздохнув, ответил Шамдас.

— Я прочел все, что написал, — сказал Гуптешвар. — Осталось только закончить последнюю главу...

— Разве это не конец? — спросил Шамдас. — И много вы еще хотите написать?

— Совсем немного. — Гуптешвар снова бросил внимательный взгляд на расстроенное лицо Шамдаса.

— Простите меня, господин Гуптешвар, — сказал Шамдас, — я хочу задать вам один вопрос. Сюжет этого романа вами выдуман или...

— Нет, — прервал его Гуптешвар, — в основу его легла подлинная история, которую рассказал мне один человек. Я только постарался облечь его рассказ в художественную форму. Эта тема показалась мне очень благодарной.

Утирая платком пот со лба, Шамдас спросил:

— Не можете ли вы назвать имя рассказчика?

— Это сама Сундари.

— Вот как! Сундари рассказала вам свою историю? Где же вы с ней встретились? Когда? — дрожащим голосом спросил Шамдас.

— Мы встретились в одной деревне.

— И вы потом написали роман?

— Да.

— Еще раз прошу прощения, — сказал Шамдас, борясь с гневом, — но почему вы, сочинители, заимствуете темы своих сочинений из жизни, а не придумываете их сами?

— Мне казалось, что этот сюжет понравится читателям.

— Я человек простой, говорю без обиняков, вы уж на меня не сердитесь. Все мне в вашем романе нравится, кроме последних фраз. Бывает иногда такое: опытный пловец тонет, а зрители хлопают в ладоши, считая, что это всего-навсего трюк. «Какой превосходный пловец! — кричат они. — Как долго он находится под водой!» А когда тело всплывает, зрители приходят в еще больший восторг. «Глядите-ка! Плышет, как мертвый! Ну, прямо утопленник!»

И вот я подумал сейчас о той девушке. Вся ее жизнь — трагедия; вы не должны были предавать гласности ее муки. Это не принесет вам настоящего успеха. Скажу откровенно, любезный господин Гуптешвар: это недостойно вашего таланта, это свидетельствует о вашей черствости. Вам следовало бы помочь несчастной девушке, вместо того чтобы извлекать выгоду из ее страданий.

Опустив глаза, Гуптешвар тихо произнес:

— Вы правы, я совершил ошибку, но виной этому — мое сердце.

— Что ж, в этом нет ничего удивительного. И всевышний совершает ошибки. Но скажите, она рассказала вам свою историю незадолго до смерти?

— Да, дня за два до того, как утонула...

— Как же вы узнали, что она утонула?

— Я был в той же деревне.

Шамдас весь дрожал. Казалось, его жжет невидимый огонь.

— Поздравляю вас, господин Гуптешвар! — с жаром воскликнул он. — Вы подлинный мастер. Если я правильно вас понял, вам осталось всего несколько страниц, и вы хотите написать их уже от своего имени, от имени автора? У меня к вам большая просьба. Я хочу, чтобы вы считали мой дом своим домом. Не покидайте меня, не лишайте меня своего общества. И молю вас, расскажите мне все, что вы еще знаете о Сундари.

— Ваше приглашение — для меня большое счастье, — с улыбкой ответил Гуптешвар. — У вас в доме я смогу со всем покончить.

— Что вы имеете в виду?

— То, что последняя страница романа будет и последней страницей моей жизни.

— Как это? Не понимаю... Вы?

— Да, да! — воскликнул Гуптешвар. Глаза его лихорадочно блестели. — Для меня не нашлось на земле места. Я...

Но тут он вдруг замолчал, и, как ни расспрашивал его Шамдас, ему не удалось добиться от него ни слова.

Прошло несколько минут. Вдруг Гуптешвар нерешительно произнес:

— Мне хотелось бы попросить вас об одном одолжении,

— Сделайте милость. Буду счастлив вам помочь... Какова же ваша просьба?

Немного помолчав, Гуптешвар сказал:

— Вы кажетесь мне человеком благородным. Я чувствую к вам большое уважение. Потому-то и решаюсь вас обеспокоить. Я думаю, что таких людей, как вы, боги посылают на землю, чтобы их руками творить добро. Так вы мне поможете?

Шамдас низко опустил голову.

— Я ваш слуга на всю жизнь, — тихо сказал он. — Прикажете, — и я сделаю все, что вы захотите. Но прошу вас, не называйте меня благородным человеком. Если говорить откровенно, я — человек дурной. На моей совести множество грехов. Вот почему я и говорю: не причисляйте меня к благородным людям. Истинно благородный человек — это вы.

На глазах Гуптешвара выступили слезы признательности. Он низко поклонился.

— Вы слишком высокого мнения обо мне! Я не обладаю никакими достоинствами. Ваша доброта ко мне свидетельствует только о вашем великодушии.

— Нет, нет, вы чересчур скромны. Для меня вы воплощение божества. Прошу вас, приказывайте!

— У меня к вам такая просьба: я бы хотел выкупить тот платок, который я заложил в Лахоре. Я помню, что лавка находится как раз против вокзала. Помогите мне, пожалуйста, это сделать... Теперь о другом: прошу вас, позаботьтесь об издании моего романа. Если вам удастся договориться с издателем, то гонорар перешлите по адресу, приведенному в последней главе моего романа.

Все это время Шамдас пребывал в каком-то странном оцепенении. Его глаза были прикованы к глазам Гуптешвара, и он даже не расслышал, что сказал ему юноша.

— Простите, — сказал он, очнувшись, — я задумался и не понял, что вы сказали.

Гуптешвар повторил свою просьбу.

Сдерживая охватившее его волнение, Шамдас сказал:

— Я с радостью выполню оба ваших распоряжения. Только напомните, как зовут ту женщину — Сада Каур? Она ваша родственница?

— Да.

— А где вы живете?

— Здесь, у вас, пользуюсь вашим гостеприимством

— О да, конечно... Но раньше-то вы где жили?

Не отвечая на его вопрос, Гуптешвар сказал:

— Мне кажется, вы очень устали; вам надо отдохнуть перед работой.

— Нет, сегодня воскресенье. — Шамдас помолчал, потом заговорил снова: — Вы просили меня выкупить платок. Пожалуй, я съезжу за ним прямо сейчас. Напомните только адрес.

Гуптешвар еще раз объяснил, как найти лавочку, хозяину которой он заложил платок.

— Господин Шамдас, скажите, а вы давно здесь живете? — спросил он.

— Лет восемнадцать.

— И у вас обширные знакомства в Амритсаре?

— Да, я знаю многих людей.

— Тогда, может быть, вы поможете мне отыскать одного человека? — набравшись смелости, спросил Гуптешвар. — Я разыскиваю его вот уже два года, но никак не могу напасть на след. Вы, наверно, будете смеяться надо мной, когда узнаете, что я ищу человека, которого никогда не видел. Я о нем почти ничего не знаю. Иначе я бы непременно его нашел.

— Расскажите мне о нем хотя бы то, что знаете, — сказал Шамдас. — Думается, я смогу вам помочь. По роду моей работы мне приходится каждый день встречаться с новыми людьми. Есть ли у нас в городе хоть один человек, который хоть раз не прошел мимо железнодорожного служащего?

— Я знаю только, как его зовут.

— Как же?

— Его имя — Тара Чанд... Но что с вами? Вам плохо? Наверно, от бессонницы! Прошу вас, отдохните сегодня, не ездите в Лахор! На вас лица нет!

Шамдас отер платком лоб и откашлялся.

— Нет, нет, не беспокойтесь, — сказал он, — со мной иногда случается такое, но скоро проходит. А где жил раньше этот Тара Чанд?

— Раньше он жил в Сиалкоте. — Гуптешвар опять посмотрел на Шамдаса. — Нет, почтеннейший! Вам опять душно. Прошу вас, ложитесь, отдохните!

Волнение Шамдаса усиливалось с каждой минутой. Обмахиваясь платком, он сказал:

— Я знаю Тара Чанда.

Лицо его сделалось иссиня-бледным, вены на руках вздулись, он задыхался, словно астматик.

— Вы... его знаете?

Гуптешвар был счастлив — как бывает счастлив человек, который нашел утраченное сокровище. Не в силах сдержать свою радость, он встал и стал расхаживать по комнате, не глядя на Шамдаса.

— Прошу вас, скажите мне скорее, где он живет? — спросил Гуптешвар. — Вы можете познакомить меня с ним?

— Разумеется, — ответил Шамдас. — Я прекрасно его знаю.

Он глядел на гостя широко раскрытыми, полубезумными глазами.

— Где же он живет, чем занимается? — нетерпеливо продолжал спрашивать Гуптешвар.

— Живет в Лахоре, служит клерком.

— О, умоляю вас, познакомьте меня с ним! Когда вы сможете это сделать?

— Думаю, что смогу привезти его к вечеру.

— О, дорогой мой господин! Тысяча благодарностей! Я ваш должник! Вы даже представить себе не можете, какую услугу мне окажете. Я знаю, что вы устали, что вы скверно себя чувствуете, но все-таки не могу удержаться от просьбы привезти его как можно скорее.

Через несколько минут оба легли отдохнуть, но, несмотря на бессонную ночь, так и не сомкнули глаз.

Утром слуга Шамдаса приготовил завтрак, гость и хозяин умылись и вместе сели за стол.

* * *

Оставив Гуптешвара дописывать последние страницы романа, Шамдас двенадцатичасовым поездом уехал в Лахор.

Лицо Гуптешвара сияло радостью, — пожалуй, впервые в жизни на его долю выпала такая удача.

Перед ним лежала чистая бумага и принадлежности для письма, в комнате было чисто, стояла тишина, никто его не беспокоил, но почему-то ему не работалось. Он был похож на охотника, который видит дичь, но не

может выстрелить, а еще точнее, на такого охотника, который уже прицелился, а дичь ускользнула из-под самого его носа.

Позавтракав, Гуптешвар растянулся на кровати, но сон не шел к нему, он считал минуты, оставшиеся до прихода лахорского поезда. Глаза его были прикованы к стрелкам часов.

Наконец пробило пять. Гуптешвар вышел на улицу и стал прогуливаться перед домом. Сердце у него бешено колотилось при виде каждой проезжавшей мимо тонги. Нетерпение росло с каждой минутой.

Наконец тонга остановилась у его дома. Но вышел из нее один только Шамдас. Взглянув на Гуптешвара, он сразу понял, что тот чувствует, и сказал:

— Он сейчас придет.

Гуптешвар оживился.

— Где он?

Шамдас тяжело дышал. Щеки его подрагивали.

— Что с вами? Вам стало еще хуже? — заботливо спросил Гуптешвар.

Шамдас ответил с деланным смехом:

— Не беспокойтесь! Просто поезда надо было ждать слишком долго, и я сел на попутный грузовик. По дороге у нас произошла авария. Грузовик врезался в дерево, кое-кого ранило. Я, правда, остался невредим, но все еще не могу успокоиться.

— Скорее заходите в дом, ложитесь отдыхать, а я велю слуге принести горячего молока и...

— Нет, нет, — прервал Гуптешвара Шамдас. — Не беспокойтесь. Я должен сейчас же ехать на вокзал. Сегодня отбывает куда-то наше начальство, и я, и еще несколько служащих должны его проводить. Возьмите платок...

Отдав Гуптешвару платок, Шамдас сел в тонгу и сказал:

— Господин Тара Чанд придет часов в шесть. Ждите его здесь.

Через несколько мгновений тонга скрылась за углом.

Пробило шесть, потом семь, но Тара Чанда все не было. Гуптешвар стоял в дверях дома, всматриваясь в прохожих.

Стало темно. Вдруг к дому Шамдаса приблизился человек высокого роста в легком пальто и спросил:

— Здесь живет господин Шамдас?

Гуптешвар понял, что перед ним тот, кого он так давно разыскивает.

— Пожалуйста, входите! Вы господин Тара Чанд, не так ли?

— Да, — коротко бросил незнакомец и, наклонив голову, вошел в дом.

Гуптешвар жестом пригласил его сесть.

Видимо, Тара Чанд плохо видел, потому что он был в черных очках. А может, он носил их по какой-нибудь другой причине. Тюрбан на его голове был повязан небрежно. Пальто он не снял — вероятно, ему было холодно — и даже не опустил воротника.

Оба долго молчали. Наконец Гуптешвар нарушил молчание, становившееся уже тягостным.

— Так вы Тара Чанд? — снова повторил он.

Тот кивнул головой.

— Это вас я так долго искал, — продолжал Гуптешвар. — Больше того, я и жив-то до сих пор только потому, что не хотел умереть, не отомстив вам. — Глаза Гуптешвара сверкали, голос звенел, как струна.

Тара Чанд не шевельнулся.

— Я вас не понимаю, — тихо произнес он.

Гуптешвар дрожал от гнева. Всем своим существом он жаждал мести.

— Что ты сказал, подлец? — вскричал он. — Ты не понимаешь? А впрочем, именно для того, чтобы заставить тебя понять, я и разыскивал тебя столько времени!

— Прежде чем продолжать нашу беседу, я хотел бы узнать, с кем имею честь...

— О, разумеется! — насмешливо уронил Гуптешвар. — Имя Гурдеи вам что-нибудь говорит?

— Да. А какое вы к ней имеете отношение?

— Сейчас объясню тебе, — сказал Гуптешвар. — Она была...

— Она была моей женой, — предварил его Тара Чанд.

— А где она теперь?

Тара Чанд не ответил.

— Ты хоть знаешь, жива она или нет?

Не меняя позы, Тара Чанд сказал:

— Я слышал, она умерла.

— Кто тебе об этом сказал?

Безмолвие.

— Ты лжешь, дьявол! — закричал Гуптешвар. — Ты ничего о ней не знаешь! Знаешь только, что бросил ее на верную смерть, когда сбежал из дому. А что с ней случилось потом?

Тара Чанд весь дрожал, но продолжал хранить молчание.

Гуптешвар вскочил со стула и, словно тигр, набросился на пришельца. Схватил его одной рукой за горло, другой — за плечо и закричал:

— Молчишь, подлец! Надеешься, что выйдешь отсюда живым? Ну нет, от меня тебе не уйти. — Гуптешвар скрипнул зубами и вытащил из-за пазухи острый блестящий кинжал. — Я выпущу из тебя всю кровь, до капли. Только тогда утихнет огонь, сжигающий мою душу. Конечно, я сознаю, что не должен был звать тебя в дом такого превосходного человека, как господин Шамдас, твоя кровь осквернит его жилище. Но сейчас я не в силах об этом думать. И меня успокаивает одно соображение: когда господин Шамдас узнает о всех твоих злодеяниях, он не только простит меня, но еще и поблагодарит за то, что я избавил мир от такого душегуба, как ты... Ну говори, что же ты молчишь? Видно, слов не находишь? Не важно, с меня довольно и того, что ты убийца моей матери. Если хочешь что-нибудь сказать, прежде чем я всажу тебе нож в сердце, говори скорее! Даю тебе пять минут.

Тара Чанд задрожал еще сильнее. Глаза его были опущены. Но и на этот раз он не проронил ни слова.

Гуптешвар закричал снова:

— Я сам расскажу тебе о твоих преступлениях: ты совратил слабую беспомощную девушку, а затем бросил ее как раз в то время, когда она ждала ребенка. У несчастной не было другого выхода, кроме как пойти на панель. Того, кто довел ее до этого, нельзя назвать человеком, нельзя позволить ему жить среди людей!

Тара Чанд сидел неподвижно, словно изваяние.

— До каких пор земля будет носить на себе такого грешника! — продолжал Гуптешвар. — Сам скажи, заслуживает он права на жизнь или нет?

Тара Чанд отрицательно покачал головой.

— Так ты готов умереть?

Тара Чанд кивнул.

— Пусть свершится правосудие! — С этими словами Гуптешвар занес кинжал и хотел было уже ударить, но в последнее мгновение передумал и решил, чтобы не промахнуться, зажечь свет. Боясь, как бы Тара Чанд не убежал, дверь он закрыл на задвижку.

При свете он увидел, что Тара Чанд дрожащими руками расстегивает пальто и рубашку. «Неужели этот человек не чувствует никакого страха, — подумал пораженный Гуптешвар. — Он ведет себя так, словно давно уже приготовился к смерти». Но потом Гуптешвар решил, что Тара Чанд просто хочет его разжалобить.

Отбросив всякие колебания, Гуптешвар снова поднял кинжал, но прежде чем он успел выполнить свое намерение, черные очки соскользнули с лица того, кто стоял перед ним, — и Гуптешвар отшатнулся, бледный как смерть.

— Это вы, господин Шамдас? — простонал он.

Стены комнаты поплыли перед глазами Гуптешвара. Ему показалось, будто это сон, наваждение. Он не двигался с места, только смотрел и смотрел на того, кто назвал себя Тара Чандом. Кинжал выпал из его рук. Неожиданно Гуптешвар прильнул к груди Тара Чанда и замер. Такова была удивительная, необычайная встреча отца с дочерью!

Обнимая вновь обретенную дочь, Шамдас говорил со слезами:

— О дорогая моя девочка! Несчастное мое дитя! Не щади своего подлого отца, убей его!

Шамдас нагнулся и поднял лежавший на полу кинжал. Еще мгновение — и он вонзил бы его в свою грудь, но Гуптешвар стремительно схватил Шамдаса за руку. Рука затрепетала, как пламя на ветру. И вдруг Шамдас услышал полный любви голос:

— Отец, не покушайся на свою жизнь! Что было, то прошло.

— Сундари! — заговорил Шамдас. — Прости меня, но не оставляй в живых! Теперь, когда я увидел тебя, жить мне в тысячу раз труднее, чем умереть. Потому-то я и хотел, чтобы ты исполнила задуманное. Не мучай же меня, — соверши то, что ты должна совершить, исполни последнюю волю твоей матери, иначе душе ее не будет покоя.

Сундари — это была, разумеется, она — уложила отца в постель и, обвив руками его шею, сказала:

— Отец, я не нарушила воли матери. Тот человек, убить которого она мне велела, умер. Все его пороки, все прегрешения также умерли, теперь он ведет совсем иной образ жизни, скромный и достойный.

Шамдас заплакал, закрыв лицо руками. Сундари села подле него. Ее рука с нежностью касалась лба Шамдаса.

— Отец, — сказала она, — живи еще долго, долго! Ты теперь так мне нужен!

Шамдас не отвечал.

— Что с тобой, отец? Погляди, это я, твоя Сундари! Обними же свою дочь!

Шамдас (оставим ему это имя) не в силах был больше сдерживаться. Он обнял дочь и поцеловал ее в лоб. Но, как и прежде, ни одного слова не сорвалось с его губ.

Когда первый порыв чувств утих, оба принялись рассматривать друг друга, как бы желая навсегда запомнить дорогие черты.

— Скажи, отец, ты давно догадался, что это я?

— У меня уже давно зародились подозрения, но я не был уверен... — вздохнул Шамдас. — Твоя просьба выкупить платок усугубила мои подозрения. Когда же ты стала спрашивать о Тара Чанде, я понял, что ты не Гуптешвар, а Сундари. Увидев платок, я уверился в этом окончательно.

Сундари вспомнила, что после гибели Бачана Сингха она вышла в углу платка: «В память об утраченном повелителе безутешной Сундари».

Шамдас продолжал:

— Сказать правду, когда я впервые увидел тебя на вокзале, меня будто что-то кольнуло в сердце. Твои глаза сразу же напомнили мне твою мать — Гурдеи. Но ведь бывают люди просто похожие, поэтому я не придавал этому особого значения... Ответь мне на один вопрос, доченька, почему в истории своей жизни ты ни разу не упоминаешь об этом платке?

— Отец, — ответила Сундари, глядя в землю, — Бачан Сингх пришел в нашу хижину как раз в тот день, когда пропала обезьянка. Я тогда горько плакала, а он вынул платок и отер мои глаза. Это единственная его вещь, которая у меня хранится.

Шамдас тяжело вздохнул.

— Но ты написала в своем романе, что Сундари утонула.

— Да, я действительно прыгнула в воду, но все-таки осталась жива. Меня вытащил какой-то старик рыбак. Это был очень добрый человек. Я часто о нем вспоминаю.

— А потом ты приехала в Амритсар?

— Да.

— И оделась мужчиной? Для чего ты это сделала?

— О, причин много! Во-первых, я боялась полиции — ведь я совершила поджог, во-вторых, Бачан просил меня заботиться о его матери, а для этого мне нужны были деньги — и я стала писать. В-третьих, я хотела написать автобиографический роман, рассказать в нем о болезни, поразившей наше общество. Я надеялась, что люди, прочитав мой роман, станут лучше... А в-четвертых, я хотела отомстить...

Сундари запнулась и опустила глаза.

Шамдас ласково погладил ее по голове.

— Теперь ты можешь сказать, что сделала все, что задумала.

Помолчав, Сундари сказала:

— Да, ты прав, теперь я свободна.

— И останешься со мной навсегда?

— Да, отец, пока жива, я буду возле тебя.

— Сейчас же закажу тебе новую одежду, чтобы ты могла в нее нарядиться! — охваченный ликованием, вскричал Шамдас.

— Конечно, завтра же я покажусь тебе такой, какая я есть.

— О, как я счастлив!

— Ты должен быть счастливым, отец! Непременно! Даже против своей собственной воли. Порадуйся за меня, за мой успех, — завтра ты увидишь, какая у тебя дочь!

— Ты говоришь, что я должен быть счастлив против собственной воли! Почему?

— На все воля всевышнего!

— А что будет с незаконченной главой твоего романа?

— Завтра рано утром ты ее прочтешь, — сказала Сундари и, помолчав, добавила: — Но ты ничего не рассказал мне о себе.

— Доченька, моя жизнь была так отвратительна, что язык не поворачивается рассказывать тебе о ней. Скажу лишь одно: после того как я сбежал от твоей матери, я устроился работать здесь, на железной дороге, под чужим именем, чтобы меня не арестовала полиция.

* * *

Шамдас принес новую одежду для Сундари, и они долго еще сидели и рассказывали друг другу о том, что каждому из них пришлось пережить. Заснули они уже глубокой ночью.

Когда рано утром Шамдас вошел в комнату, где находилась Сундари, он увидел, что она спит в новой одежде. Он окликнул ее, она не отозвалась, тогда он тронул ее за плечо, — но она даже не пошевелинулась. Скинув с ее лица покрывало, он увидел, что она спит вечным сном. На ее губах застыла тихая, светлая улыбка. На груди лежал платок — единственная драгоценность, оставшаяся у нее от Бачана. Она сжимала этот алый платок обеими руками — так сжимают руку любимого человека перед вечной разлукой. Под платком торчал кинжал, погруженный в грудь по самую рукоять.

На столике, среди бумаг, лежало последнее письмо Сундари. Вот оно:

«Мой глубококочтимый отец!

Я верю, что ты смелый и мужественный, умудренный опытом человек. Прости, что я так скоро тебя покинула. Я знаю, что причиню тебе большое горе. Но ты должен понять меня, ведь мне не остается ничего другого.

Ты знаешь, что я жила на свете только потому, что так велел мне возлюбленный. Я не могла его послушаться. Но мою совесть тяготит один грех, если не преступление: я нарушила веления моего господина. Боюсь, что он не простит меня. Да и всевышний меня покарает!

Я убила Пала Сингха и его приятелей. Но я действовала тогда, ослепленная ненавистью. Муж мой тысячу раз отговаривал меня, и все же — не знаю, что тогда на меня нашло, — я решила, что должна отомстить.

Но теперь, после того как я увидела тебя, я поняла свою ошибку. У меня открылись глаза. Лучший способ отомстить — это поступить так, как я поступила с тобой.

Ты читал мои книги и под их влиянием изменил свою жизнь. Если б я взяла в руки не нож, а калам и обратила это оружие против преступников, против всего прогнившего общества, может быть, я сумела бы вернуть многие заблудшие души на путь добра.

Но сделанного не воротишь! Мой дорогой отец, помолись господу, чтоб он явил мне свое милосердие!

И еще одно. Мой повелитель приказал мне заботиться о своей матери. Позаботься же о старой Сада Каур.

Я верю, что душа моей матери обретет успокоение, увидев твоё раскаяние, и я считаю себя свободной от того обещания, что я дала ей.

Был у меня еще один долг — описать в романе все, что со мной случилось, и разоблачить жестокость нашего общества. Работа эта закончена.

Итак, я исполнила все, что должна была исполнить. Теперь я могу расстаться с миром и повергнуть это бренное тело к стопам моего повелителя.

Дорогой отец! Ты сказал мне сегодня ночью: «Доченька, я буду рад увидеть тебя такой, какая ты есть на самом деле». Надеюсь, что теперь ты доволен. Если б я осталась жить на свете, то не принесла бы тебе радости. Ведь моя жизнь теперь — все равно что прядка с расщепленным веретеном. Я беглая преступница, которую преследует закон, и смерть для меня — желанное избавление.

Я обещала тебе, что, пока жива, останусь с тобой. Ты видишь — я сдержала свое обещание. Ты напоминал мне несколько раз, что я должна дописать последнюю главу романа. Ты знаешь, что моя книга и моя жизнь — это одно и то же. Поэтому, кончив роман, я кончаю и жизнь. Это письмо — и есть конец моей книги.

Дорогой отец!

Пожелай мне, чтобы, встретившись на небесах со своим возлюбленным, я забыла на его груди все несчастья, выпавшие на мою долю после нашей разлуки, и вечно осталась бы с ним рядом.

Тебе говорит свое последнее «прости» путница, которая ненадолго встретила с тобой, чтобы расстаться навеки,

твоя *Сундари*».

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФОН РОМАНА «СУНДАРИ»

Панджаб — страна пяти рек. Его плодородные земли, орошаемые Индом, Джеламом, Ченабом, Рави и Сатледжом, уже давно принесли ему славу житницы Индии. Но судьбы его народа были сложными и нелегкими, а нередко и трагичными. Веками через равнины Панджаба вторгались в Индию полчища завоевателей: афганцев, турок, иранцев. И все же эта часть Индостана никогда не утрачивала своих самобытных особенностей. Более того, в ней относительно рано проявилось тяготение к образованию государственности на национальной основе, к сохранению и обогащению своих культурных традиций и ценностей. Панджабцы, между прочим, отличаются от большинства представителей других народностей Индии более высоким ростом и крепким телосложением (может быть, сказалось употребление пшеницы вместо риса, а у мусульман и сикхов — мяса, хотя и с некоторыми ограничениями).

Но вот уже два десятилетия через Панджаб пролегает индо-пакистанская граница, его два крупнейших города — Лахор и Амритсар, расстояние между которыми можно было преодолеть не только без таможенного досмотра, но и без железнодорожного билета (что проделала героиня романа), оказались в разных государствах и не так давно пережили испытания вооруженного конфликта.

Роман «Сундари» (в оригинале «Белая кровь») был закончен в 1932 году, когда как будто ничто не предвещало позднейших трагических событий: раздела страны на две части — одну с преобладанием мусульман и другую с индусо-сикхским большинством и сопутствующих этому разделу взаимной ненависти и резни. Более

того, писатель-сикх неизменно благожелателен к мусульманам и резко критичен к нравам и порядкам, царившим в общинах сикхов и индусов. Именно их верхи он обвиняет в высокомерии и нетерпимости, в невежестве и бесчеловечности. И в то же время его любимый герой Бачан Сингх, человек образованный и вроде бы передовой, ратует за восстановление былых традиций сикхов и чистоты их вероучения. Попытаемся разобраться в этих кажущихся противоречиях романа, обусловленных реальными конфликтами тогдашней общественной жизни Панджаба.

Немного истории. Прежде всего — как сложились в Панджабе три религиозных общины (в 1931 году мусульмане составляли 52 процента его населения, сикхи — 14 процентов, а остальные панджабцы были индусами)? Индуизм, как и в остальной Индии, был исконным вероисповеданием, ислам привнесли завоеватели, а сикхизм возник на местной панджабской почве и поэтому нуждается в особом рассмотрении.

В романе с глубоким почтением отмечают память Нанака, сикхского гуру. Этот титул означает «духовный руководитель», «вероучитель», а сикх — «ученик». Согласно мнению большинства исследователей, гуру Нанак происходил из купеческой касты кхатри, выделившейся из воинской варны (одно из четырех сословий древней Индии) кшатриев. Жизненный путь гуру Нанака был вполне благополучен. Сын мелкого купца, он сам торговал зерном, а затем служил у наместника Панджаба, заведя складом зерна. Общественное положение первого гуру и его первых учеников во многом предопределило умеренность его политических взглядов и известный практицизм его учения. Однако в последнем содержались и опасные представления о равенстве людей перед богом, что в иной, скажем, крестьянской, социальной среде и при других исторических обстоятельствах могло быть истолковано как проповедь земного, то есть имущественного и общественного равенства. Подобному переосмыслению, как известно, в Европе нередко подвергались в крестьянских массах умеренные ереси, первоначально возникавшие в среде бюргеров или даже дворян.

Согласно учению Нанака, все люди, независимо от касты, вероисповедания и социального положения, равны перед богом. Гуру Нанак отвергал кастовую иерархию индусов и привилегии правящих слоев мусульман. Все, вступившие в братство сикхов, считались равными — из какой касты или религиозной общины они ни происходили бы. Поклоняясь единому неперсонифицированному богу (в отличие от многобожия индусов), сикхи видели служение ему в активной мирской деятельности, а не в отречении от жизни. В раннем сикхизме проповедовалось ненасилие и смирение перед

власть имущими. «Не сражайся другим оружием, только словом божьим», — учил гуру Нанак. Поэтому длительное время могольские падишахи, особенно Акбар (1556—1605), снисходительно относились к сикхской общине и ее гуру.

Сикхи воздвигли знаменитый «Золотой храм», вокруг которого впоследствии вырос город Амритсар, ставший их религиозным и политическим центром. К началу XVII века было завершено создание священной книги сикхов «Адигрантх», написанной главным образом на панджаби особым алфавитом гурмуки. Вместе с тем внутри сикхской общины происходили глубокие социальные изменения. Если при первых гуру в нее входили торговые и ремесленные слои, то при последнем гуру Говинде Сингхе (1675—1708) они уступили первенство крестьянам, прежде всего из высокой касты джатов, и городской бедноте. Гуру Говинд во многом выражал именно их чаяния, когда пошел на полный разрыв с индуизмом и одновременно приступил к решительной борьбе с мусульманскими и индусскими феодалами. Он объявил о создании самостоятельной сикхской общины (хальсы), все члены которой, получив к своему имени добавление Сингх (Лев), обязаны были вести вооруженную борьбу против Могольской державы. Одновременно он отказался от своего сана и упразднил институт гуру, установив полное равенство всех сикхов.

Позднейший сикхский вероучитель Бхан Гурдас уже утверждал, что не кто иной, как сам Нанак «слил воедино четыре варны, провозгласил духовное равенство между раджей и нищим, учил их уважать друг друга». Для такого истолкования были, если не прямые, то косвенные основания, так как, начиная с Нанака, гуру сикхов клеймили мусульманское духовенство и индусское жречество за лицемерие, развращенность, пристрастие к роскоши, корыстолюбие и продажность. Кстати говоря, такое же осуждение мы обнаруживаем и в романе.

С изменением социального состава сикхов и их идеологии уходит в прошлое и их покорность власти имущим. Уже отец Говинда гуру Тег Бахадур заявляет, что, поскольку могольские правители, «совершили неслыханное беззаконие, я уничтожу их и все их потомство». Но Тег Бахадру не удалось совершить задуманное, он был схвачен моголами и в 1675 году казнен. На смену ему приходит Говинд, который клянется: «Мы разрушим угнетательское царство моголов; тогда я дам всю страну от Лахора до Пешавара (т. е. Панджаб — В. П.) моим сикхам».

В небывало ожесточенной борьбе с моголами, которых поддерживают индусские раджи, вслед за Тег Бахадуром гибнут его сын и два внука, легендарный военачальник из крестьян Банду, а вместе

с ними десятки и десятки тысяч их бесстрашных последователей. Ценой бесчисленных жертв в 1765 году была завоевана независимость Панджаба, и власть перешла к хальсе. Особого могущества государство сикхов достигло при Ранджите Сингхе (1799—1839), который проводил в пределах Панджаба политику веротерпимости, прежде всего по отношению к индусским и мусульманским феодалам. Он их даже противопоставлял своевольным сикхским военачальникам, многие из которых стали крупными землевладельцами. Именно предательство последних облегчило англичанам захват Панджаба в 1849 году, после трех войн, самых тяжелых для них из всех кампаний, проведенных при завоевании Индии.

Английские администраторы, учитывая боевые качества сикхов и пограничное положение Панджаба, не только проводили политику союза с крупными сикхскими феодалами, но и оставили крестьянам-сикхам ряд их традиционных льгот. В частности, была сохранена сельская община, низовая форма организации сикхского крестьянства (в романе под общиной обычно понимается этот институт, а не вся община сикхов — хальса). Привилегии, закрепленные англичанами за крупными землевладельцами и сельской общиной, особенно за ее верхами, привели к примирению руководства хальсы с колониальным режимом. Из сикхов даже формировались отборные части англо-индийской армии.

Таким образом, и в истории сикхизма, и в его идеологии были весьма противоречивые моменты, позволявшие по-разному истолковывать сикхские традиции. С одной стороны, сикхизм можно было представлять как секту индуизма, проповедующую ненасилие и примирение с властью имущими, а с другой, как особую общину, готовую идти на любые жертвы, чтобы отстоять своих членов от социального и национального угнетения. Первое направление было в основном представлено имущими верхами — крупными землевладельцами и торговцами, второе же — крестьянством и частью мелких и средних землевладельцев. Первые шли на политический и идейный компромисс с индусскими и мусульманскими верхами и вместе с ними — на соглашение с английским режимом; вторые, отстаивая чистоту сикхизма, усматривали в сплочении сикхской общины средство для осуществления своих классовых и национальных чаяний.

Радикальные сикхские лидеры были не единственными индийскими патриотами, которые использовали религиозно-общинные традиции, чтобы пробудить национальные чувства народа, особенно крестьян. Великий индийский патриот Б.-Г. Тилак обращался к воинствующему индуизму Шиваджи, вождя борьбы маратхского народа против моголов. Мусульманские руководители использовали

узурпацию англичанами прав турецкого султана (халифа) после первой мировой войны, чтобы поднять среди мусульман движение против колониальных властей (так называемое халифатское движение).

Вот почему в романе складывается парадоксальное положение, когда местные невежественные богачи — индусы, мусульмане, сикхи — нарушают совместными кутежами все кастовые и общинные запреты, а получивший образование Бачан Сингх отказывается от европеизированной одежды и печется о пробуждении религиозных чувств у своих односельчан. Правда, веротерпимость богачей распространялась только на равных им по социальному положению и немедля превращалась в пренебрежение к иноверцу, стоило им оказаться бедняку. Напротив, Бачан Сингх проявляет заботу по отношению к неприкасаемому Роду и его дочери, что соответствует древним традициям сикхизма, отвергавшего кастовое неравенство и державшего двери своей общины открытыми для самых отверженных. Поведение Бачана Сингха было вызовом тем сикхским верхам, которых сближение с индуизмом привлекало прежде всего возможностью возродить кастовые различия в среде самих сикхов, предав демократические установления хальсы времен Говинда Сингха.

Столь же знаменательно столкновение Бачана Сингха и его старшего друга Дидара Сингха с нерадивым и безнравственным грантхи (настоятелем храма). Опять же нечто вроде парадокса — священнослужитель пренебрегает своей прямой обязанностью поддерживать и укреплять веру среди паствы, а два образованных мирянина наставляют его на путь истинный. Этот конфликт в романе не выходит за пределы округа. Однако на самом деле столкновения радикально-националистического крыла сикхов с духовенством в течение десятилетий не только потрясали сикхскую общину, но и волновали всю Индию.

По сикхскому обычаю, местная община верующих назначала настоятеля своего храма и смещала его, если была им недовольна. Но после завоевания Панджаба английские власти, пожаловав храмам большие земельные владения, укрепили их положение по отношению к местным общинам. Более того, храмы получили над ними определенную экономическую власть. Все это подрывало устои общественной жизни сикхов, так как их храмы были не только местом отправления религиозных церемоний, но также школой и помещением для обсуждения дел, волнующих общину.

Положение осложнялось и тем, что большинство священнослужителей принадлежало к секте удаси, которая считала сикхизм одним из течений индуизма. Именно умеренность удаси избавила

их от преследований моголов, что побудило сикхскую общину еще в период могольских гонений передать свои храмы на их попечение. Естественно, что радикально-националистические ревнители чистоты сикхизма не могли смириться с сохранением господства этой секты над храмами с их богатствами. Тем более что удаси не допускали в храмы сикхов из низших каст и женщин. Поэтому расправа над неприкасаемой Сундари, проникшей в храм, вполне правдоподобна.

Борьба за восстановление контроля общины над храмами началась еще с конца XIX века. Но особого размаха она достигла в начале 20-х годов, после образования организации «Акали дар», выступившей за восстановление демократических традиций сикхизма, против верхов духовенства. В феврале 1921 года в храме, воздвигнутом на месте предполагаемого рождения Нанака, нанятая настоятелем охрана с чудовищной жестокостью истребила примерно сто пятьдесят безоружных акали, занятых чтением книги «Ади-грантх». И в последующие десятилетия, вплоть до времени завершения романа, внутренние распри раздирали общину сикхов и даже саму организацию «Акали дар». Напряжение этих распрей явственно ощущается в романе, хотя автор и ограничил их описание пределами одной сельской общины.

Как уже отмечалось, отношение писателя-сикха к мусульманам почти неизменно благожелательно. Дело в том, что чистоте сикхских традиций в то время непосредственно угрожал индуизм, а не ислам. К тому же низшие и средние землевладельческие слои сикхов, составлявшие ядро движения акали, были независимы от крупного мусульманского землевладения, но испытывали давление индусского торгового и ростовщического капитала. Вот почему понятны полные горечи и осуждения слова, которые автор произносит устами Гурдеи, ограбленной и опозоренной индусскими богатеями с помощью брахмана. Да и само отмщение своим обидчикам, которое осуществила эта вероотступница, ставшая мусульманкой Анвар Джан, представлено как справедливый акт возмездия по отношению к бывшим единоверцам.

Но пройдет несколько лет, и отношения между сикхами и мусульманами начнут быстро ухудшаться. Мусульманские верхи, еще недавно сотрудничавшие с верхами индусов и сикхов, предъявят притязания на политическое господство в Панджабе, где их община обладала абсолютным большинством. Перспектива оказаться в составе Пакистана на положении неравноправных групп сблизит сикхов с индусами, а воинствующие элементы акали, ранее сражавшиеся с консервативным слоем единоверцев, обратились в самых непримиримых врагов мусульман. Так, трагически для единства Индии обернулось радикальное и во многом демократическое дви-

жение за просвещение собственной общины и восстановление ее лучших традиций.

Сосредоточив свое внимание на местных событиях и личных судьбах героев, писатель не дает нам возможности точно определить хронологические рамки своего повествования. Но уже по отмеченным признакам времени можно полагать, что роман начинается на рубеже второго и третьего десятилетий XX века и завершается десятью годами позже. Например, юный Бачан выступает с чтением своих стихов на площади Джалианвала Баг в Амритсаре. Здесь 13 апреля 1919 года британский генерал Дайер произвел чудовищный по жестокости расстрел мирного митинга, убив около тысячи человек и примерно вдвое больше ранив. С тех пор площадь Джалианвала Баг стала местом поминовения мучеников, отдавших жизнь за свободу родины, и площадью для общественных манифестаций.

Вообще увлеченность писателя внутриобщинными распрями несколько отодвинула от него общепанджабские политические дела, не говоря уже об общендийских событиях. Это, в частности, сказалось и на изображении властей. Блюстители британского «закона и порядка» представлены как исполнительные, но не очень пронизательные чиновники, склонные доверяться проходимцам и клеветникам. Конечно, таковые тоже встречались. Но в целом колониальная администрация Панджаба отличалась не только жестокостью, но и достаточной способностью к маневру и интриге. Так, именно она сосредоточила общественную энергию сикхов на решении их внутренних проблем, а затем сумела посорить три основные общины Панджаба. Были периоды, когда власти даже выражали понимание требований акали.

Сосредоточенность романа на событиях локальных оставила за пределами повествования, скажем, провозглашенное в 1929 году на сессии Национального Конгресса в Лахоре требование о полной независимости Индии, которое было поддержано ведущим крылом акали. Если же повествование было доведено до начала 30-х годов, то, понятно, в романе хотелось бы обнаружить хоть отзвуки тех событий, которые тогда потрясали Панджаб, да и всю Индию. В то же время эти упреки следует сообразовать с подцензурностью издания книги.

Читатель сможет сам оценить лирическую сторону романа. Можно лишь обратить его внимание на то, что сама любовная ситуация в нем является как бы вызовом традиционной общественной морали. Действительно, любовь молодого сикха из уважаемой землевладельческой семьи к неприкасаемой девушке, а затем их брак были нарушением кастовых и религиозных канонов и запретов.

Даже вводя Сундари к себе в дом, Бачан Сингх бросает вызов собственной общине и ее установлениям.

Их чистому чувству писатель противопоставляет ханжество и безнравственность столпов местного индусского общества, добивавшихся мусульманки Анвар Джан и ее дочери, неприкасаемой Сундари. С неприкрытой симпатией он рисует этих женщин, столь отличных внешне, но единых в мученической судьбе. Здесь Нанак Сингх продолжает лучшие традиции индийской литературы, всегда горячо отстаивавшей честь и достоинство женщины.

Несколько слов об авторе романа — Нанаке Сингхе. Он родился в 1896 году (по другим данным — 1898 г.). Систематического образования ему не удалось получить, жил он в большой нужде. Писать стал только в 1929 году. До появления романов Нанак Сингха панджабский роман разрабатывал две темы: сюжеты из истории сикхов или же любовные. Романы Нанак Сингха обычно социальные, проникнуты глубоким сочувствием к человеку, его горестям и чаяниям. Писатель борется за лучшее устройство общества, выступает против таких его пороков, как проституция, наркомания, увлечение азартными играми, а также против детских браков, за единство всех индийцев, независимо от их вероисповедания. Мирозрение Нанак Сингха не свободно от противоречий и некоторой ограниченности. И все же писатель старался преодолеть этот недостаток. В романе «Туманные тени» он пишет: «Я назову эту эпоху — эпохой капитала, а не культуры, так как эта культура представляется мне в действительности лишь покрывалом для капитализма, и под сенью этого покрывала человеку дозволено совершать поступки, каких нельзя ожидать даже от дикаря».

Велик вклад Нанак Сингха в становление и развитие литературных норм языка. Индийские литературоведы отдают должное богатству и выразительности его языка, его умению рисовать характеры. Предлагаемый вниманию читателей роман — наиболее известный из романов писателя. Он рекомендован в качестве образца современной прозы на языке панджаби в высших учебных заведениях штата Панджаб. Конечно, читатель, воспитанный на русской классике, заметит известную мелодраматичность, а также дидактичность изложения. Однако эти недостатки романа возмещаются искренней любовью писателя к людям и его активным неприятием зла.

В. Павлов

СОДЕРЖАНИЕ

СУНДАРИ	5
<i>В. Павлов. Исторический фон романа «Сундари»</i>	<i>163</i>

Нанак Сингх

СУНДАРИ

Редактор *А. Ибрагимов*

Художественный редактор *Ю. Коннов*

Технический редактор *О. Ярославцева*

Корректоры *Г. Сурис* и *Р. Андрианова*

Сдано в набор 20/X 1969 г. Подписано в печать 26/III 1970 г. Бумага № 2.
Формат 84×108¹/₃₂. 5,5 печ. л. 9,24 усл. печ. л. 9,27 уч.-изд. л. Тираж 50 000.
Заказ № 1730. Цена 47 коп.

Издательство „Художественная литература“
Москва, Б-66, Ново-Басманная, 19

Типография им. Володарского Лениздата, Ленинград, Фонтанка, 57

